

Альбина Шаганова

Дом введьмы

16+

Альбина Рафаиловна Шагапова

Долг ведьмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67618131

SelfPub; 2022

Аннотация

Зная о своём дефекте, я давно распрощалась с мечтами о личной жизни, решив полностью посвятить себя младшей сестре. Однако, в мою скромную и тихую жизнь, бесцеремонно ворвался бывший приютский дружок Данилка, а ныне- властный и беспощадный куратор Молибден. Одним махом ему удалось разрушить всё, что было мне дорого, всё, что я с таким трудом выстраивала долгие годы. И теперь, мой путь лежит на проклятый остров, в магическую академию, туда, где человеческая жизнь не стоит и гроша, где нарушение правил и неудачи в учёбе караются телесными наказаниями. Смогу ли я выжить в этих условиях и не сойти с ума? Смогу ли полюбить и принять нового Молибдена, уже не мальчишку, а мужчину? И какова будет цена этой любви?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	53
Глава 4	59
Глава 5	78
Глава 6	86
Глава 7	91
Глава 8	97
Глава 9	105
Глава 10	112
Глава 11	128
Глава 12	144
Глава 13	159
Глава 14	175
Глава 15	185
Глава 16	197
Глава 17	202
Глава 18	209
Глава 19	215
Глава 20	223
Глава 21	228
Глава 22	252

Глава 23	266
Глава 24	271
Глава 25	280
Эпилог	289

Альбина Шагапова

Долг ведьмы

Пролог

Тот, кто утверждает, что любит детей, нагло врёт. На самом деле, любят исключительно своих, чужие же, всех раздражают. Иначе, как ещё можно объяснить поведение воспитателей, врывающихся в комнату между пятью и шестью утра, резко включающих свет и орущих ненавистное слово «Подъём!» так, что тут не только ребёнок проснётся, но и мертвец из гроба восстанет. И ладно бы, такого отношения удостаивались лишь подростки, шумные, прыщавые, нескладные, а некоторые ещё и вонючие. Но нет же, нервные бабы таким же образом обращались и с малышами. Зато собственных отпрысков зацеловывали до смерти, вытирали их сопливые носы платочками, хвалили и постоянно справлялись: « Ты не замёрз? Кушать хочешь?». Тьфу! И не то, чтобы я завидовала, нет! В конце концов мне было уже четырнадцать, и завидовать, желая для себя всяких телячьих нежностей довольно глупо. Меня больше выводило из себя человеческое двуличие. Ну ладно, орёшь на нас, так ори и на своё чадо. В конце концов, оно у тебя более капризное, более изнеженное и отнюдь не покладистое.

Обо всём этом я размышляла, ковыряясь в серой, душно пахнувшей полуостывшей манной каше, нашпигованной склизкими комочками, с жёлтым маргариновым пятном в центре. Стены с отвалившейся в нескольких местах штукатуркой, зудящие прямоугольные люминесцентные лампы под тёмным потолком, тревожный синий свет морозного утра, робко брезжащей в узкие, мутные оконца. Как же всё это надоело, до тошноты, до отвращения к самой себе, к своей ничтожности, к своему бессилию. Кто я? Сиротка -хромоножка, никому не нужная, живущая на планете лишь благодаря милости императора. Ничего не умеющая, ничего не знающая, ничего не способная изменить ни для себя, ни для сестрёнки.

– Именем императора! – грянул зычный мужской голос, и звуки, наполняющие столовую, смолкли. Воцарилась напряжённая. Страшная тишина.

Мы повернули головы в сторону голоса, и скользнув взглядами по трём мужчинам, облачённым в чёрные плащи, тут же съёжились. Все, даже неуправляемые хулиганы и наглые, острые на язык спорщики и болтуны.

Да что там говорить о нас? Сам директор, примостивший своё приземистое круглое тельце рядом с плащами, стоял бледный, потный, то и дело почёсывая лысую макушку, что являлось свидетельством крайнего возбуждения и волнения.

А один из плащей продолжал грохотать:

– Именем императора, сегодня среди воспитанников дет-

ского дома будут проводиться тесты на наличие аномальных способностей.

Кто-то всхлипнул, кто-то заскулил, кто-то втянул голову в плечи, инстинктивно стараясь казаться незаметным. Тестов боялись все. Ведь если результат окажется положительным, директору детского дома инквизиторы выдадут светло-зелёную справочку. И эта справочка будет храниться в сейфе до той поры, пока несчастному воспитаннику не стукнет восемнадцать. А потом, за беднягой вернётся инквизиция, и как бы он не просил, не умолял, заберёт его на проклятый остров, откуда не возвращаются.

Тесты проводились каждые два года, и как только наступал день икс, всех обитателей детского дома трясло, словно в лихорадке. Дети прятались по чуланам, углам и туалетным кабинкам, забивались под кровати, однако, их всё равно находили и волокли на тестирование.

– Данила Молибден, сегодня вы достигли своего совершеннолетия. И так, как являетесь носителем аномальных способностей, обязаны пройти с нами, – плащ говорил тихо, но мощно, а в моей, затуманенной страхом голове, метался неуместный вопрос о том, почему инквизиторы скрывают свои лица под тенью капюшонов?

Молибден с демонстративной медлительностью отложил ложку, отодвинул от себя тарелку с недоеденной кашей, встал и направился, но не в сторону инквизиторов, а к девчачьим столам.

– Молибден! – просипел директор, становясь ещё бледнее. – Ты слышал, что тебе сказали?

– Если вы не подчинитесь, нам придётся применить силу, – ровно, как по писаному проговорил плащ.

Все испуганно зашептались. Однако, Молибден, тот же Крокодил, тот же хулиган и вор, тот же красавчик и объект обожания всей женской половины детского дома, от малышей до молодых воспитательниц, не испытывая никакого страха солнечно улыбнулся, словно в столовую вошли не инквизиторы, а его давние приятели.

– Спокойно ребята, – произнёс он, делая упреждающий жест рукой. – Я всего лишь хочу попрощаться с любимой девушкой.

Теперь все девчонки, включая и меня, застыли в ожидании. Каждой хотелось быть девушкой солнечного Молибдена, каждая писала его имя в своей тетрадке, каждая посвящала ему стихи. Однако, местная звезда светила всем одинаково. Ну может, и не совсем одинаково, кого-то щипала за выпуклое место, кому-то делала комплименты, меня же опекала. Приносила ворованные конфеты, защищала от других мальчишек.

Ленка-раскладушка поправила чёлку, Наташка расплылась в предвкушающей улыбке, Иришка смущённо опустила глаза, а Зойкины щёки вспыхнули так, что на них можно было бы подогреть остатки манной каши. Я же продолжала ковыряться в своём завтраке. Где я, а где Молибден. Уж кто-

кто, а хромоногий воробушек, без сисек, без попы, с серыми жидкими волосёнками, Молибдену точно не пара. Я для него всего лишь Мелкая. Мелочь, не стоящая внимания.

На плечи легли горячие ладони. И от их прикосновения, по венам побежала магма, а дыхание перехватило, как бывает, когда резко съезжаешь с крутой горы.

– Повернись ко мне Мелкая, – еле слышно прошептал он, и этому шёпоту не подчиниться было просто невозможно, таким мощным, таким повелительным и таким сладким, словно расплавленная карамель, он был.

Обернулась, и тут же обожглась о пылающий серебряным огнём взгляд.

– Не волнуйся за меня, Мелкая, – проговорил Молибден, глядя меня по, внезапно-вспыхнувшей щеке. – Я тварь живучая. Если будет плохо – выживу. А если будет хорошо – вернусь и заберу тебя. Ты веришь мне?

Я кивнула, с трудом понимая его слова, лишь замороженно глядя в расплавленную ртуть колдовских глаз.

Глава 1

В жестокую реальность меня выбрасывает за несколько минут до приказа проснуться и открыть глаза. В иллюминаторы щедро вливается ослепительная белизна облаков, ремень безопасности болтается где-то в области пупка, пространство гудит и вибрирует, в аромат дорогой туалетной воды бесцеремонно вплетается тяжёлый дух человеческого пота, мочи и рвоты, а также, неповторимый запах, присущий лишь самолётам. Пассажиры, полулежащие в креслах, неестественно расслаблены, пугающе неподвижны. Бледные, покрытые испариной лица, чуть приоткрытые рты, носогубные треугольники измазаны кровью. Под кем-то блестит характерная лужица, у кого-то изгажена одежда. Осторожно поворачиваю голову, разглядываю край крыла, виднеющегося в иллюминаторе. Серый, гладкий, с красным логотипом авиакомпании в центре. В прошлом году этой же компанией мы с сестрой летали на юг, и, наверное, как раз, на том же самолёте. Синие кресла, длинные светильники под потолком – всё, как тогда, в тот счастливый, наполненный радостью дороги, беззаботностью, ожиданием новых впечатлений и приключений день. Мысль о сестре, о нашей недавней ссоре заставляет болезненно сжаться сердце, гонит по коже тысячи неприятных холодных мурашек. Верно говорила старая нянька тётя Зина: «Беда одна не приходит. Стоит дождю

пойти, колоши рвутся».

С омерзительной вкрадчивостью накатывает волна паники. С обманчивой ласковостью гладит горло, опутывает холодными скользкими нитями грудь, чтобы потом болезненно сжать, впрыскивает в вены горький яд отчаяния. Стоп! Нужно успокоиться, собраться, не дать панике себя захватить. Необходимо вспомнить, что произошло, как я оказалась в салоне этого самолёта. С чего начать? Наверное, со вчерашнего дня. Итак, что же случилось вчера? Вчера мы крупно поссорились с сестрой.

Интеллигентного разговора у нас не получилось, хотя, бог свидетель, я сделала всё возможное. Испекла её любимый пирог, купила бутылку шампанского, накрыла стол, украсила комнату воздушными шариками и мучительно, безумно, невыносимо долго ждала, когда повернётся в замочной скважине ключ, и в прихожей раздастся звонкий Полькин голосок.

Нервно сигналиит соседская машина под окном, плачет за стеной чей-то ребёнок, по асфальту стучат мелкие частые дождевые капли, в открытую форточку влажно и терпко дышит осень. Остывает ужин. Свечки на именинном пироге стыдливо ёжатся и оплывают. Языки пламени дрожат на тонких фитилях, дрожу и я от нетерпения и страха. А вдруг она не придёт, вдруг свой день рождения решит отпраздновать в кругу друзей? Да-да, тех самых, самых лучших, самых дорогих друзей, которые гораздо важнее, интереснее, прогрес-

сивнее меня. Вдруг не захочет сидеть дома, как лохушка, пришпиленная к моей, воняющей щами и котлетами юбке?

Она возвращается, когда стрелки часов переваливают за полночь, а я уже начинаю покачиваться на волнах дремоты.

Ох, не так я хотела встретить свою неугомонную, взбалмошную сестрицу, не так. Чёрт! Ну почему у меня всё шиворот на выворот? Почему не как у людей? Заспанная, в застиранном домашнем халате, выхожу к ней на встречу, и тут же ловлю полный брезгливости и раздражения взгляд.

– Ты голодная? А я пирог с яблоками испекла, – говорю и, тут же ругаю себя за жалкие просительный нотки, за унижительную дрожь в голосе. И Полька эту дрожь улавливает, чует мой страх, мою неуверенность.

– Мы с девками в кафешке пожрали, – выплёвывает девчонка, снимая ботинки и швыряя их в угол. Во все стороны разлетаются мелкие брызги грязи, и убирать эту грязь придётся, разумеется, мне. Мы не так богаты, а вернее сказать, вовсе не богаты, чтобы иметь в хозяйстве швабру, с выбитыми на ней золотыми буквами «МУП».

От сестры стойко и густо несёт алкоголем, а на щеках пылает пьяный румянец. До зуда в ладонях хочется оттаскать её за обесцвеченные патлы, наорать, отхлестать по щекам, стирая с губ наглуую, вызывающую, улыбку превосходства. Однако, я стою перед ней молча, карябая заусенец на большом пальце, страшась спровоцировать вспышку её гнева, мучительно, в который раз ломая голову над тем, когда, с какой

минуты мы с Полькой стали чужими друг другу.

Повесив мокрую куртку на крючок, сестра направляется в ванную, я следую за ней, пытаюсь уловить в жёстких, холодных, словно две льдинки, глазах хоть толику тепла, снисхождения ко мне. Хоть малую долю радости возвращения домой. Но дверь закрывается перед самым моим носом. Шумит вода, бьющаяся о железные стенки ванны. Сестра пьяно вопит какую-то фривольную песенку, демонстрируя свою независимость и пренебрежение ко мне. С тоской окидываю убогие выцветшие обои прихожей, жёлтые, в ржавых потёках потолки. Полька, наверняка, всё это ненавидит, считает меня рохлей и тряпкой, раз не могу найти жильё получше, мечтает о более богатой и красивой жизни, в которой на ужин креветки или какие-нибудь кальмары, а не опостылевшие пустые макароны, на плечах шуба из горностая, а не выдавший виды потёртый пуховик, и мупы, на каждой полке, умные, никогда не устающие, так здорово облегчающие скучный домашний труд.

Какой же промозглой, неудобной и серой выдалась эта осень. В нынешнем году не было ни золотых солнечных деньков, ни утешительного приза –бабьего лета. Вслед за летним зноем резко и бесцеремонно ворвались пронизывающий ветер, серость и ледяные нудные дожди.

И когда отопление дадут, ведь обещали же? Конечно, за коммунальные услуги платить больше придётся, но, зато, не нужно будет цеплять на себя сто одежек, а просыпаясь по

утрам на работу, ёжится от сырого, пробирающего до костей осеннего холода.

Правильно, Илона, думай о ценах на коммунальные услуги, о холоде, о злой осени, о чём угодно, кроме того, что сестра скажет тебе, когда выйдет из ванной. Думай о работе, о порванных ботинках, о пальто, которое нужно будет отнести в химчистку, иначе, ты сойдёшь с ума, закричишь, забьёшься в безобразной истерике.

Дверь распахивается резко, ударяясь о стену. Полина вылетает из ванной, отталкивая меня со своего пути, не оценив ни моих ожиданий, ни скрещённых рук на груди, ни многозначительного взгляда.

– Полин, – начинаю я, семена за ней следом. – Давай поговорим.

А подбородок дрожит, трясутся пальцы, в животе ворочаются ледяные глыбы. И, почему-то, именно сейчас я понимаю, что наш сегодняшний разговор окажется роковым, переломным. Либо примирение и продолжение нашей сказки о двух сёстрах, либо её окончательный уход к этому Тимоше, будь он неладен. Господи, только бы не оплошать, не оступить, не сделать ошибку!

– Говори, – милостиво разрешает сестрица. На лице полное равнодушие, в голосе стужа.

Полинка растягивается на диване, закидывает руки за голову. Пахнет пирогом, парафином плавящихся свечей. Острые языки пламени продолжают свой бесполезный, неле-

пый танец, отражаясь на поверхностях бокалов, бутылочном стекле, старинном хозяйском зеркале, в неприязненном взгляде сестриных глаз.

Ловлю себя на том, что мне, нечего сказать. Всё уже сказано тысячу раз в момент наших ссор. И о её неуважении ко мне, о ночёвках вне дома, и о сомнительных друзьях, каждый выходной толкущихся у нас в квартире, съедающих и выпивающих всё, что у нас есть, пьяных, шумных, хамоватых, неопрятных. О том, что Тимофей ей не пара, да и замуж выходить Полинке рановато. О том, что ей надо получить образование, а она бессовестно прогуливает пары. О том, как я сильно её люблю и каждое резкое слово, каждая насмешка глубоко ранит меня.

– Полина, – говорю, осознавая, что ступила на тонкий лёд, что теперь нужно двигаться осторожно, очень осторожно, ведь если он треснет – я пропала, пропали мы, как семья.

– Я понимаю, что ты молодая девушка, и тебе хочется развлекаться, но я очень волнуюсь за тебя...

Голос мой скрипит, словно старое дерево. Чувствую, как пересыхает в горле, будто, извлекаемые мной звуки стали шершавыми, грубыми и царапающими нежную слизистую.

– Мне приходится работать на износ, чтобы оплачивать квартиру, твои развлечения и одежду. Я во всём себе отказываю, лишь бы ты ни в чём не нуждалась и не отвлекалась от учёбы. И неужели не заслужила хоть немного благодарности с твоей стороны?

Полина с удовольствием потягивается, затем медленно садится, спускает босые ноги на пол, смотрит в упор на меня, морщится, демонстрируя отвращение, окидывает взглядом накрытый стол.

– Благодарность? – медленно произносит сестра, облизывает нижнюю губу, как будто, только что попробовала это слово на вкус. – А тебе не кажется, что это ты должна быть мне благодарной. За то, что я, краснея от стыда, таскаю тебя к своим друзьям, лишь бы ты не сидела в одиночестве и не хныкала. За то, что возвращаюсь домой в самый разгар вечеринки, как только ты начинаешь звонить и ныть мне в трубку. За то, что живу с тобой и терплю твои замшелые проповеди о пользе образования и примерном поведении, хотя уже давно могу переехать к Тимохе и жить с ним. Кстати, дорогая, я так и сделаю. Хватит думать о твоих чувствах, пора устраивать свою личную жизнь.

Встаёт, открывает шкаф, достаёт потёртую синюю спортивную сумку, и я холодею от ужаса. Внутри меня всё вибрирует, язык прилипает к нёбу, горло сжимается.

– Меня достала твоя мелочная забота, стремление держать возле себя. Я не хочу убивать молодые годы на твою кислую физиономию. Да, ты калека и найти себе пару никогда не сможешь, но согласись, это- не моя проблема. Каждое её слово звучит чётко, ровно, увесисто, словно комья могильной земли падают на деревянную крышку гроба. Гроба, в котором похоронены наши отношения, наше счастье. Ве-

черные прогулки вокруг здания детского дома, когда её маленькая ладошка так уютно лежала в моей руке, наши мечты о собственном доме, моё поступление в училище, её приезды ко мне в общагу, получение диплома, съёмная квартира. Как же Поинка радовалась, когда я забрала её и объявила, что теперь мы будем жить в этой квартирке вдвоём. Вечерние чаепития и просмотры фильмов, прогулки в парке, поездка к морю. Неужели она готова похоронить всё то хорошее, что было с нами?

В раззявленную пасть сумки летят рубашки, сарафаны, баночки и бутылочки, спортивный костюм, пара брюк. Из самых недр шкафа Поинка вынимает свитер, купленный мной на прошлый день рожденья, спешно натягивает, прямо поверх домашней футболки, наклоняется ко мне, нависает, вонзаясь в самую мою душу острыми холодными кинжалами своих безжалостных глаз.

—Ни погулять, ни расслабиться, ни нормально сексом заняться. Меня тошнит от твоего кудахтанья: «Ах, Полина, куда ты пропала, уже темно, я так волнуюсь!» «Ах, Полина, на улице холодно, надень куртку». «Ах, Полина, пойдём скорее домой, завтра рано вставать!» Друзья надо мной смеются, звать не хотят, боятся, что ты увяжешься. А Тимка выдвинул условие: «Либо я, либо, сестрица- калека с тухлой рожей». Прости, но я выбираю не тебя. Мне жить хочется, а не существовать!

На последних словах происходит взрыв её ярости. Поли-

на с силой пинает стол. Тот звенит, накреняется. Обрубки свечей, бокалы, вилки, горшки с нетронутым, уже успевшим остыть рагу летят на пол.

– Это конец! Конец! – набатом бухает в голове.

Тело деревенеет. Бестолково открываю и закрываю рот. А сестра легко подхватывает сумку, словно та ничего не весит, и направляется к двери.

Плетусь за ней, чувствую, как подо мной качается пол, как надвигаются стены, как воздух сгущается, не давая идти, мешая приблизится.

– Не смей выходить из квартиры! – шепчу в спину, обтянутую тканью зелёного свитера. – Только попробуй, Полина. Слышишь?

Плевать на гордость, на слёзы, на кривящиеся, от желания разрыдаться, губы. Главное, чтобы она осталась, не бросал одну в холодной квартире, в этой синеве октябрьских сумерек. Она смысл моей жизни, единственный родной человек, моя отрада. Я живу ради неё, для неё. Без сестры мне ничего в этом мире ненужно. И я не дам ей уйти!

Полька поворачивается, и в душе вспыхивает маленькая искорка надежды. Неужели, она испугалась, неужели сейчас бросит на пол сумку, прижмётся ко мне, будет просить прощения, как когда-то в детстве, и я прощу, конечно же. Мы разрыдаемся с ней, громко и облегчённо, как две дуры, а потом сядем за стол и разрежем, наконец, злосчастный пирог.

–И что же ты сделаешь, позволь узнать? Как накажешь? –

губы сестры растягиваются, и впервые, её улыбка кажется мне уродливой, гадкой. – Заплачешь? Устроишь бойкот? А может, ты на сей раз придумала нечто новенькое? Ну, давай, начинай уже кукситься и шмыгать носом!

Последние слова Полина выкрикивает мне в лицо. Я морщусь от мерзкого запаха дешёвого пойла, а сестра смеётся. Громко, зло, вызывающе.

– Ты готова предать меня ради какого-то придурка? Меня? Свою родную сестру? Ты- свинья, Полина! – едва шевеля губами, произношу я. Понимаю, что делаю только хуже, что говорю не то и не так, что сейчас нужны другие слова. Но какие? Есть ли такие слова, способные остановить уже сорвавшуюся и стремительно несущуюся вниз лавину?

– Прекрати, Илусь!

Так меня никто не называл, да и не знал никто об этой вариации моего имени. Только мама. И я беспомощно хватаюсь за эту соломинку, в душе расцветает надежда. Ведь, случайно оброненное, внезапно всплывшее из глубины прожитых лет моё детское имя, свидетельство того, что сестра помнит, и глухую деревню, в которой мы жили, и маму, и отца с бабушкой, и то, как мы были счастливы.

На мгновение её лицо озаряется прежней, добродушной, такой знакомой, такой родной улыбкой. До боли, до зуда в ладонях хочется встать на цыпочки, дотянуться до, торчащих в беспорядке, светлых волос, провести ладонью, ощутив приятное покалывание.

– Прекрати, – вновь повторяет она, уже твёрже и громче. – Это ещё большой вопрос, кто из нас свинья. Я, желающая строить свою жизнь по собственному усмотрению, или ты, страшась одиночества и навязывающая мне своё общество и свои законы? И, если тебя это успокоит, то знай, на работу я устроилась, сама себе могу оплатить и обед, и развлечения.

Она уходит, а я валюсь на диван и, больше не сдерживаясь, реву.

Что может быть жалче накрытого на двоих стола с нетронутым ужином и оплывающими свечами? Наверное, только невостребованный, ненужный подарок, завёрнутый в дурацкую блестящую бумагу, лежащий в шкафу на полке и ожидающий своего часа.

Всю ночь я ворочаюсь без сна, вслушиваясь в поступь дождя за окном и думая о том, как вернуть Полину. Гудит холодильник, тикают настенные часы. Мысли склеиваются, смешиваются, переплетаются. Я, то готовлю пламенную речь, обвиняя сестру в предательстве, то сочиняю повинное письмо, в котором каюсь во всех смертных грехах, умоляя вернуться. Заснуть мне удаётся только утром, когда в окно лениво брезжит тусклое, грязно-синее октябрьское утро.

Надо ли говорить, что на работу я являюсь разбитая, уставшая, с лиловыми тенями и отёками вокруг глаз.

Коллеги перешёптываются, наверняка обсуждая мой непрезентабельный вид, директор, встретив меня в коридоре

здоровается гораздо суше обычного и демонстративно морщится. Ну да ладно, к его гримасам, также, как и к гримасам его прихлебателей я уже привыкла. Да, все они желают избавиться от меня, на увечных смотреть никому неприятно. А тут, как не крути, элитная школа. Но принять меня на работу, как сироту, они были обязаны, так что сеятелям разумного, светлого, вечного, во главе с директором приходится меня терпеть, лишь морщиться, вытирать руку после случайного прикосновения ко мне да шипеть вслед. И я уж было направляюсь дальше, как вдруг Иосиф Захарович меня останавливает.

– Илона Николаевна, пройдёмте в мой кабинет.

В поросячьих бегающих глазках начальника вспыхивает блеск предвкушения, губы подрагивают в еле заметной улыбке, крупные ноздри трепещут, учуяв страх жертвы, мой страх.

Хромаю вслед за массивной, облачённой в тёмно-серый пиджак квадратной спиной, размышляя над тем, что же, собственно, меня пугает. Не очередная же тирада, в самом деле? К нравоучениям дорогого начальничка я уже привыкла и научилась пропускать их мимо ушей. Но отчего мне так страшно сейчас?

А школа живёт своей привычной суетливой жизнью. Цокают каблуками учительницы и старшеклассницы, с визгом носятся ученики младших классов, шлёпает по полу тряпкой раздражённая уборщица, пахнет краской, мокрым по-

лом, духами и молодым потом.

На душе скверно, и больная нога кажется ещё тяжелее, ещё неповоротливее. А ведь мне целый день стоять у доски. От одной только мысли о звоне детских голосов, душном кабинете, начинает мутить. Чёрт! Как же болит нога. Ноет, тянет, доводя до отупения, до желания послать всё куда подальше, сбежать домой и завалиться на диван. А тут ещё и представительница родительского комитета должна на урок прийти. Вот только её и не хватает для полного счастья. Прищипится, благоухая душистым ароматом какой-то там дикой орхидеи, примется по всюду совать свой длинный крысиный нос, поджимать ярко-рыжие губищи, неустанно напоминать о таланте своей дочурки. Эх, послать бы её далеко и надолго! Да нельзя, она сестра директора. Развёл кумовство, старый козёл!

Директор, с показной вальяжностью, располагаясь в кресле, с любопытством поглядывая на меня. Мне же, присесть не предлагает, хотя прекрасно видит, как я стискиваю зубы от боли. Серый свет осеннего дня отражается на его блестящей лысине, мерцает в выпуклых, съезжающих с переносицы очках. Кабинет насквозь пропах бумагой, дорогими сигаретами и хорошим мужским парфюмом, а ещё кофе. Терпкий кофейный дух щекочет ноздри.

– Помните, месяц назад, в нашей школе инквизиция проводила тесты? – с вкрадчивостью ядовитой змеи произносит директор. – Как вы думаете, что обнаружила проверка?

– Не знаю, – отвечаю я, с обречённостью понимая, к чему он клонит, но ещё не верю, гоню от себя страшную мысль. Ведь всегда мои показатели были до смешного низкие. Такие низкие, что инквизиция не хотела возиться с подобной мелочью. Твёрдо зная об этом, я жила спокойно и даже перестала волноваться во время периодических проверок.

– Не лукавьте, дорогуша. Поздно отпираться, – припечатывает директор, больше не скрывая своего триумфа. – И неужели вам ни чуточки не стыдно? Илона Николаевна, вы целый год обманывали меня и своих коллег, находились рядом с детьми, подвергая их опасности, вместо того, чтобы во всём признаться. А ведь мы вас пожалели, взяли на работу, несмотря на ваш дефект.

Ну вот, опять знакомая песенка. Ему самому-то не надоело повторять одну и ту же фразу о моём дефекте и своём благородстве. Конечно, можно начать доказывать, что взяли меня благодаря особому распоряжению императора, брать на работу сирот, но что это даст? Только разозлит начальника, а мне необходимо его умаслить, перетянуть на свою сторону.

– Захар Иосифович, – шепчу онемевшими губами, а в ушах противно звенит, и хочется рухнуть от слабости, отчаяния и стыда. – Произошла какая-то ошибка. Вы же видели мои документы, каждый день сталкивались со мной на работе. Кому, как ни вам знать, что во мне нет магии. Прошу вас, вступитесь, попросите провести ещё один тест.

Директор вздыхает, всем видом демонстрируя усталость

и желание выставить меня за дверь.

– Сделаю для вас всё, что угодно. Я готова выполнить любое ваше желание. Я ещё девственница.

Господи, неужели я говорю это. Как мерзко! Как гадко! Как унижительно! Но позволить себя забрать – выше моих сил. Свобода и сестра дороже всего, даже чести.

Директор, по-птичьи склоняет голову, пристально оглядывая меня. Разумеется, увиденное ему не нравится. Худенькая девушка с русым хвостиком на затылке, в видавших виды потёртых джинсах, кедах и стареньком колючем свитере с дурацкими серо-жёлтыми ромбами, левая нога, кривая, с повернутой во внутрь ступнёй, согнута в колене, потому, стоять прямо и красиво девушка не может, также, как и бегать или идти гордой летящей походкой.

– Единственное, что я могу сделать, – начальник сжимает крылья своего мясистого носа, словно даже дышать одним воздухом со мной ему противно. – Уволить вас задним числом. Вы уже как три дня не работаете в нашей школе. И этот жест, прошу заметить, я делаю не ради вас, а ради школы. Не хочу, чтобы ученики и коллеги видели неприглядную сцену вашего ареста. А то, знаете ли, инквизиция любит являться без предупреждения куда угодно и во сколько угодно.

– Пожалуйста, у меня сестра, она останется совсем одна, – говорю быстро, глотая слова, чтобы он не смог меня перебить или прогнать. – Я уволюсь, я близко не подойду к школе, только попросите провести ещё один тест. Это ошибка,

недоразумение.

Директор откидывается в кресле, закрывает глаза, скрещивает на груди руки, всем видом демонстрируя гадливость.

– Не вешайте на меня свои проблемы, дорогуша. Позвольте дать вам совет:» Если уж вы оказались в дерьме, не пачкайте им окружающих людей. Воняйте в одиночестве», – изрекает он. Затем, тянется к одному из ящиков стола, достаёт лист бумаги и ручку.

– Пишите заявление, Илона Николаевна, и примите свою участь достойно.

Дождь усиливается с каждой минутой, под ногами хлюпает и чавкает, а на душе так же скверно, пасмурно и промозгло, как и на улице. Мир жесток, и человек человеку волк. Мир не прощает слабости, наивности и веры в хорошее.

Оступаю, скольжу на грязной дороге, теряю равновесие и падаю в лужу, с размаха сажусь в неё, чувствуя, как все слои одежды на мне мгновенно пропитываются влагой, куртка, брюки, трусики. Хочется по-волчьи взвыть, запрокинуть голову к серому, надутому небу и заголосить, распугивая жирных ворон, облюбовавших голый, кривой тополь.

– Не смей раскисать, долбанная ты идиотка, – твержу себе, прикусывая нижнюю губу до крови. – бери себя в руки и начинай действовать! Сейчас ты приползёшь домой, откроешь газету и будешь искать объявления о приёме на работу в другом городе, как можно дальше. Даже не в городе, а в селе или деревне, самой глухой и захолустной. А завтра, от-

правишься к Тимофею и заявишь ему о том, что не отдашь сестру. Что не позволишь дурочке испортить себе жизнь, что она должна окончить училище и получить образование. А инквизиторы пусть ищут. Пока спохватятся, вы с Полькой будете уже далеко.

Дело осталось за малым, доковылять до дома по колдобинам, обходя лужи, спотыкаясь и волоча за собой тяжёлую, словно набитую камнями, ногу. Жидкий розоватой свет уличных фонарей растекается в сгустившихся сумерках, грохочут трамваи, раскачиваются голые, потемневшие от дождя деревья. Домой, скорее домой. Горячий душ, чай с вчерашним пирогом и телефон с пожелтевшим от старости диском, полустёртыми цифрами, красной трубкой на витом проводе. Я потребую вернуть мне сестру, припугну хулиганьём, благо таковые в нашей школе водятся, да ещё и в избытке, буду бить на жалость, давить на совесть. Полина вернётся, во что бы то ни стало, и мы уедем, как можно быстрее, и как можно дальше.

Но ничего сказать Тимофею я не успеваю, и вообще ничего не успеваю, даже попасть в квартиру. Меня берут прямо в подъезде, на лестничной площадке между первым и вторым этажом, сухо и безапелляционно заявив, что применят силу, если я окажу сопротивление, и тут же её применяют, так как я, это самое сопротивление оказываю. Ну не баран ведь я, в самом деле, чтобы покорно следовать туда, куда поведут и делать то, что скажут?

Двое крепких мужчин в чёрных плащах, с надвинутыми на глаза капюшонами, подхватывают меня под руки и тащат к припаркованной у подъезда чёрной машине.

Пахнет мокрой почвой, гнилой листвой, переполненными мусорными баками и почему-то, квашенной капустой. Ветер треплет оголённые ветви тополей, швыряет пригоршни не то холодных дождевых капель, не то снега. Надрывно кричат вороны, в бесформенных, рябящих поверхностях луж дрожит серое, словно старая ветошь, небо. Мимо цокает каблучками молодая женщина, волокущая за руку малышку в яркой рыжей курточке. Вечно пьяный сосед с наслаждением затягивается сигаретой сидя на мокрой лавке, хмурая дворничиха размахивает своей метлой, сгребая, прилипшие к асфальту ржавые, сморщенные монеты листьев. Все эти мелочи проносятся перед моим взором мгновенно. Пронесутся, чтобы через минуту пропасть, скрыться за тёмными стёклами казённого автомобиля. От ужаса к горлу подкатывает тошнота, холодеют пальцы рук и ног. Мне никто не поможет, никто не заступится. Связываться с инквизицией – себе дороже. Легче сделать вид, что ничего не происходит. Нет никакой чёрной машины, нет напуганной девушки в дохлой куртёнке, нет суровых мужиков в плащах с капюшонами.

Но ведь это какая-то ошибка. Я не ведьма, у меня нет и никогда не было дара. Наверняка, всего лишь поклёп со стороны одной из родительниц, подлая, глупая, дешёвая месть. Нужно сказать, нужно объяснить, пока не стало совсем позд-

но.

– Вы ошиблись! – кричу, но из горла вырывается лишь жалкое сипение.

Хватаю ртом пропахший кожей и хвойным дезодорантом воздух и понимаю, как же его мало, ничтожно, чудовищно мало. Задыхаюсь, содрогаюсь всем телом.

– Не может быть, не может быть, не может быть, – набатом пульсирует в висках. – Всё сон, страшный, абсурдный, нелепый сон.

Мужчины швыряют меня на пассажирское кресло сзади, сами садятся по обеим сторонам. Пытаюсь вскочить, но больная нога тянет назад, тормозит движения. Ору проклятия, царапаюсь, кусаюсь. Щипаю одного из похитителей, со всей силы. Как бы ни так! С таким же успехом я могла бы щипать каменную глыбу.

Машина срывается с места и летит вперёд. Мимо стремительно проносятся магазинчики с нелепыми цветными вывесками, ряды пятиэтажек, трамвайные остановки.

– Это какая-то ошибка.

Молчание, тяжёлое, вязкое.

– У меня нет дара, я простая учительница.

Вновь нет ответа.

Внутренности превращаются в дрожащее, холодное желе, перед глазами мечутся чёрные мушки, зубы отстукивают дробь.

– Проверьте ещё раз. Я не ведьма, – придушено пищу, к

горлу подкатывает тошнота, а в голове начинает противно звенеть. Ну и хорошо, лучше провалиться в обморок, лучше умереть прямо сейчас.

– Девочка, успокойся, – один из чёрных плащей снисходит до разговора. Голос хриплый, усталый, без намёка на агрессию, и это даёт слабую надежду. – Мы просто работаем, выполняем свой долг. А ты выполнишь свой. Посмотри на меня.

Сухая жилистая рука ложится мне на плечо, тянет в свою сторону.

– Нет, – цежу сквозь зубы, отворачиваюсь, сжимаюсь, зажимаюсь изо всех сил. – Никогда! Лучше сдохнуть прямо сейчас.

Если инквизиторский взгляд встречается со взглядом ведьмы или мага – это конец! Маг просто теряет сознание, погружается в тяжёлый сон. И тогда, делай с ним всё, что заблагорассудится, хоть на костре сжигай. Однако, прежде чем отключиться, жертва успеет испытать запредельную, безумную боль. Не смотреть! Не смотреть!

– У тебя нет выбора, – констатирует инквизитор.

Да я и сама знаю, что нет. Но как же страшно. Господи, как страшно!

– Не усложняй, – мужчина продолжает уговаривать. Наверное, и впрямь устал. – Просто посмотри на меня, и я постараюсь причинить тебе как можно меньше боли. У меня дочка примерно такого же возраста.

А ведь я помню, как вот так же забирали нашу с Полькой маму, какой у неё был тогда взгляд. Помню последние, перед отключением, сказанные ею слова: «Береги сестру, Илуська!» Прости, мама, не смогла я исполнить твою последнюю волю. Не уберегла.

– Хрен с вами, – горько усмехаюсь, поворачиваясь к мужчине. – Перед смертью не надышишься.

Лицо, как лицо, круглое, с крупными морщинами на лбу и седыми бровями. Но глаза... Инквизиторские, цепкие, с бушующем на самом дне пламенем. И это пламя неприятно обжигает, пронизывает острой болью от макушки до пяток. Голову стягивает стальным обручем, перед глазами всё плывёт и двоится. Короткая синяя вспышка, и свет меркнет.

Глава 2

Салон оживает. Стоны, удивлённые возгласы, крикание. Люди постепенно, один за другим приходят в себя. Оглядываю сидящих в салоне и сразу же, каким-то обострённым чутьём жертвы понимаю, что все они отнюдь не весёлые туристы, не деловые работники, отправленные начальством в командировку, а такие же пленники, как и я. Растерянные лица, растрёпанные волосы, помятая, грязная одежда, словно людей волокли по земле. Какая-то женщина и вовсе сидит в домашнем халате и резиновых шлёпках на босу ногу. Её выдернули прямо из собственного дома. Кто-то кутается в куртку заводской униформы, кто-то растеряно поправляет воротник белого халата, толи повар, толи врач. Загорелая длинноногая блондинка обнимает себя, пытаясь согреться. Да уж, блестящее, напоминающее змеиную шкурку, короткое платьишко, едва прикрывающее ягодицы – не самая подходящая одежда для холодных октябрьских дней.

Разглядывая товарищей по несчастью, я испытываю постыдное облегчение. В толпе не так страшно, пусть даже эта толпа состоит из напуганных, ничего не соображающих овец. Толпу выслушают, толпе объяснят, с толпой вынуждены будут считаться.

– Всем слушать меня!

Мужской голос ударяет по нервам, резкий и ясный, как

свет зимнего солнца, твёрдый, как железо, обжигающе-холодный, будто кусок льда. Температура ниже нуля.

Обладатель голоса стоит в начале салона, там, где обычно проводят инструктаж бортпроводники. Высокий, подтянутый, под тонкой светлой тканью рубашки бугрятся тугие мышцы, светлые волосы завязаны в узел на затылке, лоб высокий, чистый и ровный, и глаза... Серые, стальные глаза, напоминающие морские волны в час шторма, тяжёлые грозовые тучи. Они разглядывают нас внимательно, с лёгким любопытством учёного, изучающего букашку под микроскопом. Удивление и, какая-то глупая радость, отодвигают страх на задний план. Господи, да ведь это же Крокодил! Мой весёлый, добрый, смешливый Крокодил, авантюрист, мошенник, раздолбай, борец за справедливость и просто хороший, добрый парень. Он жив! Он на свободе и сейчас объяснит нам, что, чёрт возьми, происходит. Я жадно всматриваюсь в его лицо, впиваюсь взглядом, пытаюсь отыскать в стальном блеске серых глаз признаки узнавания.

– Вы находитесь здесь не случайно. Каждый из вас обладает уникальными способностями. Вам всем выпала возможность послужить великому Конгломерату и принести ему настоящую пользу, – при этих словах Крокодил неприятно ухмыляется, давая всем присутствующим понять, что мы этой чести не достойны. – Милостью инквизиции и нашего императора вам позволено учиться, совершенствовать свои магические способности, контролировать их и направлять си-

лу на благое дело, на процветание и укрепление Конгломерата. Для таких, как вы – жалких ведьм и колдунов, мелких клерков, шлюшек, возомнивших себя светскими львицами, серых мышек и отупевших от стирки пелёнок и варки борщей домохозяек, это – великая честь.

В салоне слышится робкая возня, шуршание и всхлипывания. Я же, с трудом воспринимая информацию, ощущаю, как всё моё тело немеет от первобытного, небывалого ужаса, а во рту разливается горечь, будто в меня влили стакан отвара полыни. Да, каждый гражданин Конгломерата знает, что есть инквизиция, выслеживающая и отлавливающая одарённых людей, есть сами одарённые, а есть и остров – тюрьма, куда этих самых людей и ссылают. И всё это происходит при непосредственной поддержке императора. И каждая ведьма, каждый колдун старается прятать свои способности, не посещает ни творческих кружков, ни клубов по интересам, находит самую скучную, самую что ни на есть рутинную работу, лишь бы дар не вырвался наружу. Кому-то это удаётся, кому-то нет. И вот таких несчастных ждёт остров-тюрьма. Остров, откуда не вырваться. Но это знание всегда находилось где-то далеко от меня и моей до оскомины пресной, серой, но простой и понятной жизни. Где ведьмы и колдуны, а где я – заурядная учительница младших классов, сирота и калека.

Скорее всего, Крокодил считывает страх, отражающийся в наших лицах, так как, одаривает нас хищной белозубой

улыбкой, и ласково произносит:

– Я надеюсь, господа, вы понимаете, что остров Корхель, куда мы с вами направляемся, объект сверхсекретный, и путешествие в это живописное место – билет в один конец.

Кто-то начинает тихонько подвывать, кто-то материться, круглый мужичок с пузом нервно вытирает пот с покатоного красного лба. Я же застываю, коченею, но мутную, словно замороженное стекло пелену страха, пронизывает тонкий, робкий лучик надежды. Я попала на борт самолёта по ошибке, по недоразумению. Нет у меня никаких уникальных способностей. Необходимо поставить бывшего товарища в известность. Да, теперь уже бывшего. Он изменился, стал другим, взрослым, отстранённым, холёным, более жестоким. Но ведь он помнит меня. Должен помнить, раз я до сих пор не забыла его. Память услужливо подкидывает картинки нашего с Крокодилем прошлого, и я ныряю в них, как в холодную, тёмную речную воду, стараясь, хотя бы на несколько секунд, спрятаться от реальности.

Натужно гудят люминесцентные лампы, звенят вёдрами уборщицы, пахнет сбежавшим молоком, шаги мои, в пустоте и тишине коридоров, звучат одиноко и неприкаянно. В такие дни я злюсь не на воспитателей, твёрдо заявивших мне о том, что возиться со мной никому не охота, и уж если я калека, то должна сидеть тихонько в углу и не высовываться. Нет, я злюсь на сестру. Готовлю гневную речь, обвиняю в предательстве и легкомысленности. Обличаю, сужу, выно-

шу приговор и прощаю. Эти мысленные монологи помогают мне скоротать время, помогают не сорваться в безобразную истерику. Умом я понимаю, что сестре гораздо веселее среди ребят, в музее, на городской площади, в парке аттракционов, чем в полупустом, опостылевшем здании детского дома со мной, но всё равно обидно.

За пыльными окнами спальни бушует весна, молодая, дерзкая, зелёная и пахучая. В щедрых потоках солнечного света трепещут клейкие, яркие листочки, пенятся кусты сирени, с пронзительным визгом мечутся стрижи. Ах! Как же, наверное, хорошо сейчас в лесу. Пляшет между соснами костёр, пахнет печёной картошкой, смеются ребята, журчит ручей.

Да, они вернуться, через два дня, и воспитатели, и дети, и Польша. Вернуться и ещё несколько месяцев подряд станут вспоминать об этом треклятом походе. Весёлые происшествия будут обрастать новыми подробностями, а физрук распечатает великолепные фото и развесит их на стенде, прямо напротив входной двери. Вокруг стенда соберётся толпа, и каждый, кто побывал в походе примется искать себя и радоваться тому, что он есть на этих чёрно-белых карточках. Так было, так есть и так будет всегда. И Польша хороша, сестра называется. Могла бы и отказаться от этого дурацкого похода. Неужели печёная картошка, ночёвка в палатке и костёр ей дороже меня?

– Отставить нытьё, Мелкая, – гаркают позади меня так,

что я вздрагиваю.

Крепкие, уже далеко не мальчишеские руки, приподнимают за талию над полом, разворачивают к себе, и вновь опускают на пол.

– Крокодил, – мои губы сами расползаются в глупой, восхищённой улыбке. – А ты разве не с ними?

– Я с тобой, – тихо произносит он, и от этой мягкой, уютной тишины его голоса, внутри всё переворачивается, а голова начинает кружиться, как от вина, которого мы напились в прошлом году, стащив у физрука. Правильно Ленка-раскладушка говорит, что с тринадцати лет у девчонок начинают играть гормоны, и они, девчонки, не гормоны, разумеется, уже по-другому смотрят на мальчиков, не как раньше. А ведь я тогда ей не поверила, хотя, конечно, обесценивать Ленкин опыт не стоило. В конце концов, ей уже шестнадцать, и она два раза делала аборт.

Но теперь, глядя в серые, словно грозовые тучи, глаза Крокодила, на льняную прядь волос, выбившуюся из хвоста на затылке, на широкие плечи и большие ладони, я убеждаюсь в том, что Ленка права.

Крокодил незаметно исчезал из детского дома, где-то пропадал на несколько дней или недель, затем, возвращался вновь с полными карманами сладостей, которыми щедро делился с друзьями и приятелями.

– Ты плохо кончишь! – предрекали ему воспитатели. – Любой вор рано или поздно попадаетея, попадётся и ты.

По тебе тюрьма плачет.

– Я не вор, я – фальшивомонетчик! – кричал Крокодил, стуча кулаками в дверь карцера. – Прошу не путать!

Этот парень мог нарисовать любую купюру и купить на неё всё, что заблагорассудится. А когда незадачливые продавцы спохватывались, Крокодил уже благополучно исчезал.

В животе что-то сладко и болезненно трепещет, в груди ноет и ужасно хочется ещё раз ощутить на своей коже прикосновение его руки. И тут же, острой иглой пронзает неприятная мысль: «А нужна ли я ему? Худая, прозрачная, ни сисек, как у Ленки, ни попы, как у Ирки. Лопухая, хромая, от горшка два вершка. Да мне мои тринадцать никто и не даёт»

Щёки обдаёт жаром, в горле становится сухо и горько, словно я налопалась свиной печёнки.

Отвожу взгляд, смотрю на свои стоптанные сандалии.

– Эй, Мелкая, ты чего это? – Крокодил встряхивает меня за плечо. – Реветь что ли собралась?

Мотаю головой, затем, всё же набираюсь смелости взглянуть в глаза парня, ныряю в грозное марево.

– Вот ещё, – бурчу, как можно грубее.

– А что тогда?

– Просто подумала, почему тебя Крокодилом назвали. Ты ведь не страшный, даже красивый. Все девчонки по тебе тащатся.

– И ты тащишься? – Крокодил сжимает пальцами мой подбородок, тянет вверх, и я задыхаюсь от красоты его ли-

ца. – Наверное, потому, что я Данилушка- Крокодилушка, кто-то назвал, вот и прилепилось. Ну так ты тащишься по мне или нет, а, Мелкая?

Проклятые гормоны! Да что это со мной? Его губы близко, так близко, что я ощущаю горячее, пахнущее сигаретами и мятными леденцами дыхание. Тысяча мелких серебристых мурашек бежит по венам, сердце сжимается больно и сладко.

– Вот ещё, – заставляю себя усмехнуться, однако, усмешка выходит какой-то вымученной, резиновой. – Я что, дура?

– Дура, конечно, – хохочет красавчик, засовывая огромную руку в карман своих широких парусиновых штанин. – Жри, Мелкая.

Мне в ладонь ложится горсть шоколадных конфет. Спешу спрятать их себе за пазуху, однако друг перехватывает мою руку.

– При мне жри, – с нажимом произносит он. – А то, знаю я тебя, всё своей сестрице отдашь. Теперь я каждый день тебе приносить буду и конфеты, и фрукты, а то от тебя один скелет скоро останется.

– Может не надо? – блею я, покорно разворачивая конфету и кладя её в рот. По языку растекается сладость с ореховым привкусом. Ничего страшного, Полинка, должно быть, картошкой объедается, так что мы квиты.

– Надо, Мелкая, – обречённо вздыхает Крокодил, неуклюже обнимает меня за плечи, притягивает к себе, и я млею, качаюсь на волнах тёплой истомы, сладкого удовольствия со

вкусом шоколада.

– Тебя поймают, – едва шевеля языком шепчу я, не замечая того, что обнимаю его в ответ. – Либо полиция, либо – инквизиция.

– А ты волнуешься за меня, Мелкая, – горячая ладонь гладит меня по волосам, перебирает пряди. Внутри всё сжимается с такой силой, что на глаза выступают слёзы.

Нежусь, заворачиваясь в мягкий, тёплый уютный плюш его голоса, почти не дышу, чтобы не спугнуть мгновение, такое светлое, такое странное, немного стыдное. Почему стыдное, ведь мы не делаем ничего плохого, даже не целуемся?

– Тогда, я не попадусь, – таким же шёпотом произносит Данила. – Запомни, Мелкая, пока ты ждёшь меня, мне ничего не грозит.

Твёрдый, резкий, почти не узнаваемый голос бывшего друга, словно острый кинжал взрезает яркую картинку воспоминаний, грубо возвращая меня в пугающую неизвестность настоящего.

– Итак, вы студенты первого курса факультета прикладной магии магической академии. А я- куратор вашей группы, ваш царь и бог, решающий кому из вас жить, кому умереть, а кому остаться калекой или уродом. По сему, уважаемые студенты, искренне советую вам беспрекословно меня слушаться и ловить каждое моё слово. Моё имя – Данила Дмитриевич, но возможность так ко мне обращаться вы должны заслужить. А пока, я для вас куратор Молибден. Мы

пребудем...

Молибден демонстративно бросает взгляд на свои наручные часы.

– Ровно через тридцать минут. Затем, по прибытию, начнётся обучение. На первом курсе вы получите азы различных видов магии, лечебной, боевой, магии сна, созидательной магии, а также пройдёте курс физической подготовки и регрессивной магии, которая поможет вам лучше разобраться в себе, избавиться от штампов и комплексов, каковых в каждом человеке немало. В конце семестра состоится экзамен. Если вы сможете его сдать, то останетесь на Корхебели и продолжите обучение.

– А если не сдадим, – подаёт голос пузатый мужчина, ослабляя галстук на короткой, морщинистой шее.

– А если не сдадите, – от змеиной нежности куратора внутренности превращаются в куски замороженного мяса. – Смерть лёгкой не будет.

Мужичок хрюкает, а капли пота на его багровом лице становятся ещё крупнее.

– Куратор Молибден, – по-школьному подняв руку быстро-быстро, боясь, что её сейчас прервут тараторит женщина в домашнем халате. – У меня трое детей, я не могу их бросить. Войдите в моё положение многодетной матери!

– Вы кормите грудью, – Молибден выразительно окидывает взглядом большую, обтянутую ситцевой цветастой тканью, грудь.

– Нет, мои дети уже выросли, но...

– Ваши дети больны и нуждаются в постоянном уходе?

– Нет, они здоровы, но...

– Прекрасно, значит, вас ничего не сможет отвлечь от обучения.

– Но я мать...

– Добро пожаловать на Корхебель, Светлана.

Чёрт! Если этот белообрый циник не собирается щадить троих детей, то вряд ли он пощадит мою взбалмошную сестрицу. А ведь она запустит учёбу, свяжется с дурной компанией, забеременеет от этого Тимофея и останется с младенцем на руках, одна, без средств к существованию. А я сама? Какие мне уроки физкультуры? Да я и двух метров не пробегу! Может, стоит попробовать с ним поговорить. Ведь должно же в этом самодовольном индюке остаться что-то человеческое? Ведь он должен помнить нашу с ним дружбу, ворованные конфеты, долгие разговоры на крыше, куски хлеба, просунутые моей рукой под дверь карцера. Как он очутился здесь? Кем стал?

– Куратор Молибден, – с трудом проталкивая наружу сухие, колючие слова начинаю я. – У меня больная нога, а дома осталась младшая сестра. И я – не ведьма. Произошло недопонимание, наверное, господа инквизиторы что-то перепутали...

Тьфу! Опять я всё в кучу мешаю, вот дура! Ну, когда я научусь правильно, красиво и внятно вести переговоры? И

на работе так же мямлила, мялась, деликатничала. Правильно Полинка меня курицей называет. Курица и есть.

Молибден стремительно подходит ко мне, наклоняется, впивается в лицо своими грозowymi очами. Дыхание перехватывает от его пронзительного взгляда, от близости огромного тела, от прохладного запаха эвкалипта, лимона и морской соли.

– С вашим недугом мы справимся, – обещает он с иезуитской улыбочкой на холёной физиономии. – А Полина Жидкова, если я не ошибаюсь, вчера перешагнула порог своего совершеннолетия. Так что вам, Илона, беспокоиться не о чем. И запомните, инквизиция не ошибается никогда. Добро пожаловать на Корхебель!

Не узнаёт, или делает вид, что не узнаёт. К чему ему, уже не Крокодилу, а куратору Молибдену, замшелое сиротское прошлое? В его новой жизни нет места старой подружке детства. Да и были ли мы настоящими друзьями? Ведь дружба подразумевает равенство, а мы никогда не были равными. Данька опекал меня, защищал от других мальчишек, помогал и кормил ворованными конфетами и семечками, утешал и смешил.

– У меня работа, я – деловой человек, – отдуваясь кудахчет пузатый мужик. – Завтра меня ждут на совещании.

– Ждут? – губы Молибдена дёргаются в презрительной улыбке. Чувственные, такие губы, пухлые. Какие обычно рисуют у героев – любовников на ярких обложках женских ро-

манов. – Не льстите себе. Вы ничего не решаете, лишь трясётесь за своё чиновничье кресло, поддакиваете и подлизываете, а ещё, берёте взятки. На острове вы принесёте гораздо больше пользы. Добро пожаловать на Корхебель, Анатолий!

– Вы знаете на кого нарвались? – визг оказывается неожиданным, резким, истеричным. – Вы знаете кто мой отец? Кто мой муж? Да вас всех в порошок сотрут!

Девушка в серебристом платье вскакивает со своего кресла, трясёт блондинистой головой, тонкая, будто изогнутая ниточка, бровь, нервно дёргается.

Взгляд куратора становится суровым, теперь в его глазах не море, а сталь, холодная, равнодушная и жестокая ко всему человеческому.

– Отец, чьи деньги вы просаживаете в барах, клубах и салонах красоты? Муж – солидный дядечка в годах, которому вы наставляете рога? Думаю, они будут только рады вашему исчезновению. А дерзость и несдержанность, я вам на сей раз прощаю, списав на стресс. Однако впредь, повышать на меня голос, разговаривать грубо и без позволения – запрещено. Так же, как и прогуливать занятия, отказываться от пищи, покидать территорию учебного заведения. За плохие результаты в обучении – штраф, за нарушения правил – телесные наказания. Забудьте о том, кем вы были на большой земле, о своих социальных статусах, родстве и связях. На острове, вам придётся всего добиваться с чистого листа.

Он медленно, наслаждаясь собственной властью и нашим

страхом, прохаживается вдоль кресел, окидывая взглядом сидящих, кому-то кладя свою огромную ладонь на темя, кого-то трепля по плечу. Вторгается в личное пространство, давит.

– Неповиновение будет строго караться, попытка суицида так же будет наказываться. Запомните, теперь вы все, со своими мыслями, душевными порывами, прошлым и настоящим принадлежите острову. Месту, где из вас- ошибок природы, никчёмных, серых людишек, сделают настоящих магов.

Чувствую, как с каждой минутой всё сильнее ненавижу этого пижона. Тиран, надменный ублюдок, наслаждающийся собственной безнаказанностью, упивающийся вседозволенностью. Чёрт! Вся моя жизнь, пусть неприглядная. серая, скучная летит сейчас в тартарары. Сколько дел я могла бы сделать, договориться о собеседовании с потенциальными работодателями, откровенно поговорить с Тимофеем и с сестрой, сварить щей на всю неделю, навести порядок в квартире, да и второй том романа о графине Анне и её любовнике конюхе ещё не дочитан. Получится ли у них сбежать от злобного престарелого графа? Ох, всё-таки были в моей жизни радостные моменты, как взять, к примеру, ту же книжку в мягкой обложке, воскресный кофе, когда завариваешь его не на ходу, между сборами на работу и замечаниями сестре, а с чувством и толком, наслаждаясь терпким кофейным ароматом, глядя, как в турке образуется бежевая воронка. А наши

прогулки с Полинкой по парку! Мы вставали пораньше, садились в трамвай и ехали, слушая перестук колёс, думая о своём. А потом, выходили и шли в сквер, туда, где не гудят машины, не суетятся прохожие, не мигают вывески. В оазис спокойствия, тишины и умиротворения посреди шумного, бестолкового, нервного города.

Господи! Неужели всего этого больше никогда не будет? Мозг отказывается верить, не желает признавать происходящее реальностью. Сон, всего лишь глупый, страшный, достоверный сон. Нужно просто проснуться, открыть глаза.

– Да насрать мне, – неприятный, нарочито грубый мужской голос рубит по ещё недосказанной фразе Молибдена, словно по железу увесистым топором. – Я просил меня сюда тащить? Не просил! Так что, иди-ка ты на хер! И чё ты мне сделаешь? Ну чё?

Смельчак вскакивает с кресла, надвигается на Молибдена, играя кастетом, скаля жёлтые зубы. Скорее всего запах рвоты исходит именно от него, так как ткань спортивной куртки изгажена коричневыми потёками. Худой, с дёргающимся в такт речи кадыком, лысый, он идёт вперёд, заставляя куратора отступать. Тот и отступает, мягко, по-кошачьи, давая гопнику поверить в его преимущество, играя, развлекаясь.

– Ты думаешь, фраерок, что я в штаны наложил? Сказок твоих испугался? Баб своими байками пугай!

Все шепчутся, как мне кажется, одобрительно. Каждый, сидящий в самолёте мысленно соглашается со смельчаком,

тут же записав его в лидеры. Люди, находящиеся в состоянии стресса, мучимые неизвестностью, внезапно попавшие в ситуацию совершенно непохожую на те, что приходилось переживать ранее, зачастую готовы вручить свои жизни кому угодно, даже гопнику в спортивном костюме и бритым черепом, лишь бы не нести за них ответственность самим. Да и я, несмотря на своё негативное отношение к вот таким охотникам за шапками, сумочками и кошельками, на данный момент нахожусь на стороне лысого парня. Воображение тут же рисует наивную, но такую притягательную картину того, как парень в обгаженном спортивном костюме приставляет нож к горлу Молибдена и требует сменить курс самолёта.

– Да я тебя у себя сосать заставлю, да я твоими кишками дорожку проложу и проеду. Да ты кровью харкать у меня будешь.

Молибден пятится назад, продолжая улыбаться, хотя в радужках сгущаются грозовые тучи, опасные и беспощадные.

– Правильно! – визжит блондинка. – Вмажь ему!

– Хоть кто-то за нас заступился, – шепчет многодетная мать.

Несколько женщин, сидящих ближе к хвосту самолёта хихикает, пузатый чиновник принимается надсадно кашлять.

– К сожалению, без демонстрации не обойтись, – произносит Молибден, доставая из нагрудного кармана шариковую ручку и небольшой блокнотик в ярко-жёлтой обложке. Именно этот жизнерадостный цвет приводит меня в ещё

большой ужас. Мурашки по телу бегут быстрее, в горле пересыхает. Смотрю, как пальцы куратора перелистывают страницы, как ручка выводит на бумаге что-то, как сдвигаются светлые густые брови.

Гопник резко останавливается, цедит сквозь зубы ругательства, окидывает сидящих в салоне непонимающим, полным боли взглядом. Живот, обтянутый спортивной курткой, с каждой секундой становится всё больше и больше, растёт на глазах. Лицо бледнеет, посиневшие губы кривятся, в попытке удержать крик. Секунда, вторая, третья, и парень не выдерживает, орёт раненым зверем, в инстинктивном порыве хватаясь за живот, словно пытаюсь его задержать, уменьшить.

– Хватит! Пожалуйста! Прекрати! – с трудом выкрикивает он. А Молибден продолжает что-то чертить в своём блокноте, словно не слыша криков.

– Оставь в покое парня! – верещат женщины.

– Господи, господи! – крестится чиновник.

Пространство наполняется криками, мольбами, рыданиями. Меня мутит от ясного понимания, что происходящее – не сон, а реальность, моя реальность. И за отказ от неё, с нами будут делать это.

Омерзительный треск разрываемой человеческой плоти, предсмертной рёв, и салон наполняется густым, сладковатым запахом крови и сырого мяса. Фонтан крови из пробитой брюшной артерии бьёт в потолок, куски внутренностей,

желудка, кишечника, брюшины, красно-бурыми ошметками разлетаются по салону. Кого-то выворачивает на изнанку. Кто-то вопит. Шум, крики, слёзы, гул мотора, всё сливается в единый комок. Закрываю уши, задерживаю дыхание, крепко зажмуриваюсь. А ведь это только начало кошмара. Как он там сказал... Демонстрация! Я не выдержу. Моя психика слишком слабая, слишком ранимая. Даже ссора с сестрой способно вывести меня из колеи, а видеть каждый день такое... Зверь! Монстр! Жестокое чудовище в теле красавца.

– Прекратить истерику! – властно требует он, и все покорно замолкают. – Я вам наглядно показал, чем грозит неповиновение. Надеюсь, вы не столь тупы, чтобы забыть сей урок. Валерия и Милана, уберите это. Уборочный инвентарь вы сможете найти в комнате бортпроводника. Выполнять!

Носок его белоснежной туфли брезгливо тычется в развороченное тело, которое недавно было гопником. Которое ещё вчера ходило, говорило, грабило и пугало мирных жителей города.

– Я? Я что вам уборщица! – взвизгивает девица в серебряном платье. – Вы не имеете права!

– Я думал, ваши интеллектуальные способности гораздо выше, – с деланным сожалением вздыхает куратор. – Неужели мне и вас придётся наказывать, Лера?

Девица встаёт и покорно направляется к трупу, за ней семенит брюнетка в красном. Та молчит, лишь морщится и прикусывает нижнюю губу.

– Думаю, инструктаж окончен, и вопросов ни у кого не осталось. Отдыхайте, уважаемые студенты.

С этими словами Молибден плюхается в соседнее кресло, рядом со мной. Да уж, везение – не мой конёк. Инстинктивно сжимаюсь, отодвигаюсь, стараясь находиться от, заляпанного чужой кровью монстра как можно дальше.

– Не бойся меня, – рука куратора ложится мне на плечо, и я, сквозь ткань свитера ощущаю исходящее от неё тепло. Обычное, человеческое, даже доброе.

Застываю, затаив дыхание, не понимая, как реагировать, не зная, что произойдёт через минуту.

– Воды принести?

Мотаю головой, хотя пить очень хочется. Но брать стакан из рук монстра, пить при нём, а потом этот стакан возвращать, благодарить, кажется выше моих сил. Ничего, обойдусь.

– Привыкнешь, – спокойно произносит куратор. – Просто, пока ты не осознаёшь, какие возможности тебе открываются. Главное – хорошо учись.

Отчаянно завидую всем остальным. Пузатому чиновнику, многодетной матери, двум долговязым паренькам, седовласой даме. На время полёта они предоставлены сами себе, освобождены от давящего присутствия Молибдена, от его цепкого взгляда, обволакивающего запаха и сладкого, вязкого, с лёгкой горчинкой, словно гречишный мёд, голоса.

А девицы работают. Натянув на руки резиновые перчатки,

облачившись в синие халаты, они с начала упаковывают тело в пластиковый пакет, затем, елозя по полу тряпками, отжимают их над ведром, вода сразу же окрашивается красным.

– Я не садист, не монстр, я твой наставник, твой единственный друг на острове, пусть ты пока не понимаешь этого.

От его слов, даже страх немного отступает, а рот сам собой раскрывается от удивления. Нет, куратор Молибден, вы не садист, не монстр, и уж никак не друг, вы сумасшедший, вы псих.

– Моим другом ты был десять лет назад, Данила. – хриплю, изучая строгое лицо, знакомую родинку над верхней губой, широкие скулы, золотистые, густые, как у девушки, ресницы. Мой Данька, мой Крокодил стал взрослым мужчиной. Красивым, сильным, опасным.

– Не рада моим достижениям? – Крокодил одаривает меня одной из своих очаровательных, солнечных улыбок. И на мгновение мне чудится, что он тот же бесшабашный, немного сумасшедший Данилка. Что вот прямо сейчас, он хлопнет меня по плечу и скажет:» Не горюй, Мелкая, прорвёмся!»

– Мальчишкой ты мне нравился больше. В кого ты превратился, Данька? Откуда в тебе столько жестокости? – говорю и тут же прикусываю язык. Сейчас, чего доброго, сочтёт моё высказывание слишком дерзким, и в пластиковый пакет засунут уже моё тщедушное тело.

Никогда не думала, что взглядом можно порезаться, а о

улыбку ожечься. Серые глаза бывшего товарища полосуют меня резко, больно, словно лезвием бритвы, от чего я, инстинктивно втягиваю голову в плечи. Сильные пальцы до боли сжимают моё плечо.

– Давай договоримся, Мелкая, – цедит он сквозь зубы, плотно приникая к моему уху, обжигая его горячим дыханием. – Наше детдомовское прошлое – осталось в прошлом. Крокодила больше нет, есть куратор Молибден, которого ты беспрекословно слушаешься и от которого не ждёшь никаких поблажек. Обсасывать и мусолить детдомовские воспоминания я не собираюсь. У меня другая жизнь, другие интересы и другие цели. Так что, держи язык за зубами, если хочешь выжить. Тебе понятно, Илона?

Киваю, до крови прокусывая щёку. Мимолётная радость встречи испаряется, надежда на понимание и снисхождение с его стороны испаряется тоже. Правильно, что было, то было. Человек должен двигаться вперёд, думать о будущем, а не обсасывать замшелое прошлое. Но как же всё-таки горько от того, что наша дружба, наша неуклюжая нежность друг к другу навсегда похоронена, растоптана и смята, как рваная, пожелтевшая от старости, тряпка.

Наверное, я всё же задремала, так как, когда раздаётся приказ куратора приготовиться к посадке, каких-то несколько секунд размышляю над тем, где нахожусь, и что вообще происходит, почему всё вокруг стало ядовито-розовым. И только потом соображаю, что свечение цвета фуксии льётся

из иллюминаторов, зловещее, неприятное, отталкивающее. Пространственный портал. По тому, такая слабость в теле, звенит в ушах, воздух с каждой секундой становится всё гуще, и ужасно хочется пить. Может, я напрасно отказалась от воды, предложенной Молибденом? Самолёт трясёт, салон наполняется испуганными голосами, кто-то читает молитву, кто-то всхлипывает, кто-то матерится. Наконец, розовое сияние за стеклом бледнеет, и пространство вновь наполняется солнечным светом. Бросаю взгляд в иллюминатор, столбею от восхищения. Самолёт кружит над ослепительно-бирюзовой водой, бликующей в лучах южного солнца, а в центре водной глади, подобно яркому блюду, выделяется остров. Зелёные рощи, лиловые горы, жёлтые и рыжие пашни, усыпанные разноцветьем долины. Праздничный пирог, нашпигованный ядом.

Глава 3

Бывают такие сны, жуткие. Обычно, они приходят во время болезни, когда воспалённое сознание балансирует между кошмаром и бредом. Когда ты пытаешься выбраться, проснуться, разорвать пугающую пелену забытья, вынырнуть на поверхность, но продолжаешь барахтаться в ядовитом омуте собственных больных фантазий, ярких, сюрреалистичных, зловещих.

Остров и территория самой академии пугают своей красотой, от которой начинает слегка мутить. Вздвигающиеся в пронзительно-голубую высь, искрящиеся на солнце фонтаны, стройные, высокие, упирающиеся в самое небо колонны кипарисов, крикливые птицы с пёстрым оперением, тяжёлые, словно ковры, огромные клумбы со всевозможными цветами, от маргариток до гладиолусов. Но больше всего здесь роз. Брызги воды, долетающие со стороны фонтанов, блестят на алых лепестках, как жирные капли артериальной крови, от чего, цветы кажутся хищными, поглощающими чужие жизни, тварями. И запахи. Очень много в этом месте всевозможных запахов. Они смешиваются, сплетаются в пёстрый узор, дополняя и продолжая друг друга. Густой и душный аромат роз, свежесть морского бриза, горьковатая терпкость кипарисовой хвои и эвкалипта. Воздух неподвижный, плотный, хоть ножом его режь как плавленый сыр.

Нам приказывают остановиться напротив огромного здания, мрачного, монументального, отталкивающего своей строгостью, к массивным дверям которого, ведёт чёрная чугунная лестница, охраняемая клыкастыми волками, так же вылитыми из чугуна. За монументальной чёрной громадой, виднеются ещё пара корпусов, поскромнее, из обычного белого кирпича, скорее всего, жилые постройки.

– Приветствую вас в стенах магической академии Конгломерата, господа студенты.

Худощавый, сгорбленный старик стоящий на самой верхней ступени на фоне здания, кажется и вовсе крошечным. Смуглая с желтизной кожа его лица и рук контрастирует с белоснежной копной седых волос и длинной, доходящей до пупка, бородой. И вроде бы, старик, как старик, ничего особенного, много таких в поликлиниках обитает, но от этого деда веет какой-то необъяснимой мощью, разрушительной энергией, властью, впрочем, как и от куратора Молибдена. Звери, оба. Вот только куратор – зверь молодой, амбициозный, тщеславный, а старик – мудрый, хитрый и опытный.

– Моё имя Иосиф Рудольфович, но обращаться ко мне вы обязаны: Ректор Крабич.

Голос старика, похожий на скрип несмазанных ржавых петель, вгрызается и увязает в стене горячего воздуха.

– Надеюсь, ваш куратор рассказал вам и о правилах поведения, и о важности хорошей учёбы, и о вашем долге перед родиной. И помните, до диплома доживают не все. По сему,

забудьте всё, что осталось на материке, кем вы были, о чём мечтали, к чему стремились. А прекрасных дам хочу предупредить ещё об одном, предохраняйтесь, если не желаете отправиться в местный крематорий. Теперь у вас другие задачи и другие цели – сохранить свою жизнь и получить диплом. Всё зависит только от вас.

Взгляд цепких, узких, как у лисы, глазок скользит по широкоплечей фигуре Молибдена, а потрескавшиеся губы растягиваются в подобии улыбки.

– А я лишь, могу предоставить вам комфортабельные номера в студенческом общежитии, горячие обеды в столовой и живописный пляж, где вы сможете расслабиться после учебного дня. С расписанием познакомитесь чуть позже.

Слова ректора звучат настолько буднично, настолько просто, что во мне всё опускается. Чудится, что сердце со всего размаха ухнуло вниз. Всё! Это надолго, это на всю жизнь, разумеется, если я ещё умудрюсь выжить. Своими надтреснутыми сухими словами, старик ставит печати, утверждая окончательную и бесповоротную нашу принадлежность академии и этому острову.

Никто не говорит не слова, пока старик медленно спускается к нам по лестнице. И эта его медлительность не вызывает ни жалости, ни желания помочь. О нет! Ректор демонстрирует никак не стариковскую немощь, а как раз-таки наоборот, свою неограниченную власть над нами.

– Будете ждать столько, сколько я посчитаю нужным, –

красноречиво читается в его чёрных, ввинчивающихся в мозг, глазах.

Нет, такого не разжалобишь рассказом о глупой сестре, оставшейся на произвол судьбы. Для него как мы, так и все наши проблемы- пыль, ничего не стоящий мусор.

Подходит ближе, раскрывает папку, проводит сморщенным пальцем по первой строчке списка наших фамилий.

– Абрамова Анна. – скрипит голос ректора. Дед приближается к брюнетке лет двадцати. – Магический потенциал выше среднего. Шесть по десятибалльной шкале.

– Что это значит? – робко спрашивает девушка.

Молибден окатывает её таким ледяным взглядом, что вся шеренга задерживает дыхание. Моя голова непроизвольно вытягивается в плечи. Уж слишком свежи воспоминания о наказании того гопника.

Чёрт! А ведь нас ломают, нас гнут, каждым жестом, каждым взглядом, и это только начало. Что же с нами станут делать, когда начнётся, непосредственно, учёба? Да и какими будут эти уроки?

Однако, старик не обращает на писк девушки никакого внимания и двигается дальше:

– Бурзов Станислав.

Высокий, как фонарный столб и тощий, будто молодая осина, паренёк мелко-мелко кивает головой.

– Средний потенциал. Пять единиц по десятибалльной шкале.

Старик переходит к другому человеку, но парень продолжает кивать, дёргая выпирающим кадыком.

– Варкина Лидия. Восемь по десятибалльной шкале.

Седая пожилая женщина в очках краснеет, едва сдерживая довольную улыбку, привычным, хорошо отточенным движением хватается за сердце, однако, дед проходит мимо, а губы куратора кривятся в ядовитой усмешке.

– Горбатова Валерия, – липкий взгляд старика скользит по фигуре девушки, её груди, едва прикрытой серебристым платьем, длинным ногам.

Красотка вздрагивает, нервно дёргает плечиком, однако, глаз от лица, изрезанного морщинами, не отводит.

– Девять по десятибалльной шкале.

– Дорофеева Светлана.

Пристальный долгий взгляд в глаза многодетной матери, удовлетворённый кивок.

– Четыре по десятибалльной шкале.

– Жидкова Илона.

Кажется, что с омерзительным треском в черепную коробку вонзается тонкая, но острая спица. Резкая боль, до темноты в глазах, до секундной остановки сердца, до отключения сознания.

– Очень низкий магический потенциал. Одна целая, две десятых по десятибалльной шкале.

Следовало ожидать. А ведь я предупреждала.

Слова ядовито-жёлтые, вспыхивают и разрывают темноту.

Старик подходит к пузатому чиновнику, но я уже не слышу и не слушаю, стараясь выровнять дыхание и справиться со жгучей болью за грудиной.

– Очень низкий, очень низкий.

Сочетание звуков неприятно бьётся в висках, разливается на языке горечью, отдающей тухловатым душком. Однако, я ещё не знаю, даже представить себе не могу, сколько бед и боли они мне принесут.

Глава 4

Если бы я очутилась в узкой комнатёнке на пять человек, почуяла едкий сигаретный дух вперемешку с запахом жареной картошки, слышала ругань девиц по поводу кем-то занятой душевой и загаженного туалета, мне стало бы намного спокойнее. Общага, как общага, всё понятно, всё знакомо. Но это общежитие навевает иррациональную жуть своими тихими коридорами, до блеска отмытыми полами, ворсистыми коврами, мягкими креслами в холле и аквариумами с яркими экзотическими рыбами. В воздухе витает запах чистящего средства и морского бриза, залетающего в распахнутые окна. Ветер надувает лёгкие прозрачные шторы, как паруса, солнце дробится в начищенной кафельной плитке, зеркалах и натёртых до блеска, дверных ручках. Идеальный, нечеловеческий, мёртвый порядок, словно здесь прибирался шизофреник, помешанный на чистоте. Однако, больше всего меня пугает комната, похожая на гостиничный номер. Кровать, застеленная хрустким, белоснежным бельём, шкаф, с зеркальными створками, кресло и стеклянный журнальный столик, а за стеной до блеска отмытый санузел и душевая кабина. И всё это для меня одной!

– До диплома доживают не все, – скрипит в ушах голос старого ректора.

Да, не все, потому и такая тишина в коридорах, потому и

отдельные комнаты каждому студенту. Сажусь на край кровати, зажмуриваюсь, обхватываю гудящую голову руками. А ведь там, на большой земле осталась моя сестра. Одна осталась! Хотя нет, с ней Тим.

«Полинка счастлива, довольна жизнью и вряд ли сейчас вспоминает о клуше сестре», – от этой мысли на душе становится ещё гаже.

Чем дальше я нахожусь здесь, тем крепче она увязает в своём Тимофее, забывая меня, отодвигая на второй план. Проклятая инквизиция, проклятый остров!

В открытое окно дышит полуденным жаром. Чёрт! А у меня ни сменных вещей, ни расчёски, ни зубной щётки. Даже сумочка с кошельком, помадой и влажными салфетками затерялась где-то в подъезде или в инквизиторской машине. До сумочки ли мне было тогда? Всё моё имущество на мне, свитер, джинсы, ботинки, даже куртка в самолёте осталась.

По спине бегут дорожки пота, джинсовая ткань неприятно липнет к бёдрам. Колючий свитер кусается и натирает шею. Вот разденусь и буду ходить на пары в нижнем белье, грубом и посеревшем от многочисленных стирок. Хотя, о чём я думаю? Возможно, до пар я и не доживу, а значит, шмотки мне не к чему.

Встаю с уголка кровати, подхожу к шкафу, отодвигаю створку и удивлённо таращусь в его нутро.

На пластиковых плечиках, идеально отглаженное, в прозрачном чехле висит лёгкое, шифоновое бежевое платье, к

которому заботливо приколоты табличка с надписью: «Студенческая форма», а также несколько кокетливых ярких сарафанчиков, банный халат и купальник. На полочке для обуви красуются босоножки, под цвет форменного платья и, весьма добротные, кроссовки на толстой подошве. В выдвижных ящичках нашлась пара комплектов нижнего белья, пачка гигиенических прокладок, мыло, зубная щётка и гребень, а также дезодорант, шампунь, и множество других, нужных каждой женщине, мелочей. В самом углу шкафчика отыскиваю прозрачный пузырёк, заполненный голубыми кругляшками, с гласящей надписью: «Противозачаточные». Кручу баночку в пальцах, с привычной досадой отмечая, что это мне уж точно не пригодится. Тяну на себя ручку другого ящика, присвистываю от удивления. Тетради, ручки, карандаши, ластик! Да здесь годовой запас, не меньше!

Вот так сервис! Куда там общаге педучилища, в которой бесплатным приложением к комнате служили лишь тараканы и клопы!

Сдираю с себя противный свитер и джинсы, натягиваю первый попавшийся сарафан. Плевать, пусть будет жёлтый. Провожу гребнем по волосам, растираю ладонями бледные щёки, кусаю губы, чтобы не казаться такой затравленной. Есть не хочется, напротив, мысль о еде вызывает отвращение, перед внутренним взором продолжает стоять картина, развороченный живот гопника, кровавые ошметки на спинках кресел и полу, искажённое болью и ужасом синее лицо.

Однако, детдомовское правило: « Чем ближе к сковородкам и кастрюлям, тем лучше », заставляет меня выйти из номера и направиться на поиски кухни.

Ковёр глушит звук моих шагов, из номеров не доносится не звука, скорее всего, мои новоявленные однокурсники пребывают в шоке. Лязгает лифт, какая-то девушка выходит из него и, стуча каблучками, направляется мне на встречу. Пухленькая, чернявая, с пушистыми ресницами. Она напоминает забавную панду, каких рисуют в детских книжках.

– Первый раз, в первый класс? – спрашивает она, поравнявшись со мной и прикладываясь к бутылке из тёмного стекла. От девицы исходит стойкий пивной дух. – Какой факультет?

– Факультет прикладной магии. Можешь объяснить, что это такое, и с чем это едят? – улыбаюсь, стараясь выглядеть как можно дружелюбнее и беспечнее. Озабоченные, угрюмые люди никому не нравятся, потому и говорят с ними неохотно.

– Прикладную магию изучают те, чей дар связан с работой над каким-либо материалом. Ты вяжешь, рисуешь, лепишь, плетёшь из бисера – добро пожаловать на прикладуху. А вот если ты мастер пародии, танцор, музыкант или поэт – твой путь на нематку.

Девица протягивает мне бутылку, предлагая отпить. Мотаю головой, в знак отказа. Внимание привлекает знакомая этикетка с изображением толстого бурого быка, держащего

мощными лапами увесистую кружку с пенящимся напитком.

– Сюда привозят продукты с материка? – спрашиваю, не отводя взгляда от, до боли знакомой, картинки. Ах! Сколько же таких бутылок валялось в нашей квартире после прихода к нам Полькиных друзей.

– Ага. Раз в месяц, ночью прилетают продуктовые вертолёты. Вот только, позволь дать тебе один совет: « Даже не мечтай, что сможешь пробраться на один из них и свалить».

– Почему? – спрашиваю, тут же ругая себя за наивность. Действительно, что за детские планы? Планы, вызванные отчаянием, не иначе.

– Дурочка, они тебе ночью даже из номера выйти не дадут. Здесь всё просчитано до мелочей. Мы в мышеловке.

– А мама мне когда-то говорила, что безвыходных ситуаций не бывает, – произношу с показной уверенностью, не сколько для новой знакомой, сколько для себя самой.

Девушка пожимает плечами и вновь прикладывается к горлышку. Затем, берёт меня под локоть. Её прикосновение не вызывает отторжения, напротив, кажется естественным, словно мы уже давно знакомы.

– Я на четвёртом курсе учусь, – говорит она. – Факультет нематериальной магии, повезло чуть больше, чем тебе. Хотя, хрен редьки не слаще.

– Ты не подскажешь, где здесь кухня?

Девчонка ухмыляется, с шумом втягивает воздух, словно готовясь выдать нечто неприятное. Эта реакция вызыва-

ет недоумение. Не хочет показывать? Нет на это времени? Внимательнее вглядываюсь в милое, круглое личико.

Во взгляде незнакомки читается нечто отчаянное, дикое, похожее на готовность к демаршу.

«Мне больше нечего терять!» – говорят её огромные, словно две спелые сливы глаза.

– Я пьяная? – хихикает она, тряся бутылкой. – Мне мой парень во сне снился, попросил напиток за него. Его больше нет, понимаешь?

Растеряно киваю. Как же я не люблю вот такие разговоры! И что тут можно ответить? Пособолезновать? Спросить о том, каким он был? Полюбопытствовать о причине смерти? Однако, она и не нуждается в моих ответах.

– Не понимаешь, – вздыхает девица. – Маленькая ещё.

Затем, бьёт себя по лбу, растягивает губы в улыбке, и я удивляюсь, тому, с какой лёгкостью преобразилось её лицо.

– Ах да! Тебе надо показать кухню? – пьяно ржёт девица. – Вам- первокурсникам лишь бы пожрать. Ну идём, покажу.

Мы проходим немного вперёд, отворяем одну из дверей и оказываемся в просторном помещении, таком же пугающе-чистом, словно и здесь поработал маньяк-чистюля.

С начала я никак не могу понять, чего на кухне не хватает. Огромный кухонный гарнитур, несколько столов, ряд тарелок в сушилке, пустое мусорное ведро, холодильник, и лишь спустя несколько секунд до меня доходит, что на кухне нет плиты.

– А готовить на чём? – растеряно спрашиваю девицу, плюхнувшуюся на табурет и продолжающую тянуть своё пиво.

– Из нищобродов значит, о бытовых мупах не знаешь, – констатирует деваха, и в её голосе мне чудится некое желчное удовлетворение. – Наш человек, подружимся. Богатенькие убудки таких вопросов не задают.

– Знаю, конечно, и даже видела? Но у самой никогда не было. Не заработала на такую роскошь, – чувствую я себя довольно глупо, словно проснулась во время собрания и задала дурацкий, не относящийся к теме вопрос.

– И не заработаешь. Вещи, выполняющие работу без твоего участия- игрушки для зажавшихся козлов. Но наша любимая академия предоставляет тебе эту возможность. Не стесняйся, пользуйся. Продуктов в холодильниках полно, что готовить будем?

Подумав, я решаю, что студенческими традициями пренебрегать не стоит, по сему, нужно, особо не мудрствуя, нажарить картошки, и быстро, и сытно.

Однако, услышав моё предложение, девица скептически кривится, но затем, машет рукой, мол картошка, так картошка.

– Итак, запоминай, – она, как-то тяжело, по-старчески, поднимается, кладёт опустевшую бутылку в ведро, подходит к гарнитуру, достаёт из шкафчика сковороду, кастрюлю, турку и чайник, расставляет всё это на столе. – Кастрюля Лена,

сковорода Юлька, можно Ю-ю, чайник Денис, турка – Олег. А вот этот нож Андрей.

Пальцы девушки любовно, словно лаская, пробегаются по лезвию, гладят пластиковую рукоять. Отчего-то моё лицо опалает жаром смущения, настолько интимным кажется мне этот жест.

– С зелёной рукояткой – мой, об этом здесь все знают, потому и пользуются обычными ножами, не смей трогать, не смей даже прикасаться, убью!

Бьёт взглядом так резко, что я даже не смею усомниться, действительно, убьёт. Сумасшедшая, как и все на этом проклятом острове.

– А почему ты не заберёшь свой нож к себе в комнату? – миролюбиво, стараясь не спровоцировать вспышку гнева спрашиваю я. – А вдруг кто-нибудь возьмёт его по ошибке или по незнанию?

– Я бы рада, – девица опускается на табурет, словно мигом растеряв все силы. – Я бы его у самого сердца носила, гладила бы по самому лезвию, питая своей кровью, ночью бы рядом с собой укладывала. Я бы пела ему песни, говорила обо всём на свете, каждую секунду, каждый миг моей грёбанной жизни. Но эти суки лишают нас даже этого. Студентам запрещено иметь мупы. Суки! Уроды! Скоты!

Девушка хватается себя за волосы, принимается отчаянно мотать чернявой головой.

– Ненавижу богачей! Ненавижу этот остров! Ты понима-

ешь, что всем им больно! Они всё чувствуют, всё слышат, всё понимают и помнят?!

Студентка, для пущей убедительности, обводит рукой, выставленные на столе вещи.

Застываю в изумлении, не зная, что делать. Подать воды? Позвать кого-то на помощь? К счастью, девица берёт себя в руки, и продолжает уже по-деловому, словно и не было этой странной вспышки отчаяния и бессильной ярости:

– Посуду не бить, не орать на неё, не ломать, поняла?

Она могла бы этого не говорить, воспитанники детского дома, не имея ничего своего, весьма бережно относятся к общественному имуществу, их ответственность к чужому гораздо выше, чем бережливость, обласканных родителями детей к собственным вещам.

– Прикольно так, – осторожно произношу я, страшась очередной непредсказуемой реакции со стороны странной студентки. – Вы своей посуде имена даёте, обращаетесь, как к живым существам.

Ну и как разговаривать с этими психами? Даже с директором школы и взбалмошной Полинкой было легче. Деваха желчно ухмыляется, в огромных глазищах зажигается нездоровый блеск, щёки вспыхивают гневным румянцем. Того и гляди, схватит свой зелёный нож и бросится с ним на меня.

– Как тебя зовут? – в голосе девахи скрежещет металл.

– Илона.

– Я не удивлюсь, если через полгода на нашей кухне по-

явится умная сковородка Илона, или кастрюля Илона, или чайник Илона. Кто твой куратор?

Вопрос звучит неожиданно, слишком буднично, по сравнению с тем бредом, что она несла, и я даже на несколько секунд застываю в недоумении, лишь потом, под пытливым взглядом странной девицы отвечаю:

– Молибден.

Выражение лица новой знакомой меняется. Вот так метаморфозы! Куда делась злоба, замешанная на отчаянии, желчная ненависть и обида? Круглое, словно тыковка личико расслабляется, в глазах блестят слёзы. Слёзы чего? Облегчения. И вздыхает чернявая тоже как-то облегчённо, словно ожидала услышать дурную новость, но так её и не услышала.

– Повезло, -кивает она, не то с удовлетворением, не то со скрытой завистью. – Молибден – сильный маг и сам недавний выпускник. В нём хотя бы что-то человеческое ещё сохранилось. А наша Викуля срать на нас хотела. Такое впечатление, что она специально топит. Ладно, не будем над душой стоять, пусть готовят. Юль, мы картошки хотим, приготовь пожалуйста.

Студентка осторожно капают на дно сковороды масла, затем, вынимает из ведра картофель и, тоном милой жёнушки обращается к своему любимому ножу:

– Андрюш, картошки начистишь?

Нож ловко подпрыгивает, поддевает коричневую картофельную кожуру лезвием и принимается её срезать. На стол

летят тонкие, зигзагообразные очистки. Сам же овощ становится жёлтым и круглым. Затем, лезвие ножа споро и с таким же проворством стучит по доске, превращая кругляш картофеля в аккуратные ломтики.

Стою, открыв от изумления рот. Однако, ловлю себя на том, что моё удивление не восторженное, а, напротив, неприятное, таящее некую угрозу. Обычно такое бывает во время болезни. Тебе снится яркий, наполненный красками и сюрреалистичными образами сон, а ты желаешь поскорее проснуться, сбросить пелену одурманивающего, тошнотворного бреда, пока не поздно. За окном неподвижно, подобно испанским свечам зеленеют кипарисы, кухня заполнена золотом полуденного солнца. Неужели это моя реальность? Неужели ещё совсем недавно я мокла под дождём, ёжась от пронизывающего ветра?

– Спасибо, – говорит девушка, когда нож заканчивает работу и ложится на стол. Берёт жёлтые ломтики, укладывает на дно сковороды. Та начинает шкварчать. По кухне плывёт домашний, уютный запах подсолнечного масла.

– Купальник нашла? – голос девицы отрезвляет, встряхивает. – Идём, окунёмся. Море сегодня – просто супер! А Юлька и без нас справится. Кстати, меня зовут Олеся.

Морской залив, словно чаша, наполненная бирюзовой, прозрачной водой. Стенки этой чаши – лиловые скалы, облитые мёдом полуденного солнца, дно – мелкая гладкая галька. Я лежу в этой чаше, вдыхая терпкий солёный дух, с благодар-

ностью принимая мягкие касания волн, тихих, ласковых. Вода, то легонько подталкивает назад, то отступает. Впитываю всем телом нежную прохладу, запрокидываю лицо к пронзительно- синему небу и смотрю на реющих в вышине крикливых чаек, белых, беспечных и свободных. Телом овладевает приятная лень, душой – эйфория, а в голову приходит шальная мысль: «Разве место, где есть вот эти скалы, это море, солнце и чайки может быть страшным? Так стоит ли бояться таинственного острова? Стоит ли стремиться туда, где меня вовсе не ждут? Там, на большой земле слякоть, холодный дождь, съёмная однокомнатная с плесенью в ванной и протекающим краном на кухне. А здесь...»

– Что, проняло? – насмешливый голос Олеси обрывает поток вялых размышлений, словно острым кинжалом. – Знаешь, когда мне плохо, я всегда прихожу сюда, и мне, чёрт побери, помогает. Они специально зарядили это место энергией абсолютного счастья, чтобы мы окончательно не свихнулись.

Купол блаженства, небывалой эйфории вздрагивает, идёт уродливыми трещинами и рассыпается на множество жалких розовых осколков, оставляя после себя, горечь и едкую обиду, детскую, беспомощную. Люди, похитившие нас, могут всё, и напугать, и обрадовать. Им подвластны даже наши эмоции. Однако, страх слегка затаивается, затихает, укладывается где-то за грудиной, а мысли опять возвращаются к сестре, нашему с ней отдыху на море.

Прошлым летом я сняла скромную, как по метражу, так и по комфорту, квартирку на окраине небольшого приморского городка, и каждое утро мы с Полиной спешили на пляж, где словно сосиски лежали такие же отдыхающие. Полька ныла, что мы вновь припёрлись в самое пекло, что ей не хочется лежать среди потных красных тушек, что лучше никакого отдыха, чем такой. Однако, море творило чудеса. Стоило нам оказаться в воде, сестра тут же преобразалась и превращалась в весёлую, озорную девчонку. Хвалилась тем, что может доплыть до буйков, брызгалась и ныряла. Затем, наплескавшись всласть, мы выходили из воды и направлялись в ближайшее кафе, где обедали и ели мороженное. Как же я была счастлива, безумно, невероятно. Чёрт! Сбылась моя мечта. Мы с сестрой на море! Я забыла, что жизнь не щадит тех, кто самозабвенно упивается своим счастьем, и в нашу сказку ворвался Тимофей. Мы встретили его на пляже, как раз, среди красных потных туш, так призираемых моей сестрицей. Оказалось, что Тим приехал недавно, что мы с ним из одного города, и что он очень симпатизирует Полине.

На меня, а вернее на мою левую ногу он смотрел с видимым, нескрываемым отвращением, стараясь разговаривать только с Полькой, не обращаясь ко мне.

– Ни на какую дискотеку мы с ним не пойдём. Ещё чего? – заявила я, пританцовывающей и поющей у зеркала Польке. – По всей видимости, этот парень счёл нас дурочками, тратящими своё время на глупые танцульки.

Говорила насмешливо, дабы сестра не почувствовала давления. Обычно, подобный тон действовал всегда безотказно. Всегда, но не сегодня.

Полька оборвала пение на полуслове, обернулась ко мне, и в её глазах, впервые за всю нашу жизнь, я прочла презрительную, гадливую жалость. Ту самую жалость, которую мне приходилось порой ловить во взглядах прохожих и коллег на работе.

Загорелые щёки вспыхнули румянцем, губы, густо обмазанные блестящей помадой, скривились, нервно задрожал подбородок.

– Ты не идёшь, – глухо проговорила она, сбрасывая с себя халат. – Танцы- не твой конёк. А вот я иду, потому, что в отличии от некоторых, могу и люблю танцевать.

Сестра легко переступила через розовую лужицу халатика и направилась к шкафу, выбирать наряд для дискотеки. На меня она больше не смотрела. Тогда я ещё не знала, что Полька переступит через меня так же, как переступила через свой халат.

В тот момент мне страшно не было, отчего-то, казалось, что Полька одумается, успокоится, почувствует себя виноватой и попросит прощения.

Отдых превратился в муку. Никогда я не чувствовала себя столь одинокой и ненужной как в эти десять отпускных дней. Утром Полька, не дождавшись меня, бежала на пляж, чтобы встретиться с Тимом, а я, оставалась в душной квартире,

ожидая её, как, забытая хозяином псина. Без сестры мне ничего не было нужно, ни моря, ни солнца, ни южных фруктов. В обед сестрица прибежала, сбрасывала купальник, долго мылась под душем, натягивала сарафан и устремлялась то на экскурсию, то на морскую прогулку на катере, разумеется, в компании своего Тимоши.

За окнами темнело, голоса гуляк становились громче и развязнее, музыка веселее и задорнее, запах шашлыка резче, то и дело раздавались взрывы хохота. Зажигались рыжие уличные фонари, а я бродила по квартире, собирая, разбросанные Полькой, вещи, и чутко прислушиваясь к шагам за дверью, в страхе, что Полина не придёт ночевать. И это произошло. Однажды, она не вернулась, оставив меня в страхе и неведении, мечущуюся раненым зверем в пустой квартире. В какой клуб она могла направиться? В какой ресторан? Где остановился этот Тимофей? Богатое, но весьма безжалостное воображение рисовало картины одну страшнее другой. Полина изнасилованная обкуреными ублюдками, Полина убитая в грязной подворотне, Полина в искорёженном автомобиле, за рулём которого был пьяный Тим.

Всё! Хватит вспоминать, мусоля собственные обиды, обсасывая неприятные эпизоды. Какой от этого толк? Нужно, как можно быстрее найти способ выбраться с проклятого Корхебеля.

Мы с Олесей сидим на балконе, пощипывая крупные грозди золотистого, словно светящегося изнутри, крупного ви-

нограда. Сочные душистые ягоды лопаются на языке, изливаясь кисло-сладким соком. На смену дневному зною, приходит мягкая, бархатная прохлада. Стрёкот цикад и сверчков становится более торжественным, более мощным. Густую черноту южной ночи пронизывают серебряные нити полной луны. И эти нити, вплетаются в струи фонтанов, опутывают стебли трав и иглы кипарисов, окутывают нежным, таинственным сиянием чаши цветов. Вечерний ветерок пахнет сладостью магнолий, йодом и, разомлевшей от дневного зноя, травой. Он гладит щёки, слегка покачивает лозы, шуршит листвой. И в этот момент хочется верить в то, что всё будет хорошо, всё образуется.

– А что, всё-таки происходит с теми, кто не сдал сессию? – спрашиваю я.

В глазах девушки дрожат осколки луны. Олеся тянется за очередной ягодой, срывает, кладёт в рот, долго и тщательно пережёвывая. Отвечать на мой вопрос ей, явно, не хочется, и я уж было собираюсь смириться с молчанием новой знакомой, как она вдруг отвечает:

– Понимаешь, первокурсникам это лучше не знать. Вообще, это лучше никому не знать, я считаю. Но на втором курсе мы всё равно узнаём. Это ужасно, бесчеловечно, чудовищно. У кого психика более слабая, срывается в истерику, пытается покончить с собой, и вот таких, слабонервных, сразу же отправляют к тем, кто не сдал.

– А нас, стало быть, жалеют пока? – спрашиваю и маши-

нально тянусь за ягодой. Вкусовые ощущение, ровно, как и наслаждение вечерними запахами и звуками пропадают напроць. По позвоночнику бежит неприятная дорожка холодного пота. А в голове трусливо пульсирует мыслишка: «А хочу ли я знать ответ?»

– Эти сволочи никого не жалеют, – отрезает Олеся, и её лицо дёргается, как от болезненной судороги. Их устраивает и твоя успеваемость, и твоя неуспеваемость. У них здесь безотходное производство. Лучших обучают, а посредственностей – в расход. А узнаём мы на втором курсе о подвале лишь потому, что чёрную работу выполняем, в качестве наказания. Одна штрафная отметка ровняется дню работы в подвале. О самой работе не скажу. Нам специальную настойку молчания дают, дабы мы не проболтались, так что если даже захочу рассказать, из горла ни слова не вырвется. Да и без настойки, честно говоря, не решилась бы это сделать.

– За нами следят?

Опасливо оглядываюсь по сторонам в поиске камер.

Олеся невесело, как-то даже натужно смеётся, затем берёт мои пальцы в свою липкую от винограда пухлую ладошку, как когда-то делала сестра. Гоню мысли о Полинке, сейчас не до воспоминаний. Однако, прикосновение кажется приятным, дружеским, очень тёплым и неожиданным от мало-знакомого человека.

– Здесь любую технику можно легко заменить магией, что и делается. Не ищи камеры, их нет. Вся информация о тебе

отражается в воде. Не даром на территории столько фонтанов. Даже вода в графине на твоём журнальном столике способна выдать любую твою тайну.

– А после обучения сбежать отсюда можно? – сама не знаю зачем спрашиваю. – Ведь нас, как я поняла, будут отправлять на большую землю, для выполнения заданий.

– Нет, конечно, – Олеся невесело смеётся. – После окончания первого курса, ты примешь присягу – привяжешь себя к острову. И на большой земле сможешь пробыть не более месяца. Затем, если не вернёшься в срок, начнёшь медленно умирать, станут отказывать органы и системы, постепенно, словно позволяя тебе передумать и вернуться. Государь и его шавки инквизиторы всё просчитали.

Последнюю фразу девушка произносит глумливым тоном, давая понять, что далеко не фанатка государя.

В звуки вечерней природы осторожно втекает медленная, тихая мелодия, тягучая и клейкая, как мёд, от чего хочется смежить веки, раскинуть в стороны руки, выбросить из памяти все тревожащие мысли и погрузиться в мягкие, едва шелестящие волны сна.

– Всё, отбой, арфа заиграла, – Олеся зевает, встаёт с плетённого кресла, намереваясь направиться к себе в номер.

– А будить нас на учёбу тоже арфа будет? – спрашиваю, едва ворочая языком. Усталость бежит по венам, смешиваясь с кровью, голова становится тяжёлой, ещё немного, и рухну прямо здесь, на балконе, с виноградиной в пальцах.

– Ага, – отвечает Олеся, едва переставляя ноги. – Ещё одна магическая штуковина. Будешь спать, как убитая, а проснёшься, как огурец.

Глава 5

Солнце лениво растекается по верхушкам платанов и кипарисов, мерцает в крупных жемчужинах росы, дрожащих на распустившихся лепестках роз и маргариток. Пахнет морской солью, влажной от росы травой, пробудившимися цветами и свежестью, незагазованного, нетронутого выбросами фабрик и заводов, ветра. Кричат какие-то местные птицы, резко, хрипло. Цикады и кузнечики, предвкушая зной заводят свою тихую монотонную песню, со стороны пляжа доносится умиротворённый плеск морских волн. Чудесное южное утро. И если бы я сейчас находилась на отдыхе, то вышла на балкон с чашечкой зелёного чая или стаканом сока, зажмурилась, вдохнула ароматы пробуждающейся природы полной грудью и произнесла удовлетворённо, с завистью к самой себе: «Как же хорошо!».

Но я нахожусь не на курорте, не с сестрой, а в пугающем, непонятном месте, среди чужих, равнодушных людей, от чего становится горько и по-детски обидно.

Нас приводят на стадион, обычный, какие бывают за школами, заставляют выстроиться в одну шеренгу. Скорее всего, обычность увиденного расслабляет моих товарищей по несчастью, страх начинает понемногу отпускать. Кто-то посмеивается, кто-то шутит, кто-то тихо обменивается репликами. Я же, с ещё большей силой ощущаю свою уязви-

мость, слабость и одиночество. Ведь если для них для всех, урок физкультуры – обычное дело, то для меня – стыд за собственную немощь, унижительная беседа с преподавателем, пренебрежительные, жалостливые и брезгливые взгляды. Так было, и в школе, и в училище.

– Моё имя – Натабелла Андреевна. Но обращаться ко мне вы должны :» Учитель Милевская».

Чёрный спортивный костюм обтягивает тело преподавателя, как вторая кожа, подчёркивая идеальность фигуры. Упругая грудь среднего размера, крепкие бёдра и ягодицы, плоский живот. Волосы цвета тёмного шоколада затянуты в тугий узел, глаза яркие, словно голубые, обжигающие нестерпимым холодом Северных земель, кусочки льда, тонкий прямой нос, и ровная, персиковая гладкая кожа. О да! Милевская прекрасна, и я, глядя на неё, ещё сильнее ощущаю собственную ничтожность, а так же, молчаливый, напряжённый интерес со стороны мужской части нашей группы, не ко мне, разумеется, к физручке. Именно такие, как преподаватель Милевская нравятся мужчинам, ради них умирали на дуэлях, брали города, им во благо и по сей день сорят состоянием, выполняют каждый их каприз, бросают семьи.

– Чем маг отличается от всех остальных людей?

Голос преподавателя звучит жёстко, звонко, будто кто-то перемешивает ложечкой льдинки в стеклянном стакане. Она, словно демонстрируя идеальность своего тела, проха-

живается вдоль шеренги, скользя по нашим фигурам насмешливым, снисходительным взглядом. Рыжая девушка, стоящая рядом со мной, пытается что-то ответить, но тут же давится первыми звуками слова, наткнувшись на льдины холодных глаз.

– Тем, что маг обладает сильными, выдающимися, выходящими за грань, способностями, – голос Милевской становится выше и твёрже. – Магия, если её не контролировать, не управлять ею, может причинить большой урон, как самому её носителю, так и окружающим. Чтобы удерживать стихию, чтобы не дать ей взять верх, маг должен быть сильным, как психически, так и физически. Иначе, дар, либо высосет, сожрёт носителя изнутри, либо, вырвется наружу. Физкультура – один из самых важных предметов в академии. Любой прогул влечёт за собой наказание. Для меня не существует слова: «Не могу». Все нормативы должны быть сданы. Слабость, лень, симуляцию я не потерплю.

С каждым её словом на душе становится всё гаже и гаже. По телу волнами прокатывается слабость вперемешку с отчаянием. Левое веко поддёргивается, холодеют кончики пальцев.

– Прекрати, – уговариваю себя. – Объяснишь ситуацию, как это было в школе и училище, не зверь же она в конце концов? Подумаешь, пять минут позора под брезгливой насмешкой красивых холодных глаз!

– Итак... Бегом марш!

Шеренга неуклюже, смущённо смеясь и кряхтя бежит по дорожке.

– Учитель Милевская, – обращаюсь я, ненавидя себя за жалкие, молящие нотки в голосе и противную дрожь. – У меня больная нога, я не могу...

Тонкие брови красавицы взлетают вверх, розовые блестящие губы растягиваются в жестокой, какой-то издевательской улыбке.

– Дорогуша, – звенят, искрятся льдинки её голоса. – Кажется, ты что-то путаешь, милая.

От вкрадчивой, нарочитой ласки в животе набухает тугой, холодный комок, а по венам бежит ледяная вода.

– У нас здесь не дом инвалидов, а магическая академия. Здесь учатся, сдают зачёты, экзамены. Никто не станет тебя жалеть. Бегом марш!

– Я просто не сдам норматива! – выкрикиваю, запоздало, ругая себя за высокий тон и, выступившие на глазах слёзы. Ещё реветь перед этой змеёй не хватало!

– Значит, тебе не повезло, – усмешка кривая, равнодушная, отстранённая. – Бегом марш!

И я бегу, вернее, плетусь, с отчаянием глядя в спины бегущих однокурсников. Впереди, удаляясь всё стремительнее, мелькает прямая спина Валерии, обтянутая голубой тканью спортивной кофты. Хвост прыгает вверх-вниз, в такт её движениям. А я, волоча за собой налитую свинцом ногу, задыхаясь и едва справляясь с головокружением и слабостью, та-

щусь, далеко позади.

–Прыжки в высоту! – командует физручка, и в воздухе вспыхивает ярко-зелёная, светящаяся линия.

Милевская, каким-то чудом оказавшаяся во главе шеренги, прыгает первой. Чёрной стрелой взвивается ввысь, перелетает через барьер и плавно опускается на другой стороне, вызывая восхищённые вздохи студентов.

Лидия, охая прыгает, но неуклюже, как старая каракатица. Растягивается на земле, разбросав ноги и руки. Станислав перемахивает легко, словно делает это постоянно, за ним с такой же лёгкостью перескакивают Светлана, Анна и Милана. Пузатый чиновник, отдуваясь и матерясь сквозь зубы, трясёт пузом, перекидывает одну ногу, и просто сползает вниз. Я же, до линии так и не доползаю. Барьер растворяется в воздухе, и группа бежит дальше.

Каждый шаг даётся теперь с трудом. Звенит в голове, перед глазами мечутся чёрные мушки и нестерпимо колет в левом боку. Во рту сухо от жажды, затылок и спину печёт. Мысли склеиваются, сминаются в один липкий, вязкий комок. Воздух твёрд, неподвижен, слишком горяч, слишком тяжёл.

– Прыжки в длину! Кто не допрыгнет, тому всего-навсего опалит ногу.

Посреди беговой дорожки возникает полоска пламени. Языки нетерпеливо пляшут, трещат, словно предвкушая всеёлюю охоту за ногами незадачливых студентов.

Обречённо смотрю на то, как группа перелетает через барьер. Кто-то с разбега, кто-то стартует сразу. Но, оказавшись по другую сторону огня, обнимаются, поздравляя друг друга.

Одна, как всегда одна со своей болезнью, со своими проблемами. И если раньше рядом была сестра, которая, хоть и не любила слушать о моих бедах, требуя прекратить нытьё, но хотя бы, я знала, что она у меня есть, и мне становилось легче. А сейчас – полное, беспросветное одиночество, совершенный, непровержимый крах.

И вновь, барьер исчезает, и группа продолжает бег.

Дальше, однокурсники проползают насквозь какую-то трубу, уворачиваются от летящих в них светящихся шаров, скачут по выпирающим кочкам из сотворённого Милевской болота. Наконец, эта пытка унижением заканчивается. Физручка свистит в, совершенно обыкновенный свисток, требуя построиться.

Разбитая, вспотевшая, отупевшая от бессильной ярости, обиды и ощущения провала стою в шеренге среди однокурсников, весёлых, усталых, успевших сдружиться. Смешки, подшучивания, пьяная радость.

– Вы не справились с заданиями! – лёд в голосе Милевской ошетиливается острыми краями, твердеет. Смех резко исходит на нет. В воздухе висит напряжённое молчание. Лишь резкие крики птиц, разрывают полог тишины, да натужное дыхание чиновника.

– Как это? – взвизгивает Валерия, сбрасывая со лба, при-

липшую к потному лицу белую прыдку. – Мы всё выполнили.

– Разве вам не объяснили, кто вы, и где находитесь? Солдаты и находитесь на военной базе. После обучения вас начнут отправлять на задания, которые вы будете выполнять не только в одиночку, но и группами. Бросить товарища, оставив его на вражеской территории, всё равно, что провалить всю операцию. И вы это сделали. Провалили!

– Она калека, нам её надо было на руках тащить? – Милана приходит в неподдельную ярость. Красивое лицо девушки багровеет от гнева, изо рта выскакивает ниточка слюны. Все остальные согласно гудят, однако, открыто вступать в спор боятся.

– А это уже ваши проблемы, не мои. На руках, на спине, пинками. Мне глубоко плевать. Я поставила задачу, а выполнять её вам. Наказание всей группе. На вас надеты прекрасные спортивные костюмы, благодаря которым, учитель может легко управлять вашим телом. Давайте испытаем их.

Натабелла выставляет перед собой руки, принимается сжимать и разжимать кулаки, и, какое-то время, мы смотрим на это действие с недоумением. Кто-то даже начинает слегка подхихикивать, кто-то, с нарочитым удивлением шептаться. Однако веселье группы не продлилось и двух минут. Вскоре, как по команде раздаются стоны, и студенты, включая меня, пригибаются к земле, от ослепительной, всеобъемлющей, резкой боли, словно в вены впрыснули серной кислоты, а мышцы и кости выкрутила чья-то злая, но весьма креп-

кая рука. Сквозь завесу боли и непонимания происходящего, доносится голос физручки.

– И так будет всегда, как только вы решитесь открыть свои вонючие рты, чтобы возразить мне либо другому преподавателю.

Хриплые мольбы о пощаде, унижительные заверения в послушании, стоны. Боже! Это неправильно. Бесчеловечно! Такого быть не должно. А ведь это только первый урок, а будет и второй, и третий, и несколько лет обучение, а потом жизнь и работа на острове. Вот только дотяну ли я до выпускного?

– А теперь! – командует Милевская, в тот же момент боль отпускает, и дыхание перехватывает от внезапно нахлынувшей эйфории. – Два штрафных круга по стадиону! Бегом марш!

Глава 6

Надо ли говорить, что в раздевалке, после урока физкультуры я появляюсь позже всех, и вместо форменного платья, нахожу клочки бежевой ткани, разбросанные по всему помещению. Сумочка оказывается выпотрошенной, а всё её содержимое валяется рядом с перевернутым мусорным ведром, вперемешку с использованными тампонами, огрызками фруктов и рваными следками.

Женская половина группы с нарочитым спокойствием и показной озабоченностью стягивает с себя потные костюмы, расчёсывает волосы, кто-то уже плещется в душевой.

Я молча, стараясь ни на кого не глядеть, едва сдерживая бессильные слёзы ярости и обиды, наспех сдираю спортивный костюм и нижнее бельё, направляюсь туда, где хлещет по кафелю пола вода, и раздаётся мелодичное пение Валерии.

– Кто это сделал? – спрашиваю сразу же, как только оказываюсь в соседней кабинке. Водяные горячие капли смешиваются со слезами, а шум, по крайней мере, я на это надеюсь, маскирует дрожь моего голоса.

– А я откуда знаю? – фыркает красотка, брезгливо морща носик и поджимая пухлые розовые губки.

– И ты считаешь это нормальным?

Едва сдерживаюсь, чтобы не вцепиться в её белые, намок-

шие и отяжелевшие от воды космы. И, наверное, так бы и сделала, если бы не знала точно, кто победит в борьбе. Валерия сильнее, жилистее, у неё две здоровые руки и две здоровые ноги. А я? Растянусь на мокром полу, распластаюсь у её стройных ножек и даже самостоятельно подняться не смогу.

– Мне плевать, – выплёвывает красавица, размазывая душистый гель по, отливающей бронзой коже. – Обсуждать твои сраные шмотки я не собираюсь. Мне даже смотреть в твою сторону противно, убогая. Так что, закрой пасть и не смей со мной заговаривать, а то и без второй ноги останешься.

В душевую подтягиваются и другие девушки группы. Смеются, переговариваются, обсуждают что-то домашнее, обычное, бытовое. Словно в раздевалке не валяются обрывки чужого платья.

– А я своему каждый вечер сказки читаю. Он уже сам ждёт, зубки почистит, ляжет, а книжку рядом с собой кладёт, знает, что приду и читать ему буду, – тараторит рыжая востроносая дамочка, лет двадцати пяти, кажется Регина, яростно натирая своё, покрытое множеством веснушек, белое тело.

– Сказки учат добру, ты это правильно делаешь. Я тоже своим читаю, – авторитетно поддерживает Светлана, с наслаждением запрокидывая кудрявую голову к бьющим из-под потолка, струям.

– Как же я скучаю, и по мужу, и по сынишке, – всхлипы-

вает Аня, полоща чёрные, блестящие пряди. – Как они там? Ищут, наверное, волнуются.

И как, читая сказки малышам, рассуждая о добре и справедливости, они могут совершать такие вещи, или равнодушно смотреть, как их совершают другие? А может, моя персона доброго отношения недостойна?

– Кто это сделал?

Хочу произнести твёрдо, уверенно, но голос даёт петуха, срывается на придушенный писк. Я словно вижу себя со стороны. Худая до прозрачности, покрытая мыльной пеной, бледная, с некрасиво согнутой ногой, стоящая посреди душевой, до смешного беспомощно сжимающая кулачки.

– Ну скажем мы тебе, кто это сделал, и что дальше? – усмеяется стриженная под мальчика девица с тату в виде змеи на левой лопатке. Ровные белые зубы, длинные, скорее всего, накладные ресницы. – Что ты сделаешь, убогая? Заплачешь?

Женщины сдавленно хихикают. Однако, Змее, по всей видимости, хочется громких оваций, и она продолжает, медленно приближаясь ко мне, осторожно наступая аккуратными ступнями на плитки кафеля. Красный лак на маленьких ухоженных пальчиках, как капли алой крови.

Клубится белый пар, влажно, душно, запах мыла, сладкий и густой щекочет ноздри. Тяжёлые, вязкие слова, будто куски размокшей глины, шлёпаются на пол.

– Запомни, убогая, никто не станет с тобой возиться, никто не станет терпеть незаслуженные наказания по твоей ви-

не. Нам всем будет проще, если ты сдохнешь.

– А разве я прошу тебя со мной возиться? – теперь меня трясёт, но уже от ярости. Чёрт побери! Почему, когда люди видят человека с дефектом, тут же начинают бояться за свой покой, волнуясь, как бы их не попросили о помощи?

– Смотрите, девочки, она что-то проквкала? – Змея сжимает губки в куриную гузку, картинно закатывает глаза. – Прикиньте, эта дохлая селёдка даже не знает, на кого нарвалась. Надо же!

Одобрительный женский смех, горящие в предвкушении неравной драки глаза. Не зря предвкушают, драке быть! И кому здесь не поздоровится уже понятно, хоть к бабке не ходи. Силы слишком не равны.

Кем она была на материке, интересно? Очень- очень хреновой актрисой?

– Да плевать кем ты была? Мы все здесь материал из которого будут что-то лепить. И ты – полная дура, если питаешь какие-то иллюзии и продолжаешь кичиться своим статусом. Засунь его себе в тощую задницу.

Хочу сделать ей как можно больнее, увидеть её слёзы. Не желают дружить или хотя бы соблюдать нейтралитет – не надо. Однако, проглатывать оскорбления я тоже не стану. Знаю по детскому дому, дашь слабинку – сожрут вместе с костями и не подавятся. И, кажется, я своей цели достигаю. Лицо Змеи дёргается, в глазах вспыхивает огонёк детской обиды.

– Сучка, – шипит она, а в голосе едва, но всё же звенят

слёзы. – Маленькая, страшенькая дрянь!

Вот только наслаждаться своей победой мне приходится весьма недолго.

Резкий тычок в солнечное сплетение, и я валюсь на мокрый пол, захлёбываюсь в мыльной луже. Пытаюсь поднять голову, отдышаться, но чья-то рука прижимает меня к полу, не давая сделать вдох, не давая выплюнуть грязную, мыльную жижу, заполнившую рот. В глазах мутнеет, тело ослабеваает. Чёрные кафельные плиты, летящие сверху водяные струи, голые ноги, лобки разных цветов, белёсые, чёрные, рыжие, ягодицы и груди. Смех, яростные выкрики, всё смешивается, закручивается сумасшедшей воронкой. Удары по ногам, в живот, по спине. Каждый отдаётся вспышками боли, тупой, острой, стреляющей, жгучей. Верх и низ, лево и право меняются местами. Что-то кричу, о чём-то прошу, но сама не слышу собственного голоса, уже не соображая, где нахожусь и что происходит.

Удар по голове, в самое темя отдаётся ослепительным фейерверком боли. Электрический разряд по всему телу, по всем нервным стволам и ответвлениям, до тошноты, до беспомощности. Кажется, что каждая клеточка моего организма вспыхнула красным огнём. Вспыхнула, чтобы через мгновение погаснуть, погрузив меня в ворсистую, плотную тьму.

Глава 7

Тьма отпускает неохотно, липнет к сознанию рваными чёрными клочьями, спутывает мысли, наполняет голову чем-то мягким, скользким, как речная тина. Встаю с пола, отплёвываюсь. На языке вкус мыла, в ногах и руках противная дрожь. Наспех ополаскиваюсь и, держась за скользкую стену, бреду к раздевалке. Застываю на пороге, пропахшей женским потом и дезодорантом комнаты, тупо, с трудом осознавая ужас произошедшего, смотрю на, разбросанные по всему полу, бордовые и белые тряпочки. Тряпочки, бывшие когда-то спортивным костюмом, тряпочки, бывшие когда-то нижним бельём. Стрелки часов неумолимо указывают на время начало второй пары. В голове мутится от недавних ударов, от внезапно накатившей усталости, от непонимания происходящего. Я голая, совсем, абсолютно. На мне ни единой ниточки, и у меня два пути, два варианта решения этой проблемы: идти на уроки в чём мать родила или не идти совсем. За появление в неподобающем виде и опоздание – штраф, за прогул – телесное наказание. От штрафа, по крайней мере, не больно, а вот боль я переношу очень плохо, даже кровь из пальца сдавать боюсь.

Срываю тонкую, к счастью не прозрачную, занавеску, прикрывающую распахнутое окно, сооружаю что-то на подобии тоги.

Смотрю на себя в огромное зеркало. Мокрые волосы, бледное лицо, красные, опухшие веки, под глазом расплывается синяк. Красавица, ничего не скажешь! Я и в лучшие времена привлекательной никогда не была, а сейчас и вовсе могу детей по ночам пугать. Плевать! Забрасываю ремешок сумки на плечо, иду на следующую пару. Как уж предмет называется? Ах, да, «Регрессивная магия».

Пустые коридоры, пронзительный, свежий, навевающий крамольные мысли о свободе и безделье запах моря, щедрые потоки солнца, заполняющие пространство, чирикание беззаботных птиц, гудение пчёл, и двери, двери, много белоснежных дверей с зелёными табличками. Кружится голова, больная нога и вовсе кажется свинцовой, ощущение нереальности происходящего сильнее с каждым шагом.

Захожу в нужную мне аудиторию, удивлённо таращусь в темноту, лишь едва подсвеченную огромным, состоящим из множество разноцветных огоньков, колесом на потолке. Светлые силуэты однокурсников раскинулись на матах, между которыми бродит сухопарая женщина, напоминающая телеграфный столб, такая же прямая, высокая, худая, лишённая каких-либо выпуклостей.

– У каждого из вас свой путь и свои способности, – скрипит она. – Кто-то станет изготовителем артефактов, кто-то целителем, кто-то сможет открывать порталы. Однако, вы должны уяснить раз и навсегда одну простую истину, что ваш дар всего лишь зачатки магии, но не сама магия. Магическая

энергия не появляется сама по себе, маг берёт её из окружающей среды. Дуновение ветра, жар огня, пение птицы, шелест листвы и солнечный свет. Всё это мы тянем на себя, как нити, создаём плетение, подобно паукам, и творим. Но, чтобы научиться создавать плетение, да и вообще творить, вы должны, в первую очередь, отказаться от штампов, внутренних блоков, навязанных вам с детства другими людьми или ситуацией. Предмет «Регрессивная магия» – считается одним из профилирующих предметов на первом курсе. Именно ликвидацией блоков и нерешённых проблем прошлого мы и займёмся.

Оборачивается в мою сторону, недоумённо пожимает жилистыми плечами, небрежно кидает:

– Штраф за неподобающий вид и опоздание. Займите своё место.

Плетусь в глубину комнаты, нахожу свободный мат, ложусь, и всё это под презрительными и злорадными взглядами однокурсников.

А ведь это только начало. Все они, обозлённые, раздражённые, обиженные несвободой, разрушением планов, разлукой с родными, весь свой бессильный гнев, своё отчаяние, свою злобу будут теперь срывать на мне. Ведь до ректора, Молибдена, императора и инквизиторов – не дотянуться. Но есть я – груша для ударов, кукла для битья, яма, в которую так легко можно слить весь свой негатив, слабое, больное, уязвимое существо, идеальная жертва. День изо дня они бу-

дут сводить меня с ума, упиваясь своим могуществом, придумывая новые и новые издевательства, а вечером, станут вспоминать своих милых малышей, их улыбки, их полные радостью и любви глазёнки, мысленно читать им сказки о добрых зайках и злых волках.

– Брать энергию природы вы научитесь позже, с преподавателем Молибденом, а сегодня, я хочу, чтобы вы смогли погрузиться в своё прошлое, пройти по нему, как проходите по коридорам академии, открывая и закрывая двери.

– И как это связано с магией? – в темноте раздаётся хрустальный голосок Леры.

– Магия в том, – ровно отвечает преподавательница. – Что, вернувшись в картину своего прошлого, ощутив его вкусы и запахи, услышав звуки, увидев вновь дорогих людей или врагов, вы сможете переосмыслить какие-то события, избавиться от блоков, страхов и комплексов, мешающих каждому магу творить. День за днём мы станем очищать ваше подсознание от мусора, накопившегося за все годы жизни.

Мгновенно трезвею, даже ломящая боль, разлитая по телу, отступает. Мама! Я вновь увижу маму, и отца, и бабушку, и Полинку, ещё совсем маленькую, такую милую, такую послушную, такую мою!

– Для вас, для тех, кто только начинает постигать основы магии, создано вот это колесо, – телеграфная женщина взмахивает рукой, указывая на потолок.

Колесо ускоряет движение, огоньки мигают чаще, и это, отчего-то, пугает, наполняет вены холодной жутью.

– В нём собрана очищенная энергия, её не нужно сортировать, не нужно создавать плетение, достаточно лишь мысленно погрузиться в один из цветов, нырнуть в него и раствориться, почувствовать его в себе, стать им.

– И какой из них выбрать? – робко произносит Светлана.

А ведь когда она лупила меня голой шершавой пяткой по почкам и животу, такой робкой не была. И откуда что взялось?

– А это зависит от того, что вас вдохновляет. Кому-то мил морской бриз, тогда, выбирайте голубой, кого-то манит лесная чаща, и в этом случаи вам поможет зелёный, а кому-то нравится сидеть у костра, и для них – лучший помощник оранжевый цвет. Погружайтесь и начинайте творить, петь, придуманную мелодию, рисовать в воздухе картину, сочинять стихотворение.

– Я слышал, что магия может спалить своего обладателя, или вырваться и нанести большой урон окружающим, – голос пузатого чиновника в темноте кажется натужным и неповоротливым, словно работа мотора, застрявшего в грязи автомобиля.

– Так и есть, – отвечает преподаватель и подходит ко мне близко, наклоняет голову, с прилизанными волосами непонятного цвета, смотрит осуждающе и сурово из-под выпуклых, круглых очков в роговой оправе. Чувствую густой, ко-

ричный запах её духов. – Но на вас форма, защищающая мага от бесконтрольного выброса магии. По тому, так важно являться на занятия в ученической форме, а не обернувшись в кусок от занавески.

Тонкие губы телеграфной тётки кривятся подковой, из темноты слышатся коротенькие смешки.

– Итак, преступить к выполнению задания!

Голубой цвет втягивает меня, закручивается воронкой. Теряю ощущение реальности, не понимаю, где нахожусь, что происходит. Лишь терпкий запах морской соли, шум прибоя, прохладные брызги на щеках. Остаться бы в этом голубом мареве навсегда, стать его частью. Но нет! Нужно выполнить задание, нужно попасть в своё прошлое. Рисую в воздухе дом с узкими оконцами, покосившейся забор и высохшую черёмуху. На крыльце, потрескавшиеся от мороза, старые колоши. Серая струя дыма, льющаяся из трубы, устремляется в, начинающее темнеть, небо.

Глава 8

Мне шесть, и я лежу на продавленном диване в жарко-нагретой избе. В маленькие, узкие, разрисованные морозом окошки едва просачивается синий свет сгущающихся вечерних сумерек. Мерзко пахнет кислым молоком и моей гниющей плотью. Лица людей, наполняющих комнату, шипящих, злых, кажутся синими. На руках отца плачет двухлетняя Польша, трещат дрова в печи.

Я представляю, что все мы в подводном царстве. Папачарь всех морей и океанов, мама- царица, бабушка – ключница, а мы с Полинкой – прекрасные принцессы, которых выдадут замуж за принцев. Но мы замуж не хотим, и готовим побег из дворца, чтобы путешествовать по миру. Обычно, эта, придуманная мной сказка, помогает справиться с болью и позволяет не слушать ссор, что всё чаще происходят в нашем доме. Однако сегодня, боль такая и вонь от ноги такая, что фантазии не помогают. Упрямо смотрю в деревянный потолок, на тёмные балки и лампочку, болтающуюся на толстом проводе, чтобы не кинуть случайный взгляд на ногу, которая раздулась, покрылась зелёными пятнами, а в местах, куда вонзились зубья капкана, постоянно пузырится и лопается жёлтое, горячее и липкое.

– Не дури, Зинка, – грозно шипит бабушка, огромная и толстая, как бочка, что стоит у нас в огороде. – Тебя заберут,

на кого Польку оставишь?

– У неё гангрена. Ей нужно в город, – словно не слыша, произносит мама. Натруженные, шершавые руки с обломанными ногтями сжимают карандаш и ученическую тетрадку в клетку. – Но до нас не добраться, дороги замело, а вертолёт ради одной деревенской девчонки никто посылать не будет, и вы это знаете.

– Значит, так угодно господу, – выплёвывает бабушка, и брызги её слюны падают мне на щеку. Хочу вытереть, но не осталось сил. С каждым днём я становлюсь слабее. – У тебя есть ещё одна дочь, подумай о ней.

– Как ты можешь? – мама беззвучно кричит, карандаш и тетрадка летят на пол, красные мамины кисти впиваются в тёмные, кудрявые волосы с серебристыми ниточками. Мне эти ниточки очень нравятся, и я хочу себе такие же. Но мама говорит, что нет в них ничего хорошего, что это ранняя седина, и скоро мама постареет и станет такой, как бабушка. Я не верю. Мама- добрая и красивая, а бабушка злая и всегда ворчит.

– Я мать, и не могу спокойно наблюдать за тем, как мой ребёнок будет гнить заживо и умирать. Вот только что может деревенский фельдшер здесь, в глуши, без антибиотиков и оборудования. У меня есть только магия.

– Ты никогда этого не делала, – подаёт голос отец. – А вдруг сделаешь хуже?

– Куда ещё хуже? – отмахивается мама, наклоняется, под-

бирает с пола тетрадь и карандаш.

– Ох, чует моё сердце, вломится в наш дом инквизиция, – причитает бабка, закрывая ставни. – Заберут тебя они, дура, как пить дать, заберут.

– Значит, доля моя такова, – отрезает мать и проводит линию по тетрадному листу, а моё тело прошибает разрядом боли, от которой я кричу.

Картинка вспучивается, очертания лиц и предметов становятся уродливо-безобразными, пугающими. Надуваются, надуваются и лопаются со стеклянным звоном.

– А вот и не сказки! Не сказки! – мой голос пронзает тишину зимнего леса. Мороз слегка покалывает щёки, кусает за голые, покрасневшие пальцы. Воздух пропахший снегом и хвоей упруг и чист.

Стайка ребят плотно жмётся к Евке- дочке старосты. Ещё бы, они ей в рот беззубый не смотрели? У неё всегда в избытке водились и конфеты, и новая одёжа, и куклы, какими играют лишь столичные девки. И дома у Евки, как утверждала баба Нюра, что к ним убираться приходит, как в заграничных фильмах, мупов видимо-невидимо. Есть и улучшенная стиральная бочка, и уют, и пылесос. Вот все вокруг этой зазнайки и кружат, авось что-то из её богатства им перепадёт. Дураки!

– Сказки, – выпятив грудь, обтянутую полосатой курткой, на два размера больше, пискнул Лёшка. – Не существует ни месяцев твоих, ни волшебных перстней. Ева права.

– Ага, ещё бы вы все её правой не считали! Она вам покажет куриный помёт жрать, вы и сожрёте, – зло смеюсь, но веселья никакого не чувствую. – А вот я пойду и найду, и подснежники, и всех двенадцать месяцев, и перстень мне апрель подарит.

Отворачиваюсь и, увязая в снегу, иду в самую чащу. По щекам бегут горячие дорожки слёз, мне обидно за сказку, самую любимую, самую интересную на свете. А ещё обидно за то, что ребята не поверили, обсмеяли, не захотели присоединиться. А ведь как было бы здорово побродить по лесу в поисках подснежников и наткнуться на костерок, вокруг которого сидели бы все двенадцать братьев.

Смех за спиной затихает, затихают и звуки деревни, стук топоров, петушиные крики, тархтение мотора дяди Петиного автомобиля.

Боль, раскалённой спицей, пронизывает всё тело от пяток до макушки. На левой ноге смыкаются железные зубья капкана, падаю вниз, ещё стараясь вырвать ногу из тисков, встать. Рыжие стволы сосен подпирают пасмурное, тяжёлое небо, снежинки ложатся на лицо. Плачу, зову на помощь, понимая, что никто не услышит и не придёт. А по снегу подо мной расползается, ширится красное и горячее.

– Дыши! Дыши! – требовательный, властный голос врывается в сознание. – Смотри на меня. Давай же, Илона, открой глаза.

Вновь картинка сворачивается, и я выпадаю в реальность,

полную запахов, света и воздуха, упоительного, солёного и свежего.

Я лежу на чём-то очень мягком, невесомом, будто на облаке. В огромные, зашторенные лёгкой занавеской окна апельсиновым соком втекает свет заходящего солнца. С пляжа доносится шелест волн и крики, встревоженных окончанием дня., чаек. Надо мной, ярко-розовая крона какого-то дерева и две склонённых головы. Одна принадлежит куратору Молибдену, другая – белокурой, незнакомой женщине, преклонных лет.

– Ты в целительской, – произносит женщина. – Ты получила большое облучение магической энергией, что привело к началу разрушения твоей нервной системы. А также, я обнаружила множественные ушибы мягких тканей и несколько ссадин, которые были мною легко устранены. Какое-то время тебе придётся побыть здесь, пока твоё здоровье не стабилизируется.

Сухо, по-деловому, со знанием дела, и противно до слёз. Сейчас мою нервную систему подлатают, отпоят какими-нибудь таблеточками, всобачат парочку уколов, или чем там магов лечат? И вновь отправят грызть гранит науки, в когти озлобленных однокурсников и равнодушных учителей. Ведь знала же эта училка о последствиях работы без формы. Знала, и даже не поинтересовалась, по какой такой причине одна из студенток явилась в непотребном виде. Вкатала штраф

и продолжила урок. А что дальше будет? Что ещё приготовили для меня Змея и компания? Минута за минутой, день изо дня, они будут сводить меня с ума, строит пакости, избивать в душевой. Плюс ко всему, сложная программа академии, включая уроки физкультуры.

Чёрт! А ведь дома, недоеденный пирог, пакетированный чай с липовым цветом, новый, недавно купленный в киоске роман Анны Огненной о хане пустынных земель и непокорной северянке. Дома всё так понятно, стабильно и просто. Утыкаюсь лицом в облачное ложе, вдыхая мягкий, чуть горьковатый дух. Так свежо и радостно пахло в детстве, когда мы с Полькой гуляли во дворе детского дома и срывали цветы для венков. Господи! А ведь были в моей жизни счастливые минуты. Были, были, были! А я не ценила, принимала их как должное, как нечто обыденное, поднадоевшее.

Реву открыто, всхлипывая и вздрагивая всем телом. Плевать! Пусть смотрят. В груди сжимается плотный, ворсистый комок, глаза жжёт от едких слёз, голову сдавливают раскалённый обод.

– Это какой же душой надо быть, чтобы явиться на урок почти голышом, – цедит сквозь зубы куратор. На лице играют желваки, в прищуренных серых глазах холодная, как сталь кинжала, злость. – Что за тупое, ослиное упрямство, Жидкова? Почему не нашла меня? Почему не рассказала?

А, действительно, почему? Хотела показаться сильной? Всем доказать, что меня не напугать, не сломить? Да им пле-

вать! И однокурсничкам, и телеграфной училке. Одни поглотились и забыли, другая, тупо провела урок. До моих чувств никому нет дела. Только я ношусь с ними, как курица с яйцом. Этим и Полинку от себя отвратила.

– Вам больно? Сделать для вас успокоительный коктейль?

Голос врачихи звучит чуть более участливо и тепло, может, поняла, что переборщила с официозом, может, решила подсластить пилюлю. Однако, мне плевать. Реву ещё громче, не специально, разумеется. Наверное, это самое участие и подливает масла в огонь. Участие и осознание того, что никакие таблетки мне не помогут. Ничего не поможет. Сегодня эти мымры разорвали мою одежду, завтра подсыпят отраву в питьё, а если не схохну, подкинут змею или ядовитого паука. Каждый день в напряжении, каждый день в ожидании пакостей. Нет, я не боец, не отважная дева-воительница, принимающая вызов и готовая держать удар. Я слабая, болезненная девушка, мечтающая жить тихо, незаметно и скучно, желающая лишь двух вещей, крыши над головой и сестры рядом.

– Да, Ирина Ивановна, – отвечает за меня Крокодил. Тьфу ты! Куратор Молибден, чёрт бы его побрал. – Это, как раз то, что ей нужно. И, пожалуйста, сделайте так, чтобы она была готова к завтрашнему собранию.

Взгляд холодный, припорошённый усталостью и раздражением, ни проблеска жалости, ни крупинки участия. Да и чего я, собственно, ожидала. Неужели думала, что он вот сей-

час бросится разыскивать моих обидчиков и бить им морды, как когда-то давно, в детском доме. Нет! Детство прошло.

Мы окончательно и бесповоротно чужие, и глупо надеяться на защиту и снисхождение. Ему даже не интересно, что случилось и почему я появилась на уроке в таком виде. Наверняка, списывает это на демарш с моей стороны. Он даже не удосуживается рассказать мне о собрании.

Молибден выходит, тихо затворяя за собой дверь. Лежу, вслушиваясь в звуки, доносящиеся с улицы. Такие счастливые, беззаботные, какие сопровождают жизнь любого курортного города. Море, визг купальщиков, музыка. Закрываю глаза и представляю себя в маленькой квартирке, что мы с Полькой снимали прошлым летом. Сейчас в комнату ворвётся сестра, весёлая, с озорным блеском в глазах, загорелая, пахнущая солью и фруктовым дезодорантом.

– Скучно! – вскрикнет она. – Идём на улицу, не книжки же читать, в самом деле, мы приехали.

И я, с неохотой отложив роман, плетусь к платяному шкафу, чтобы выбрать платье для вечерней прогулки, одно из двух имеющихся.

Ближе к полуночи, я опять слышу перебор струн арфы и проваливаюсь в топкий, глубокий сон.

Глава 9

– Просыпайся! Просыпайся! – чья-то прохладная рука трясёт меня за плечо, нервно и настойчиво.

Эх! Не к добру! Имея при себе хорошие новости так не будят.

С трудом выбираюсь из липкой трясины сна, оглядываюсь по сторонам. Комнату заливают золотистый свет южного утра, гомонят птицы, морской бриз надувает шторы. Облако, на котором я лежу, слегка покачивается, на полу сидит Олеся, свежая, с лихорадочно-любопытным блеском в глазах, в бежевом форменном платье.

– Ну ты и дрыхнуть, – смеётся она, протягивая какой-то пакет. – Собирайся, и дуй на собрание. Не знаю, чего такого ты натворила, но Молибден рвёт и мечет. Ваша группа уже собралась, вся помятая, бледная, особенно девки. Вся академия только одну тебя – спящую красавицу ждёт.

– Вот блин! – вскрываю пакет, достаю комплект нижнего белья и новое форменное платье. – Слушай, а без меня никак? Ты можешь сказать, что я плохо себя чувствую?

– С ума сошла? Кто тебе поверит. Под тобой лечебный матрас бел, словно снег. А когда человеку хреново, он серый или чёрный. Так что не вздумай симулировать, – Олеся по-кошачьи фыркает. – И уж если тебе выдали новую форму, то ничего такого плохого с тобой не сделают. Убивать и тащить

в подвал точно не будут.

С удивлением разглядываю произведение магии. Да, действительно, ослепительно белый, лёгкий и мягкий. Надо же! А ведь изготовлением подобных вещиц тоже кто-то занимается, тот, кому хотелось остаться в тени, тот, кого грубо вырвали из привычной жизни, лишили родных и друзей, заставили учиться и навсегда заперли на острове.

– И то правда, – соглашаюсь, натягивая на себя новое платье.

Площадка перед главным входом полна народа. Студенты переглядываются, пожимают плечами, бросают недоумённые взгляды в мою сторону. На самой верхней ступени появляются ректор и Молибден. Толпа затихает. Несколько преподавательниц запоздало прерывают оживлённую речь.

– Уважаемые преподаватели и студенты академии, – дребезжит голос ректора, перекрывая все окружающие звуки, птичьи трели, шелест волн по гальке, шум встревоженных ветром платанов.

– Вчера, в стенах нашего учебного заведения произошло вопиющее нарушение правил. Одна из студенток первого курса была жестоко избита, а её защитная одежда безвозвратно испорчена. В следствии этого, студентка едва не лишилась жизни выполняя задание по предмету «Регрессивная магия». Она получила сильное облучение магической энергией и оказалась в коматозном состоянии, блуждая в лабиринтах своего прошлого. И только благодаря знаниям и уме-

ниям нашего штатного целителя и куратора Молибдена, девушка осталась жива.

Толпа гомонит, кто-то возмущается, кто-то скептически хмыкает, кто-то принимается рассказывать свою версию событий. Ловлю себя на том, что сжимаю руку Олеси. Запоздало, разжимаю свои пальцы, краснея от нахлынувшего стыда. Чёрт! Ну, ни дать ни взять, дитяtko неразумное, пугливое. – Этот поступок не должен остаться безнаказанным, – продолжает скрипеть ректор. – Прошу зачинщиков выйти сюда.

Толпа затихает. Пауза затягивается.

– Где же ваша смелость, ваше желание справедливости? – подаёт голос Молибден.

В лучах рассветного солнца он кажется вылитым из золота. Прекрасная, совершенная скульптура мифического бога. Бога красоты, любви и желания. Широкие расклешённые брюки и свободную бежевую рубаху треплет ветер, солнечный свет вплетается в лён разбросанных по плечам волос, в прищуренных грозовых глазах жестокий, металлический блеск. Как же красив, как недоступен, как величественен мой бывший друг, мой крокодил! Любуюсь им, восхищаюсь каждым шагом, каждым жестом, каждой нотой его голоса. В животе разбухает горячий комок, в груди сладко сжимается. Он хочет меня защитить, хочет мне помочь, наказать моих обидчиков. Ему не всё равно...

– Прекрати! – мысленно кричу себе я. – Этот мужчина не для тебя – дурнушки с обезображенной ногой. И защищает

он вовсе не тебя, а честь и порядок своей любимой академии. Не смей о нём мечтать, не смей вспоминать детский дом и подаренные им конфеты! Успокойся, глупая девочка Илона!

– Хорошо, – холодно улыбается золотой бог. – Раз наши герои, а вернее героини, предпочитают остаться инкогнито, мы поступим иначе.

Небрежный жест в сторону фонтана, и вода застывает, превращаясь в ровный плоский экран, на котором чётко в полный рост появляется изображение голых девиц Змеи и Регины. Одна смеется, щёлкая ножницами, другая – разбрасывает куски ткани по раздевалке, дурачась, подкидывая вверх, напевая популярную песенку о летящих снежинках. Остальные прыскают в кулачки, неодобрительно пожимают плечами, отводят взгляды, но даже не пытаются помешать.

– Вода, прекрасный накопитель информации. С помощью магической энергии воды, любому преподавателю не составить труда узнать все ваши тайны. Сколько раз в день вы принимаете душ, какой напиток предпочитаете на завтрак, и, даже, как часто вы ходите по нужде.

Молибден медленно, словно хищник спускается вниз, к толпе. В голосе сталь, в глазах бушует разгневанный бурей океан. Сильный, опасный, властный и страшный в своей безупречности, в своём могуществе.

По толпе пробегает ропот, все мы задерживаем дыхание. Воздух густеет, и кажется, что вот-вот, начнёт потрескивать от напряжения. Сила давит, заставляет чувствовать себя ма-

ленькой, ничтожной букашкой, одинокой дождевой каплей в пустыне, мелкой пылинкой в потоке ветра, гаснущей лучиной в кромешной тьме глубокого подземелья.

Какая-то сила выталкивает двух девушек из толпы, бледных, трясущихся, всхлипывающих.

Пытаюсь понять, что чувствую по отношению к своим обидчицам. Мрачное удовлетворение? Злую радость? Жалость? Но ловлю себя на том, что не ощущаю ничего. Все мои чувства притуплены, разум заторможен гнетущей, подавляющей волю и способность ясно мыслить, силой.

– Простите, – всхлипывает Регина, кусая посиневшие губы, ломая дрожащие пальцы. – Этого больше не повторится.

– Не повторится, – соглашается Молибден, кладя свою огромную ладонь на плечо девушки. – Ведь вы больше не захотите быть наказанной, правда? У вас неплохой магический потенциал, и нашему преподавательскому составу было бы жаль вас потерять.

Толпа вздыхает, и, как мне кажется, облегчённо.

– Повезло дуре, – шепчет рядом Олеся.

– Итак, не будем терять время.

Молибден достаёт из нагрудного кармана уже знакомый блокнот и карандаш, проводит по листу, и Регина вскрикивает от боли, хватаясь за лицо. Куратор, делая вид, что не замечает криков девушки продолжает работу. В мирные звуки шуршащей воды, чирикания птах, шёпота листвы, грубо,

уродливо вплетается вопль боли и ужаса. Регина оседает на землю, прижимая ладони к лицу, трясёт рыжей головой.

– Пожалуйста, прекратите! Не надо! Я всё поняла!

Однако, Молибден продолжает работу. Его пальцы уверенно сжимают карандаш, мышцы лица расслаблены, в глазах стужа Льдистых земель. Девушка ложится ничком, молотя ногами, взрхляя красный песок дорожек. Спина, обтянутая тканью форменного платья, изгибается дугой, сквозь пальцы, упорно закрывающие лицо, просачиваются струйки слёз и крови.

Молибден невозмутимо останавливается, прячет блокнот обратно в карман, окидывает толпу равнодушным, застывшим взглядом, подходит к подвывающей Регине, тянет за плечи, заставляя подняться. Она встаёт, ещё крепче вдавливая ладони в поверхность своего лица. Однако, куратор силой дёргает девушку за тонкие запястья, та сдаётся, и кричит, пронзительно, отчаянно. Толпа ахает. Регина, симпатичная, с правильными, тонкими, аристократическими чертами лица, ухоженной гладкой кожей, превратилась в старуху. Теперь на вид, девушке можно дать лет девяносто. И щёки, и высокий лоб, и точёный носик всё покрылось сетью глубоких морщин, старческими волосатыми бородавками и пигментными пятнами.

– Теперь с вами, – куратор машет в сторону сжавшейся Змее. Та подходит, стараясь не выдать своего страха, однако дрожь в коленях выдаёт её испуг и ожидание кошмара.

– Ваш магический потенциал не столь велик, – беспристрастно произносит куратор. – Поэтому, я не считаю нужным держать вас в рядах студентов. Однако, император милостив, и вам даётся возможность послужить родине, вместо того, чтобы бесславно умереть.

Толпа вздрагивает, сдавленно ойкает, Олеся сжимает голову руками, чуть слышно матерится.

– Писец, – роняет какой-то парень.

Я же, лишь отмечаю всеобщий страх, но сама ничего не чувствую, только отстранённо смотрю на происходящее, словно нахожусь в кинотеатре. Вижу, как двое людей в инквизиторских плащах подхватывают девушку, чьё имя я так и не успела узнать, под руки и волокут прочь от парадного входа. Змея молчит, лишь бросает удивлённые взгляды, то в толпу, то на Молибдена.

– Она ещё ничего не знает, – шепчет Олеся.

– Уж лучше в старуху превратиться, – переговариваются вокруг. – Молибден настоящий зверь.

– А ведь такая девчонка красивая!

В мою сторону, словно камни из пращи, летят взгляды, осуждающие, неприязненные, удивлённые, злые. Я отмечаю это с небывалым для меня спокойствием. Меня не трогают ни шепотки, ни всхлипывания Регины, ни скрип ректорского голоса. Я, словно в вакууме, в ограниченном от постороннего вмешательства, мире.

Глава 10

Столовая гудит, как пчелиный улей, вернее сказать, как осиное гнездо. Студенты переговариваются, смеются, звенят ложками и тарелками. Суэта кажется какой-то нервной, зловещей, и я жалею о том, что не пошла завтракать в общежитие. Подумаешь, до пары осталось каких-то пятнадцать минут? Ничего, успела бы хлебнуть чайку да бутерброд зажевать. Беру поднос, подхожу к раздаточному столу, накладываю себе немного пшённой каши, беру чашку кофе и парочку бутербродов с рыбой.

– Что это нашло на Молибдена? – отчётливо слышу со стороны стола, где расположились старшекурсники. – Обычно преподам глубоко плевать на разборки студентов.

– Молодой, амбициозный и метит на место Крабича, вот и выслуживается. – отвечает ей какой-то парень.

Пробегаю глазами по залу, в поисках Олеси, но не нахожу. Толи она не посещает студенческую столовую и обедает в общежитии, толи сегодня решила обойтись без завтрака.

– Я не спорю, здесь порядки жёсткие, – разглагольствует пышногрудая блондинка за другим столом. – Но отправлять человека в подвал ради какой-то дуры, неспособной себя защитить, это слишком.

Обречённо понимаю, что соседи по столу блондинке не возражают, напротив, мычат нечто согласное.

Больная нога мешает быстро и уверенно идти, поднос ходит ходуном в дрожащих, от предчувствия неприятностей руках. Подхожу к столу, где сидит моя группа, ощущаю на себе, полные злорадства и превосходства взгляды. Лидия деловито раскладывает тарелки, не давая мне поставить свой поднос, Стас пинает табуретку, и та отлетает в сторону. Всё молча, с нарочитым безразличием, словно меня и вовсе нет.

– Я могу сесть? – задаю вопрос, с отвращением замечаю, как жалко дрожит мой голос.

– Не можешь, – отрезает Милана. – Греби отсюда, убогая, и Молибдену пожаловаться не забудь.

В столовой тишина, каждый присутствующий ждёт моей реакции. Чёрт! Почему кидаться тарелками, таскать за волосы и надевать салатники на головы хамам – не мой метод? Почему я такая, как говорит Польшка, мягкотелая? Надеюсь на благоприятный исход, хочу подружиться, иду на компромиссы, когда невооружённым глазом видно, что мирных переговоров тут быть никак не может?

Ладно, хрен с ними со всеми! Поставлю поднос на подоконник и поем. А в столовую больше не ногой, в конце концов, есть общежитская кухня с полным холодильником продуктов.

Беру поднос, направляюсь в сторону окон, слышу позади себя тягучее, заунывное пение и вскрикиваю от омерзения. Всё содержимое моего подноса покрыто зелёными, извивающимися червями, и эти черви пульсируют и надуваются, с

каждой заунывной нотой. К пению, как аккомпанемент, присоединяется дробное постукивание ложек и смех. Пытаюсь отбросить поднос, полный вспучивающихся гадов, но руки словно приклеены. В голове каша, к горлу подкатывает тошнота. Сквозь пелену слёз вглядываюсь в искажённые глумливой радостью лица, в тщетном поиске сочувствия хотя бы от кого-то. Но заступаться за меня никто не торопится, студентам гораздо интереснее узнать, чем закончится шоу.

Черви принимают форму шаров, и наконец лопаются. Грудь, шею и лицо окатывает мерзкой, зловонной и липкой жижей, а поднос и тарелки летят со звоном на пол, под всеобщий хохот.

– Здесь занято! – припечатывает Света, когда я делаю попытку сесть на свободное рядом с ней место. Многодетная мать, поспешно, как-то нервно, кидает на пустой стул свою сумку, сверлит колючим взглядом из-под очков. Остальные студенты, заполняющие аудиторию, даже престарелая Лидия, также заняли пустующие сидения сумками, чётко давая мне понять, что мне нет места, ни рядом с каждым из них, ни в аудитории вообще.

Странное оцепенение, сковавшее меня во время собрания, прошло, как проходит эффект анестезии, после лечения зубов, и теперь я как нельзя более уязвима. Всей по-

верхностью кожи чувствую неприязненные, гадливые взгляды, ехидные улыбки, злобу в каждом жесте, в каждом движении.

– И сюда нельзя! – взвизгивает Милана, стоит мне только приблизиться. – Ты что, слепая, не видишь, сумка лежит?

С трудом сдерживая едкие слёзы, подхожу к коренастому, светловолосому парню, кажется, его зовут Костя. Надеюсь на мужское благородство, сдержанность и снисхождение к женщинам. Зря. Костик, без слов, вытягивает на свободном стуле свои длинные ноги.

С ужасом понимаю, что происшествие в столовой, всего лишь начало моего персонального ада, с этого дня, все они, вся группа, да и, наверное, студенты других курсов, ополчились против меня. Меня будут игнорировать, испытывать моё терпение на прочность, стараясь довести до безобразной истерики, день за днём втоптывать мою самооценку в грязь, превращая в забитое, тупое, бессловесное существо. И если я сейчас дам слабину и уйду, покину аудиторию, хлопнув дверью, они выиграли, победили. Да и нельзя уйти, предмет «Созидательная магия» считается обязательным, и штрафы за его прогул довольно серьёзные. Но как же хочется уйти! Запереться в своей комнате, уткнуться в подушку носом, всласть пореветь.

В глазах всё двоится от слёз, в горле набухает волосатый ком. Солнце, до краёв заливающее аудиторию, кажется слишком ярким, слишком агрессивным.

Они ждут, что я начну бегать от стула к стулу, ища, куда бы опустить свою задницу, ждут и веселятся, вымещая на мне всю свою обиду, всё своё недовольство, весь свой страх.

Сморщенное, словно гнилой томат, лицо Регины удовлетворённо щерится, трясутся, сдерживая смех, потрескавшиеся желтоватые старческие губы.

– Я здесь ни при чём! – хочется заорать мне. – Хотите отомстить – мстите Молибдену!

Но, разумеется, я этого не делаю. Понимаю, что бесполезно. Да они все только того и желают. Им хочется моих слёз, моих оправданий, моего унижения и скрытой надежды на прощение и снисхождения.

– Иди сюда, крошка. Садись! – машет мне рыжий парень с галёрки, веснушчатый, длинноносый, напоминающий лиса и, отчего-то, Регину, такую, какой она была ещё несколько часов назад. Странно, почему я раньше не замечала его?

Игнорируя противное, горьковатое ощущение подвоха, иду к нему. Ведь не могут все поголовно быть гадами? Ведь должен же хоть кто-то оказаться нормальным, здравомыслящим человеком. Парень барабанит тонкими пальцами по столешнице, выбивая ритм:

– Тук-тук, тук-тук-тук. Тук- бабах.

Пол стремительно приближается, и я падаю, лицом в квадраты кафельной плитки. На мгновении всё вокруг меня чернеет, и со всех сторон раздаётся пронзительный, многоголосый смех. Из носа течёт тёплое, солёное и липкое. Тем-

нота рассеивается, и я вижу кровавые кляксы на белых квадратах. Чёрт! Как же неудачно-то! Чувствую, что колени тоже разбиты, и на новенькой форме, наверняка сейчас красуются такие же красные пятна, как и на полу. Встаю, но больная нога скользит, словно на пол было вылитое масло, и я вновь падаю. Опять встаю, и опять падаю. А смех всё громче. Прерывистое повизгивание, протяжное завывание. Сухое карканье, переходящее в кашель. Всё это смешивается, сплетается, перепутывается в один бесформенный, многоцветный клубок. И этот клубок ширится, набухает, грозясь раздавить, расплющить, размазать по запачканным кровью плиткам.

– Крошка, какая же ты не аккуратная! – слышу нарочито-слащавый голос рыжего. – Надо быть осторожнее.

Встаю. Падаю. Юбка задирается вверх, обнажая трусики и голые бёдра.

– А может тебе и не вставать? Лежи на полу, – сквозь смех произносит Милана.

– Вот и место нашлось, а ты всё думала, да гадала, куда сесть, – каркает Лидия, на фоне всеобщей истерики. Истерики наслаждения чужим унижением, истерики облегчения, что наказание пало ни на них.

А ведь у этой пожилой женщины, наверняка есть внуки, и она их любит. Пекла им пироги и блинчики, выводила гулять в парк, учила нерадивых молодых родителей, как правильно лечить и воспитывать чадо. Сидела на лавочке в кругу таких же престарелых матрон и осуждала глупую, распущенную,

безответственную молодёжь. И сейчас, вплетаясь своим каркающим смехом в общую какофонию, отдаёт ли она себе отчёт, что делает нечто неправильное?

Сил больше нет. Их не осталось. Мои попытки встать приводят лишь к новым ударам об пол и смеху всей аудитории. Кажется, что и доска, и жёлтые от солнечного света панорамные окна, и стулья, и столы, тоже смеются надо мной. Буду лежать. Вот так, на полу, под ногами студентов – мерзавцев, и пусть войдёт препод.

Препод входит. Я ощущаю это по прохладе, коснувшейся спины, по мгновенно-воцарившейся тишине, по лёгким торопливым шагам и шуршанию юбки.

– Что вы делаете среди первокурсников, студент Филаткин? – голос учительницы мягкий, почти нежный, однако, отдающий прохладой. Тон бесстрастный, отстранённый. Сразу же возникает ассоциация с луной, такой же далёкой, холодной, чуждой.

– Пришёл навестить сестру, – бойко отвечает парень. – Знаете, ей, после того, что произошло сегодня утром, немного тяжеловато.

Вот почему он мне так напоминает Регину! Они родственники, и теперь этот мальчишка станет мне мстить, каждый день, каждую минуту. А при поддержке моих однокурсников превратить мою жизнь в ад будет довольно легко.

– Ваша сестра сама виновата в случившемся, – холодно отрезает лунная дева. – А вам, я вынуждена выписать штраф,

за присутствие в чужой аудитории и отсутствие на своём занятии, а ещё, за применение магии, по отношению к первокурснику. Прошу покинуть нас, студент Филаткин.

Судя по хлопку двери, студент уходит. Остальные же, нарочито шуршат тетрадами, щёлкают ручками.

– Вставайте уже, – холодом веет чуть ошутимее. – Или вы так и будете валяться на полу? На перемене приведёте себя в порядок, а сейчас, записывайте лекцию.

Встаю, бреду к свободному(надо же?) месту, рядом с пузатым чиновником.

Открываю тетрадь, стараясь ни на кого не смотреть, не вслушиваясь в смысл, механически записываю долетающие до меня слова преподавателя:

– Первое, от чего должен отказаться маг- это штампы, ярлыки и стереотипы, -чеканит прекрасная преподавательница. – Боязнь чужого осуждения, сомнения и страхи блокируют ваши ресурсы.

Женщина в серебристом платье в пол, стоит у доски. Высокая, стройная, с водопадом белоснежных волос, струящихся по спине. В глазах пронзительная голубизна северных небес, кожа гладкая, белая, без намёка на румянец.

– Что использует маг во время колдовства? – голос струится серебристыми потоками, пронизывая пространство. И возникает стойкое ощущение, что воздух сгущается от её обаяния. Однокурсники застывают в восхищении. Мужчины, скользят взглядами по точёной фигурке, женщины за-

стывают в удивлении, стараясь не упустить ни единого слова, доказать свою тягу к знаниям, к её предмету, к ней лично. На меня эти штучки не действуют. Я вижу лишь красивую и, наверное, счастливую женщину, высокомерную и гордую. «Зима Эмилия Францевна» искрятся серебристыми снежинками буквы на её бедже. Чует моё сердце, с этой дамой мы точно не поладим. Никогда не любила это время года.

– Свой творческий потенциал, – каркает Лидия, и тут же смущённо прочищает горло.

ТЬфу! Уже давно на пенсии, а всё туда же!

– Совершенно верно, – благосклонно кивает Зима. – И сегодня, мы с вами будем учиться использовать своё творчество целенаправленно. Хочу вас предупредить, уважаемые студенты, не каждый уходит с моих занятий на своих ногах, а кто-то и вовсе погибает. Но надеюсь, с вами такого не произойдёт.

Что? Она серьёзно? Каждый урок может стоить нам жизни? Но почему все молчат, лишь блаженно, как-то заморожено улыбаются.

– Творческая энергия – это энергия созидания, преобразования мира. Именно умением творить, человек отличается от животного. А умением творить, изменяя реальность, отличает мага от человека обыкновенного. Только творческий потенциал позволяет нам использовать силы окружающего мира. Как черпать энергию природы извне, вас будут учить на другой дисциплине. Мы же с вами будем учиться исполь-

зовать собственные резервы.

– И как же их использовать? – скрипит Регина. Сразу видно, всегда была отличницей, и в школе, и в институте. Или что там она заканчивала? Хочет показать свою заинтересованность, рассчитывает на плюшки. Противно! Именно такие, глядящие в рот, охающие, задающие вопросы и становятся фаворитами начальников, пьют с ними кофе в обеденный перерыв и свысока смотрят на других, менее удачливых и расторопных сотрудников.

– Жаждите потренироваться? – серебристым колокольчиком смеётся Зима. – Ну что ж, извольте.

Все ахают, ожидая чуда здесь и сейчас, кроме меня, разумеется. Я ковыряюсь в собственных обидах, раз за разом прокручиваю ситуацию, случившуюся несколько минут назад. И что теперь делать? Старшекурсник, явно, применил магическое воздействие. Стоит ли об этом доложить Молибдену? А не сделаю ли я этим ещё хуже. Смогу ли я учиться, да и вообще существовать во враждебной обстановке, под прицелом ненавидящих, презрительных, раздражённых взглядов?

– Наш кабинет залит солнечным светом, вы, наверняка, заметили, – рассказывает Зима между партами, за ней тянется шлейф прохладного, мятно-свежего аромата. – На что он похож? С чем можно сравнить его золотистые потоки?

– На жидкое золото! – выкрикивает Стас, и покрывается красными пятнами от скупой похвалы учительницы.

– На топлённое масло! – медленно, словно обдумывая каждое слово, произносит Лидия. Зима благосклонно ей кивает.

– На мёд! – скрипит Регина.

– На шампанское в бокале, – с показной неохотой говорит Лера.

– На карамель, – торопливо вклинивается Света.

Я молчу. Солнце – есть солнце, и не похоже оно ни на масло, ни на карамель, ни на что. Не собираюсь участвовать в этом идиотском шоу «Учиться никогда не поздно». У меня свои проблемы, которые надо решать, своё место, куда нужно вернуться, а тратить время на ерунду, я не согласна.. Я вернусь домой, найду способ. Ведь должен же он быть?

– Молодцы! – Зима хлопает в ладоши. – Теорию вы освоили. Приступим к практике.

Группа шепчется. Кто-то по-школьному складывает руки на парте, кто-то застывает в ожидании. Даже Светлана, нетерпеливо теребит пуговицу на платье. А ведь недавно рвалась к своим деткам. Тьфу! Продалась за отдых от кастрюль и стирки белья, за пляж, и за возможность уметь что-то, чего не умеют другие. А дети? Ничего, вырастут и без неё! Тоже мне, мамаша!

– Итак, подойдите к этому замечательному стеллажу, – учительница машет изящной белой ручкой в сторону полок, находящихся в углу. – Пусть каждый выберет то, что ему по душе. Кто-то великолепно плетёт из бисера, кто-то вяжет,

кто-то рисует. Ваша магия – в вашем таланте. Прошу вас!

Группа, чуть ли не толкая друг друга, торопится к стеллажу. Спины, затылки, нервно-дрожащие руки, выхватывающие то один, то другой предмет. Анна берёт цветную бумагу, Лидия – моток ниток и спицы, Светлана – пальцы и кусок ткани, Стас – какую-то деревяшку и напильник. Каждый из них овладевает радостное возбуждение, нездоровое нетерпение. Подхожу к полкам в числе последних. Мне ничего этого не нужно! Я хочу домой! К сестре! Хочу вновь просыпаться от звона будильника, слепо шарить ногами по полу в поисках тапок, и не найдя, шлёпать голыми пятками по холодному линолеуму на кухню, чтобы поставить чайник. Хочу трястись в трамвае, по дороге на работу, вглядываясь в тёмные, грязные окна, слышать ругань кондуктора. Хочу возвращаться домой, уставшая и вымотанная рабочим днём, готовить нехитрый ужин, болтать с сестрой, а потом, ложиться на диван с очередным романом в мягкой обложке. Беру с полки одиноко- лежащий лист бумаги и несколько цветных карандашей. Ловлю снисходительный, почти брезгливый взгляд преподавательницы. Плевать!

– Я надеюсь, что вы сделали правильный выбор, уважаемые студенты. – ослепляя белоснежной улыбкой, произносит училка. – Теперь, попробуйте использовать свой магический потенциал для решения определённой задачи. Сейчас, каждый из вас будет помещён в куб, из которого вы должны выбраться, с помощью творчества. С каждой минутой в ку-

бе будет повышаться температура, и чем дольше вы будете в нём находиться, тем хуже для ваших организмов. Ваша задача – как можно быстрее выбраться из куба. Иными словами, выразить слово «свобода» через своё творчество.

– Каков максимум повышения температуры? – догадывается спросить чиновник, по обыкновению утирая пот со лба. Других же, кажется, это вовсе не волнует.

– До ста градусов, мои дорогие. – улыбается Зима, как ни в чём ни бывало, словно поджаривать людей для неё дело обычное и привычное. Хотя, наверное, это действительно так.

Отчаяние сковывает внутренности ледяной коркой, разливаясь горечью во рту, бежит едкой отравой по венам, вызывая слабость во всех конечностях. Сейчас нас засунут в печи и будут медленно запекать в собственном соку, наблюдая за нашей агонией.

– Итак, приготовились...

Зима открывает ящик учительского стола, вытягивает из него ворох чёрных тряпок и швыряет его в нашу сторону. Мгновение... И я в чёрной коробке. Стучу по стенкам. Они плотные, словно сделаны из жести или твёрдого пластика.

Чёрт! И что сейчас делать? Рисовать? Но какое такое чудо я должна изобразить на листе бумаги, чтобы раскрылась коробка? Рисую куб, в темноте, разумеется, но с удивлением замечаю, что проведённые карандашные линии светятся. Так, вот он куб, в нём человек, то есть – я. По одной из

стенок куба идёт трещина. Трещина ширится, растёт, человек выходит наружу. И... И ничего. Я по –прежнему нахожусь в коробке. Затылок уже мокрый, вдоль позвоночника бежит струя пота.

– Молодец, Регина! – слышу голос Зимы, не выражающий никакой радости, лишь холодная, каменная констатация факта.

Как ей это удалось? Что она такого сотворила на листе бумаги? Со лба течёт, едкие солёные капли щиплют глаза. Утираю пот со лба, отбрасываю прилипшую чёлку. Руки влажные и липкие. Вновь беру карандаш и бумагу, рисую разорванную в клочья коробку и себя, поднимающуюся над обрывками. Тщетно. От стенок нестерпимо тянет жаром, сидеть невозможно, и я встаю.

– Вы справились с заданием, Светлана, – вновь льётся холодным ручейком голос препода. Сволочь! Стерва!

Светлана что-то подобострастно щебечет, сбивчиво рассказывает о своих детях. Заткнись! Заткнись! Заткнись!

Одежда липнет к телу. В горле ни капли слюны. Кажется, что я сама выдыхаю огонь.

– Лидия, Станислав, Анатолий, вы тоже с заданием справились.

Коробки открываются одна за другой, лишь моя не желает выпускать меня на свободу. Да и куда мне с моими одной целой и двумядесятыми?

Куб в разрезе, куб пустой, куб разделённый на две поло-

вины, с люком наверху, внизу. Нет! Бесполезно. Мысли путаются, перед глазами мечутся красные круги, ловлю ртом раскалённый воздух, обжигая трахею и лёгкие. Я не смогу выбраться самостоятельно. На листе уже нет ни клочка свободного места. Нужно просить о помощи, умолять, плакать. Плевать на гордость, насмешки однокурсников, брезгливый взгляд Зимы. Всё это неважно. Кажется, что мои глаза лопнут, как лопаются яичные желтки на сковородке, а кровь вскипит.

– Выпустите меня! – кричу, молотя кулаками в стенку. – Я не знаю что делать! Пожалуйста, помогите мне. У меня не получается.

Каждое слово вырывается из груди огненным шаром, обжигая гортань, жаля язык и нёбо.

– Не справляешься, милая? – в голосе Зимы мне чудится сочувствие.

– Да, я не могу. Помогите, – реву в голос. А за чёрными стенками моего узилища раздаётся смех. Громче всех смеётся Регина. Да уж, она удовлетворена, она чувствует себя отомщённой.

– Значит, тебе не повезло, – ледяным тоном констатирует преподавательница. И до меня с начала не доходит смысл её слов. Я жду освобождения, жду, что вот-вот хлынет яркий свет солнце, а кожу остудит ветерок из распахнутого окна. Но Зима что-то спокойно и бесстрастно продолжает объяснять студентам, не обращая внимания на мои мольбы и за-

вывания.

Раздаётся звонок, и я, сквозь боль и удушье слышу разговоры, звуки шагов и хлопок закрывающейся двери.

Глава 11

Бьющий по глазам свет, потоки свежего, напоённого южными ароматами воздуха, сильные руки, сомкнувшиеся на моих плечах и штормящие морские волны в глубине строгих, слегка прищуренных глаз.

– Ты вообще собираешься учиться? – твёрдо произносит Данила, встряхивая меня так, что голова запрокидывается назад. – Ты же чуть не умерла, дура?

Вглядывается в лицо, испепеляя серым огнём глаз. Морщинка между бровями становится глубже.

– Пора приспособливаться, Илона! Пора начинать жить здесь, на острове, подчиняться правилам, находить союзников, бороться с врагами. Твоего прошлого больше нет.

– Я не хочу, – произношу пересохшим ртом, облизывая губы. Они совершенно нормальные, без пузырьков, даже не кровоточат. – Не хочу приспособливаться к месту, где убить человека – раз плюнуть. Где всем вокруг плевать на твою жизнь. Где за любую провинность тебя могут изуродовать.

– А разве на большой земле не так? – Молибден издевательски поднимает брови, рот кривится в снисходительной усмешке. – Бьюсь об заклад, что никто и никогда тебя в паланкине не таскал, и розовыми маслами твоё тело не умащивал. Тебя кормят, ты живёшь в тепле, спишь на чистом белье в отдельном комфортабельном номере. Да по сравне-

нию с детским домом – не жизнь, а сказка! И требуется от тебя лишь одно – учиться! Но нет, ты столь ленива, столь неблагодарна, столь поглощена своими обидами, что не хочешь принять, не хочешь расти дальше. Правильно, булькать в своём зловонном болоте гораздо удобнее.

Чувствую, как во мне вскипает ярость. Бездушный циник, зазнавшийся гад. Вот о таких как раз говорят: «Из грязи в князи». Кто он такой, чтобы обвинять меня в лени? Да что этот белобрысый пижон знает обо мне? Ему ли, бывшему ворю и мошеннику, судить меня? Однако, он единственный, кто задаёт какие-то вопросы, а не уходит с равнодушным, безучастным лицом. А значит, есть возможность договориться. Держи себя в руках, Илона, истерики и слёзы здесь не помогут. Успех переговоров напрямую зависит от аргументов, которые ты сейчас приведёшь.

– А если я была довольна своей жизнью? Если мне нравилось булькать в болоте? К тому же, мой потенциал очень низкий, я не справляюсь с поставленными задачами, не потому, что не хочу, а потому, что просто-напросто лишена нужных способностей. Да, служба инквизиции в нашей стране работает чётко, как часы. Но ведь и на старуху бывает проруха. Они взяли не того человека, я жертва их ошибки. И пока не поздно, мне нужно вернуться домой.

Ищу в глазах куратора хотя бы намёк на проблеск понимания, но они холодны и тверды, как сталь. Да и слушал ли он мою речь? С отчаянием осознаю, что нет, не слушал и не

слышал.

Боже! Всего два дня, а мне кажется, что прошла целая вечность. Что мой дом, сестра, работа, с которой меня выгнали, дождливый октябрь и переполненные трамваи – нечто далёкое, перестающее быть моим. Проклятый остров! Он опутывает незримой паутиной, привязывает к себе, делает своей частью. Здесь всё дышит магией, этой грёбаной, ненавистной магией.

– Мне глубоко наплевать, ошиблась инквизиция или нет, низкий у тебя потенциал или высокий, – Молибден говорит тихо и медленно, и с каждым словом, тело слабеет, от усталости, отчаяния и понимания тщетности всех попыток достучаться хоть до него, хоть до кого-то другого. – Если попала сюда, учись, работай над собой, становись сильнее.

– Я погибну здесь, Данила? Пожалуйста, помоги мне, во имя нашей бывшей дружбы.

В голосе звенят слёзы, а ведь не хотела я плакать, видит бог, не хотела.

– Не пытайся разжалобить меня своими слезами, Илона, – твёрдо произносит Данила. Проводит пальцем по моей щеке, стирая слезинку, кривиться, так, будто бы сожрал лимон. Я противна ему, неприятна. – И не ломай комедию.

С удивлением понимаю, что на моей коже нет никаких ожогов, что всё в порядке и с волосами, и с бровями. Палёным мясом тоже не пахнет, даже намёка на запах нет. Словно читая мои мысли, Молибден поднимает с пола чёрный пла-

ток, машет им перед моим лицом. Затем, небрежно швыряет на парту мой измятый, облитый слезами жалкий рисунок, который назвать творением мага просто язык не повернётся.

– Вместо того, чтобы ныть и жалеть себя, могла бы хоть немного постараться, – шипит куратор рассерженным тоном. – Что за детские каляки-маляки, я вас спрашиваю, студентка Жидкова? Да, ты никогда не была сильной. В детстве я берёг тебя, защищал, подкармливал, так как ты никогда бы не смогла отобрать у другого или пойти воровать. Своей порядочностью, чистотой ты меня и привлекала. А ещё тем, что я видел в тебе интересного, любознательного человека, любящего книги и стремящегося ко всему новому. Меня поражала твоя внутренняя красота. И кого я вижу сейчас? Серую, туповатую особь, мыслящую штампами и шаблонами.

Молибден скручивает мой рисунок в шарик, швыряет его в доску. Тот ударяется о чёрную поверхность и падает на пол.

– Знаешь, как всё выглядело на уроке? – произносит куратор, чуть успокоившись, однако, его спокойствие мне не нравится. Уж слишком оно усталое, слишком обречённое, разочарованное. Таким тоном говорят лишь горькую правду, уже не страшась ранить чувств собеседника, не дорожа его отношением.

– Ты сидела с вот этим идиотским платком на голове, – Данила, наверное для пущей убедительности, накрыл чёрной тканью свою белобрысую башку. – И ныла, умоляя тебя выпустить! И если бы я находился в этой аудитории в тот мо-

мент, то, наверняка, сдох от смеха.

– Не ври! – вскрикиваю, а из глаз брызгают слёзы обиды и стыда, щёки вспыхивают. Да уж, глупее ситуации не придумаешь. – Это был ящик, накаляющийся изнутри.

– Да, – соглашается треклятый Молибден. – Но, в твоей голове. Настоящей опасности студент подвергается лишь на старших курсах. А для первогодка мы используем иллюзию. Но поверив ей, ты могла умереть. Ведь самая страшная сила – сила внушения. На твоём теле мы не нашли бы ни одного ожога, но даже иллюзорные повреждения вполне способны погубить.

Платок летит в том же направлении, что и мой никудышный рисунок, куратор выходит, оставляя меня наедине с кружащимися золотистыми пылинками.

Какие мирные, добрые, навевающие что-то из далёкого счастливого детства запахи разомлевшей от дневного зноя травы, нагретой почвы и, почему-то, мёда! Как же хочется опуститься на землю, подставить лицо тёплым касаниям лёгкого, едва ощутимого ветерка и глядеть в небесную синь, на тающие облака! Но нет! На стадион нас привели отнюдь не для блаженного безделья. И если спортивные Лера и Милана, обладающие неплохим магическим потенциалом Регина, Лидия и Света, могут быть спокойны, то мне предмет «Ос-

новы боевой магии» уж точно не по зубам. По зубам сейчас надают мне и очень больно.

– Не все из вас смогут стать боевыми магами, – Натабелла, прохаживаясь вдоль нашего ряда, чеканит каждую букву, ударяя рукоятью плети по, обтянутому чёрной тканью бедру. – Однако, любой маг, в случае нападения, обязан уметь ставить щиты и уходить от атаки. Вот этому мы с преподавателем Молибденом будем учить вас на первом курсе.

– И да, – вступает белобрысая сволочь. – За своё здоровье и благополучный исход боя, отвечаете вы и только вы. Не смогли отбить удар – ваша проблема, получили травму – ваша проблема. Никто не станет вас щадить, делать скидки на ваше настроение, тип темперамента и плохое самочувствие.

На последнем слове серые глаза скользят по мне, и я заливаюсь краской, как последняя дура. Все остальные, это, разумеется замечают и начинают хихикать, даже Лидия.

– Итак, демонстрируем вам, как отбивать атаки противника и уходить от них! Прошу вас, учитель Милевская, ваш ход!

Милевская и Молибден встают напротив друг друга. Прекрасная пара, хоть картину пиши или кино снимай. Грациозная, чёрная гибкая пантера и могучий, уверенный в своей непоколебимой силе, снежный барс, матёрый хищник, обманчиво медлительный и расслабленный.

Натабелла щёлкает зажигалкой, словно собираясь прикурить сигарету, затем, прыгает, крутится в воздухе вокруг

своей оси, освобождая волны шелковистых чернильных волос, из каждой пряди которых выстреливают огненные стрелы. Из раскрытых ладоней так же бьёт струи огня, метя в лицо и шею противника. Любой, даже самый brutальный мужик материка, глядя на это зрелище, давно бы поджарился, как по вине восхищения, так и от страха. Но не Молибден. Тот, быстро начеркав что-то в своём блокноте, выставляет перед собой кирпичную стену. Это происходит настолько стремительно, что женщина не успевает остановить свой прыжок, и со всего размаха ударяется о кирпич, повержено растягивается на земле, а огонь гаснет.

Группа восторженно аплодирует. Дураки! Неужели до них ещё не дошло, что нам придётся повторить то же самое, вот только, так красиво и безболезненно вряд ли у нас получится. Через минуту, стена, волшебным образом исчезает. Молибден заразительно, свободно, с удовольствием хохочет. Кто-то из группы подобострастно подхихикивает. Тьфу! Смотреть противно! Весело им! А о сломанных костях, сотрясении мозга, многочисленных гематомах кто-нибудь подумал? О нет! Я точно не выживу. Сдохну на этом же занятии.

Натабелла легко, словно и не впечатывалась в кирпичную кладку, вскакивает с земли, смахивает с рукава невидимую пылинку, встаёт напротив Молибдена.

– Ваш ход, учитель Молибден! – игриво произносит Милевская, и я читаю в её глазах, кроме задора, что-то ещё.

Страсть? О да! Она смотрит на Крокодила с вожделием, с бешеным желанием ненасытной самки. Опыта в таких делах у меня не то, что мало, его вообще нет, но такое видит, интуитивно чувствует любая женщина.

Молибден рисует что-то в своём блокноте, и в сторону Натабеллы устремляется рой ос. Женщина смеётся, подпрыгивает, раскидывая руки по сторонам, и вот, она уже на другом конце стадиона. Рой вновь устремляется в её сторону, однако Милевская прыгает и оказывается за нашими спинами. Группа, в том числе и я, орёт, когда осы с гудением направляются к нам. Физручка же, пружинит на носках, отталкивается от земли, перелетает через наши головы и оказывается за спиной противника, обнимая его за шею, демонстрируя попытку задушить.

Теперь хохочут оба преподавателя, группа раздражается хлопками и нелепыми выкриками.

– Теперь попробуйте вы, – Милевская хищно скалится, выбирая жертву, а я молюсь всем богам, чтобы её выбор не пал на меня. Пусть обо мне забудут, пусть не заметят, пусть сочтут настолько бесперспективной, что и пытаться не стоит.

– Лидия, – изрекает физручка. – Защищайтесь!

Плеть в руках преподавательницы со свистом вскидывается и её острый, словно лезвие край медленно, но верно, направляется к груди пожилой женщины, грозясь вонзиться в беззащитную, прикрытую лишь тонкой тканью платья, плоть. Лидия застывает, в её глазах мечется испуг, но затем,

сжав побелевшими пальцами крючок, принимается быстро-быстро вязать. Красные нитки сплетаются в причудливую сеть, на глазах твердеют, становясь тонкими полосками металла. И когда плётка достигает груди женщины, на Лидии уже прочная кольчуга.

– Неплохо, – улыбается Милевская. – Однако, я могла ударить в лицо или по ногам, и вы бы не смогли себя защитить. Подумайте над этим.

– Анна, приготовьтесь к защите! – командует Молибден, не прекращая что-то рисовать в своём проклятом блокноте.

В сторону девушки, прямо к её ступням ползёт несколько огромных пауков, противно перебирая лапками, вполне натурально хрустя хитиновыми оболочками. Да, это иллюзия, морок, но морок способный нанести травму. Эти паучки развеются через несколько минут, однако тому, кого они покусают ничуть не легче.

Анна взвизгивает, отскакивает назад, бросает полный ужаса взгляд на преподавателей, но те глухи и слепы к её страхам.

– Давай! – кричит ей группа. – Не дрейфь! Бей их!

Пальцы Анны сгибают и разгибают лист бумаги, превращая то в квадрат, то в треугольник, пока не получается птица. Бумажная ворона увеличивается, обрастает перьями, щёлкает клювом, взлетает с ладони девушки и пикирует вниз. Мощным клювом ворона легко, играючи раскалывает хитиновые оболочки насекомых. Защитные панцири тварей

с хрустом лопаются, разбрызгивая на траву кровавые ошметки внутренностей.

– Отлично, Анна. Вы великолепны, – хвалит преподаватель. Да уж, мне он таких слов не скажет никогда. – Но вам необходимо поработать над своими эмоциями.

Станислав защищает себя, выстругав из своей деревяшки щит, Лера легко уходит от атаки роя пчёл, предложив им в качестве альтернативы цветок, сплетённый из бисера, Регина пугает всех страшной рожей, нарисованной на листе бумаги. А вот Анатолий сдаётся. беспомощно мнёт в руках кусок пластилина, обливается потом и сопит, когда ему прямо в живот летят мелкие осколки стекла.

– Немедленно прекратите! – вопит он, когда стекляшки одна за другой ныряют в безразмерные складки его пуза. – Я не знаю, что мне делать! Вы обязаны объяснить!

На бежевой форменной рубаше вспыхивают красные пятна. Багровый от страха и бессильной ярости бывший чиновник сгибается пополам, матерится, затем ложится на траву в позе эмбриона, поскуливая от боли. Меня трясёт от жалости к этому мужчине и от страха за себя. Запах крови сплетается с мирными ароматами лета, от чего к горлу подкатывает тошнота, настолько он неуместен здесь, под этим синим небом, в лучах золотистого солнца, в стрёкоте кузнечиков.

– Жидкова, – сухо произносит Натабелла, и я вздрагиваю всем телом. – Защищайтесь!

В меня летят такие же осколки, что и в Анатолия. Беспомощно

мощно сжимаю в руке карандаш, но пальцы дрожат. А гадкие стекляшки, с неровными, острыми краями, устремляются мне прямо в лицо, грозясь выколоть глаза.

– Давай, Жидкова, защищайся, – с брезгливой нервозностью бросает Натабелла. – Если, конечно, не хочешь ослепнуть.

Во мне вскипает ярость. Да что они с нами делают? Кто им дал право глумиться над людьми? Запугивать, ранить, доводить до нервных срывов и ломать? Кучка уродов, наделённая сверхспособностями, демонстрирующая свою силу, упивающуюся вседозволенностью.

– Катитесь к чёрту! – рычу в лицо Милевской, отбрасывая в сторону блокнот и карандаш. – Я не собираюсь вас развлекать! Вы ранили человека, он воет от боли, но вам на это наплевать!

– Жидкова, не тяни время, – скрипит Регина, и этот её скрип становится катализатором. Я взрываюсь, меня колотит от гнева, ору, срывая голосовые связки, до звона в ушах, до жёлтых звёзд перед глазами.

– Идиотка! Тебя превратили в старуху, изуродовали, но ты продолжаешь лизать этим мудакам задницу. А ты, Светочка, по деткам своим больше не скучаешь? Всё, материнский инстинкт, как рукой сняло? Ну а ты, Валерия, как же муж и папочка, как же клубы и рестораны? Эти ублюдки лепят из нас солдат, мастеров, шпионов, на благо империи, а вот о нашем благе подумать забыли. Забыли, что мы люди,

что у нас могла быть своя жизнь, нормальная, свободная.

– Подбери блокнот и защищайся, – сухо отрезает Молибден.

– Пошёл на хрен!

Плюю куратору под ноги, группа охает, не то удивлённо, не то осуждающе. Стадо баранов, жалкие трусы!

– Защищайся, Жидкова, – повторяет Молибден, и рой осколков бросается мне на встречу.

Ложусь на землю, закрывая лицо руками. Несколько стекляшек впиваются в спину. Корчусь от боли, сдерживая в себе крик. Если издам хоть звук – я проиграла, сдалась. Травинки лезут в нос и рот, запах почвы густой и крепкий. Я содохну здесь. Я не выдержу этих пыток. Может сдаться? Может извиниться, подобрать блокнот и карандаш. Ну уж нет! Пусть или убивают, или отправляют домой. Но в их игры я играть не стану. Господи, как же больно, как больно! Форменное платье намокает, по спине тянется липкая струйка. Полинка! Полиночка! Всё ради тебя! Я терплю эту боль во имя тебя, во имя возвращения домой.

– Достаточно! – грохочет голос Молибдена. – Урок окончен, все свободны, кроме Жидковой.

Люди расходятся, слышу разговоры и топот ног. Анатолия поднимают с земли, обещают отвести в целительскую.

– Жду тебя в преподавательской, – бросает Натабелла Молибдену, и тоже удаляется.

Поднимаюсь с земли. Молибден стоит надо мной, прони-

зывая взглядом. Весь такой холёный, чистенький, благоухающий. Сволочь!

– Продолжим занятие, – с деланой усталостью, даже с какой-то ленцой произносит белобрысый гад.

– Проваливай ко всем чертям! – цежу сквозь зубы. – Вы тут все садисты, моральные уроды. Да вы, наверняка, кончаете глядя на боль и унижение других людей.

– Жидкова, замолчи немедленно! – голос преподавателя ровный, холодный, в серых стальных глазах ни грамма эмоций. – Нравится тебе это или нет, но материал ты освоишь, даже если мне придётся применить силу.

– Да кто ты такой, Молибден, чтобы так со мной разговаривать? Кем себя возомнил? Пройдоха, вор, мошенник, голь перекатная!

Хочу причинить ему боль, стереть маску равнодушия с холёного, надменного лица, разозлить, укусить так, чтобы он взвизгнул. Но нет, куда там! Белобрысый мерзавец бесстрастен и непоколебим. Снисходительно щурится, словно размышляя, раздавить этого червя сразу или чуть позже и, до тошноты, до оскомины, ровным тоном, произносит:

– Защищайся, Жидкова!

Передо мной возникает огромный, размером с трёхэтажный дом, покрытый уродливыми буро-зелёными наростами, шар и медленно, но весьма целенаправленно, катится на меня, грозясь раздавить. Чёрт! Эта махина проедет, оставив от меня лишь мокрую кровавую лужу! Размозжит кости, рас-

плющит мышцы и внутренние органы. Пячусь, проклиная бесполезную, неуклюжую ногу. Шаг, ещё шаг, однако, шар продолжает движение, грохочет, с каждой секундой сокращая расстояние.

Нога цепляется за какую-то ветку, и я падаю на пятую точку. Всё, это конец. Пока поднимусь, пока отойду, глыба успеет проехать по мне.

– Прекрати! – визжу я, понимая, что сейчас постыдно, прямо на глазах у этого белобрысого мерзавца, опорожню мочевой пузырь.

А глыба уже рядом, закрывает свет, нависает надо мной. Чувствую холодное прикосновение камня к своей коже. Ложусь на траву и ползу, ломая ногти, обдирая колени, пачкая одежду. Шар же, не отстаёт, преследуя меня. Это не со мной! Это не я – Илона Жидкова, ползу по траве, вгрызаясь ногтями в сухую землю и вырывая с корнем травинки. Не за мной катится уродливая каменюка. Такое не происходит с правильными, тихими, домашними серыми мышками. Пожалуйста, пусть это будет сном! Я больше не могу!

– Думай, включай мозги! Останови её, разрушь! – слышу холодный голос, но уже даже не понимаю смысла произнесённых слов, настолько мне страшно.

Падаю без сил, глыба останавливается рядом и вдруг исчезает, словно её и не было.

– Вставай! – произносит Молибден, стремительно подходит, рывком поднимает меня с земли.

Его лицо непроницаемо, в глазах сталь, в голосе стужа. Кажется, что по венам этого человека течёт ледяная вода. Да и человека ли? Он – сама магия, неукротимая, разрушительная энергия, сдерживаемая лишь железной волей, сила, заключённая в хрупкий сосуд человеческого организма.

– Рассчитываешь на маску дурочки и неумехи? – губы кривятся в брезгливой усмешке, крепкие пальцы впиваются в подбородок, заставляя смотреть в жёсткие, обжигающие холодом, глаза. – Не выйдет, Жидкова. Ты освоишь эту чёртову программу, чего бы мне это ни стоило. С завтрашнего дня в твоё расписание добавляются индивидуальные занятия по боевой магии и управлению магической энергией.

Твою мать! Он это серьёзно? Дополнительная порция кошмаров? Явно, Молибден желает моей смерти. Отчаяние наваливается на голову и плечи тяжёлым душным покрывалом. Не легче ли бросится в море со скалы, чтобы разом покончить со всем этим безумием?

– Надеешься вернуться домой? Даже не мечтай об этом. Да и кому ты нужна там, на материке, хромоножка? Своей сестрице? Хочешь быть для неё балластом, чемоданом без ручки? И это, вместо того, чтобы чего-то добиться и стать кем-то выше, нежели тупой, ограниченной, вечно хнычущей тенью?

Его слова бьют хлётко, беспощадно, впиваются в душу острыми осколками, глубоко застревают в ней и причиняют боль.

– И запомни, я слежу за тобой, за каждым твоим шагом, даже если ты этого не замечаешь. Так что не вздумай даже помыслить о том, чтобы покончить с собой, посажу на цепь, как собаку.

Молибден уходит. Я же, ещё какое-т время стою, глядя в высокое, ярко-голубое небо, без всякой мысли, без всякой цели.

Глава 12

Не знаю, сколько времени я так сижу, на камнях, в тени огромной скалы. Море, ласковым псом лижет прибрежную гальку и мои голые ступни. Пенный шелест, тёплое прикосновение воды, ветерок, сдувающий с щёк слёзы, успокаивают. Стараюсь ни о чём не думать. Небо чудесным образом меняет свой цвет, пронзительная лазурь бледнеет до светло-голубого, затем, небосвод становится сиреневым, с прожилками красного и рыжего. На горизонте полыхает закат, дробится в воде облепиховой гроздью, окутывая верхушки скал розоватой дымкой, окрашивая белоснежные крылья встревоженных чаек. Я твёрдо решила не ходить на пары, и целый день проваляла дурака, не появляясь в учебном корпусе. Не хочу встречаться ни со своей группой, ни с преподавателями, ни со студентами старших курсов, а уж тем более с Молибденом. Искать свободное место в аудитории под всеобщий смех? Бегать по столовой с полным подносом, ища где приземлиться? Нет уж, увольте! Никуда не пойду, пусть убивают или ведут, в такой страшный для всех, подвал. Главное, чтобы моя смерть была быстрой и безболезненной. Впихивать в себя информацию, которая мне не нужна и неинтересна, терпеть унижения, привязать себя к острову, быть готовой к выполнению задания, полученного от императора, навсегда быть разлучённой с сестрой, разве ж

это жизнь? Глубоко вдыхаю вкусный, насквозь пропитанный йодом, свежестью воды и ароматом нагретого за день камня воздух. Люблю море, отвратительно плаваю, боюсь глубины, но люблю, какой-то странной, иррациональной любовью. Оно кажется мне живым, мудрым, имеющим свой характер и настроение. То хулиганит, бросаясь галькой и сбивая, выходящих на берег купальщиков с ног, то гневается, рокоча и обрушиваясь всей мощью на всё, что находится рядом, тоннами воды, то, вот как сейчас, утешает, нежно глядя кожу, о чём-то шелестя.

Чужое присутствие ощущаю не сразу, вздрагиваю лишь в тот момент, когда слышу бархатный, чуть хрипловатый баритон, и тут же ругаю себя за потерю бдительности. Курица и есть! Так мне и шею свернуть смогут, а я не замечу. Он стоит за спиной. Я застываю, напрягаясь, не зная, чего ожидать.

– Ты пропустила занятия, – тихо, словно боясь напугать двух чаек, сидящих на выступе скалы, произносит Молибден.

Молчу. Да, пропустила, и дальше намереваюсь пропускать. Делайте со мной, что хотите. Хоть обкакайтесь все! Больше не стану служить бесплатным клоуном и грушей для битья.

– И на обед не пошла, – в голосе куратора звучит нечто новое, тёплое, золотистое. Сожаление? Участие?

Чёрт! Да что я опять выдумываю, дура наивная! Ничего такого в его голосе не звучит. Просто мои уши слышат то, что

хотят слышать. Это не твой Данила- Крокодила, не тот солнечный, смешливый парень, плюющий на законы, запреты и наказания, готовый дать в зубы любому, кто хоть пальцем меня тронет, благодаря которому, я – маленькая, худенькая с обезображенной, почти бесполезной ногой, выжила в жестоких условиях детского дома. Тот парень меня бы пожалел, обнял за плечи и сказал:

– Не хнычь, Мелкая, я рядом!

– Зря не пошла, – вздыхает Данила, бросая камешек в залитую всполохами заходящего солнца, воду. – Сегодня подавали безумно вкусные котлеты. Помнишь, в детском доме по праздникам тётя Люба готовила? Вот прямо такие же.

Молчу, а в уголках глаз набухают слёзы, в груди разгорается огонёк ностальгии. Да, в детском доме было не легко, но и хорошее там тоже происходило, например, праздники. Осенний карнавал, когда пол спортивного зала устлали палыми листьями, зажигали разноцветные фонарики, а столы ломились от, собранных в детдомовском огороде, овощей и фруктов. И чего там только не было, и яблоки, и квашеная капуста, и малосольные огурчики, и всевозможные салаты из моркови, свёклы и редьки. А новогоднего праздника весь детский дом, от малышей до старшеклассников ждал с нетерпением, подарки, вкусный ужин, театральная постановка, которую начинали готовить уже с октября. Мне же был всего милее праздник Весны и женщин. Цветы из бумаги, концерт, подарки лишь для девочек, чай с вкуснейшим тор-

том и конфетами, а ещё, полное освобождение от дежурств и прочих неприятных обязанностей по хозяйству. Ведь в этот прекрасный день всю работу поручали мальчишкам.

– А ещё, на Корхебели растут холодные ягоды. По вкусу напоминают мятную жвачку, – Молибден продолжает говорить, под его подошвами шуршит галька. Он подходит ближе, садится рядом со мной. Боковым зрением вижу его профиль, льняные пряди, развеваемые ветром, свободную белую рубашку. Чувствую тепло горячего тела, мощь и силу, исходящую от него, прохладный запах утреннего моря. С трудом сдерживаюсь, чтобы не дотронуться до загорелой крепкой руки. И что за дурацкое желание?

– Сегодня у нас с тобой должно было быть индивидуальное занятие, почему ты не пришла? Я ждал.

Что он со мной делает? Нет, мне не кажется, в голосе Молибдена солнце, тёплые ласковые волны, нежность весенней листвы, доброта июльского дождя. Как раньше, как много лет назад. И я готова раствориться в этом голосе, погрузиться в него, нежится в каждой его ноте.

– А какой в этом смысл? – невесело усмехаюсь, стараясь отодвинуть, внезапно нахлынувшие, непонятные ощущения, на задний план. – У меня ничего не получится. Я серое туповатое существо. Которое мыслит штампами и шаблонами. Меня либо забьют на «Боевой магии», либо – поджарят или заморозят на «Созидательной». Разорвут одежду в раздевалке, накормят червями в столовой. Назови мне хоть одну при-

чину, желать остаться здесь.

– Например, я – твой наставник, и человек, знающий тебя с самого детства. Разве этого мало? И стоит только мне сказать слово, твои однокурсники будут тебе пятки лизать, и в ладоши хлопать.

Свет его улыбки заставляет сердце сделать кульбит. Задерживаю дыхание, глядя на то, как его ладонь тянется к моей, медленно, осторожно, словно спрашивая разрешения.

– Не надо, – невесело ухмыляюсь, живо представив Милану и Валерию с высунутыми языками. – Обойдусь как-нибудь. Ты ведь знаешь, я никогда не искала ни чьей дружбы, не напрашивалась в компании. Не достают, и ладно.

Наши пальцы сплетаются. Его горячие, мои прохладные. Застываю, наслаждаясь моментом. Никаких планов! Никаких иллюзий! Всего лишь коротенькая передышка, кусочек из прошлой, той, далёкой-далёкой детдомовской жизни.

– Знаю, Мелкая. Тебе вполне хватало меня и сестры.

– Дай мне уйти, Данилка. Отправь меня домой.

Отчего-то, мне хочется назвать его именно так, как раньше, в нашем с ним отрочестве, весёлым, задорным именем.

– И что там, дома? – спрашивает он, а в голосе грустная насмешка. Правильно, на большой земле никто его не ждёт. Это здесь Данила Молибден – куратор, строгий преподаватель, сильный маг. А там кто? Сирота, бродяга, мошенник и вор. Вот только у нас с ним разные пути и разные цели. И меня, в отличии от него, на материке ждут.

– Свобода, – выпаливаю быстрее, чем успеваю подумать. – Там не нужно будет бояться штрафов, наказаний, магии, которая легко может свести тебя в могилу.

– Свобода? – Молибден поднимает брови, наигранно удивляясь. – Я думал, Мелкая, ты умнее. О какой свободе ты толкуешь? Страх перед увольнением? Жёсткая экономия на всём, в том числе и на основных продуктах питания? Самодурство начальников и чиновников? Оплёванные подъезды и переполненные трамваи? Нищий свободным быть не может, нигде! Свобода – для богачей. А здесь, Мелкая, тепло, светло, сытно, и мухи не кусают. Прекрасный вариант для таких отбросов, как мы. Тебе, дурочке, выпал счастливый билет, стать кем-то, подняться над всей этой серостью и гнилью, что тебя окружала. Это перспективы, шанс увидеть что-то ещё, кроме своего затхлого, воняющего плесенью, прогорклыми шами и дешёвым пойлом мирка.

–Что-то ещё? Это после того, как нас привяжут к острову? Ты шутишь?

– На изучение мира времени у мага предостаточно.

– А если я не сдам экзамены? Ты, как здесь у вас принято просто скажешь:» Значит, тебе не повезло»?

– Всё в твоих руках. Просто прекрати играть роль жертвы, бедной хромой девочки с низкими магическими способностями. Не иди против системы. Не отвергай свой дар, не гони его, не считай виновником всех твоих бед. Дай ему раскрыться. А, чтобы сделать это, услышь его в себе, полюби

его, отнесись с благодарностью.

Небо стремительно темнеет. Почему-то ночь опускается на остров гораздо быстрее, чем на материк. От, пылающего всевозможными красками закатного огня, почти ничего не остаётся, лишь на горизонте рыжеет тонкая полоска. Ветер усиливается, и море, до сей поры, ласковое и тихое, начинает сердиться. С жадностью хватает гальку с берега, уносит, чтобы потом, швырнуть обратно, нервно и пренебрежительно. Шипит, оставляя на камнях кружево пушистой, розовой, в догорающем закате, пены.

– С благодарностью? Ты о чём? Я лишилась всего, что у меня было. И да, тебе это покажется смешным, но меня вполне устраивал мой затхлый мирок, рядом с сестрой. Она- мой единственный родной человек.

Молибден садится ближе, его запах становится явственнее. Профиль, в темноте сгущающихся сумерек, кажется ещё более строгим, более волевым, более мужественным. Нет, это не тот мальчишка, защищавший меня и угощавший конфетами. Это- красивый, сильный мужчина, у которого, скорее всего, толпы поклонниц и воздыхательниц. Да и с чего я взяла, что преподаватель Молибден обходится лишь поклонницами? У него, наверняка есть и жена, и любовница. Тьфу! Да какое мне дело до того, кто греет ему постель? И какая только глупость в голову не лезет? Моя задача – выбраться с острова, а бороться за сердце и другие части тела преподавателя «Магического воздействия на живые объекты» я уж

точно не собираюсь.

– Насколько я помню Полину, она не пропадёт. Можешь не беспокоиться о ней.

– Пропадёт. Уже почти пропала, – рассеяно говорю я, глядя на, трепещущую рыбину в клюве чайки. – Связалась с каким-то придурком, бросила учёбу. Я нужна ей, Данила. Но, вместо того, чтобы спасти сестру, мне приходится тратить драгоценное время здесь.

– Знаешь, чем отличается настоящая любовь от желания обладать? – вопрос Данилы кажется неожиданным, и я не знаю, что на него ответить. Однако, куратор ответа не ждёт.

– Когда человек искренне любит, он старается дать объекту своей любви то, что ему нужно. Пошутить, если ему грустно, посочувствовать, если ему это необходимо, уйти с пути, если он нуждается в свободе от тебя. Дай Полине жить своей жизнью и начинай строить свою.

– Здесь? – усмешка получается горькой, желчной, даже самой становится противно от этой желчи.

– Да, Мелкая, именно здесь.

Молибден рывком притягивает меня к себе, вдавливая в широкую, горячую грудь, и я слышу, как мерно, гулко бьётся его сердце. Кольцо рук с каждой секундой становится всё крепче, всё твёрже. Задерживаю дыхание, не зная, как реагировать, как не спугнуть это ощущение единения между нами. Млею, нежусь в каменных объятиях, молясь всем богам, чтобы время остановилось, позволило застыть в этом мгно-

вении.

Какой же он сильный, какой мужественный. Притягательный, таинственный и властный. И как же хочется эту власть принять, подчиниться. Он опасен, как дикий зверь, по его венам бежит магия, способная разрушить, уничтожить, превратить в пыль...

Последняя мысль отрезвляет, окатывает ушатом ледяной воды.

Да что это со мной? Совсем с ума сошла? Мы по разные стороны баррикад, и наша детская дружба- всего лишь прошлое, туманное и далёкое. Он монстр, беспощадный, циничный, бездушный. Монстр, без всякого сожаления, превративший молодую девушку в старуху, а парня, осмелившегося ему нагрубить – в кровавые ошметки. Монстр, притащивший нас на этот проклятый остров, принуждающий учиться. Монстр, едва не раздавивший меня огромной глыбой.

Вырываюсь из такого сладкого плена мужских рук, отскакиваю подальше.

– Не надо, – шепчу, и мой шёпот сливается с шипением накатившей на берег волны. – Мне неприятно, Молибден. Как вспомню, что ты сделал с тем парнем в самолёте, дурно становится. Не прикасайся ко мне.

Вглядываюсь в такое знакомое, но в то же время такое чужое лицо. Что я пытаюсь прочесть в серых глазах? Сожаление? Разочарование? Обиду? Раскаяние? Глупая! Лицо Молибдена непроницаемо, спокойно. Ну, не желает девочка ав-

томата на зачёте, не хочет развлечь строгого преподавателя, да и чёрт с ней! Сколько таких девиц в академии, ласковых, свободных, лишённых каких-либо принципов. Молчание затягивается, становясь неприличным. Надо уходить. Вот только, чего я жду? Ещё одного прикосновения?

– Мне здесь не место, – говорю, чтобы хоть чем-то заполнить воцарившееся неловкое молчание. – Ничего не получится.

– Давай попробуем, – бархат голоса ласкает, ластится мохнатым, рыжим зверем. – Протяни руку в мою сторону, закрой глаза и постарайся ни о чём не думать. Слушай море и свои ощущения.

Как замороженная тянусь, ощущая мягкое тепло, а перед внутренним взором вспыхивают золотисто-янтарные искры. И мне приятно, марево манит меня, не даёт отдёрнуть руку. Хотя, зачем это делать? Напротив, хочется почувствовать его на себе, ощутить каждой клеткой своей кожи.

– Это моя аура. У магов она яркая и сильная, а остров делает её ещё сильнее, – откуда-то издалека доносится голос преподавателя. – Чтобы ощутить энергетическое поле человека, увидеть его и на него воздействовать, необходимо настроиться на него, на его волну. Не каждое прикосновение к чужой ауре будет приятно, не каждая подстройка безболезненна. Но, если ты выберешь путь целителя, убийцы, странника или говорящего, эти умения будут тебе необходимы, как воздух.

Боже! Как же он близко! Безумно, невероятно, умопомрачительно близко и в то же время, так далеко, на расстоянии вытянутой руки. Прикоснуться бы, нырнуть бы в это золотистое сияние, раствориться в нём, превратиться в одну из его молекул. В груди сладко и болезненно сжимается, в животе нестерпимо и постыдно тянет.

Голос Молибдена повелительно требует, чтобы я убрала руку, и очарование рушится, наваждение крошится, как разбитая глиняная статуэтка. Оглядываюсь по сторонам, натыкаюсь на спокойный, слегка насмешливый взгляд преподавателя.

– Ну вот, всё у тебя получилось, – говорит он, едва касаясь моей щеки кончиками пальцев. И меня, от этого прикосновения словно окатывает горячей волной, запуская по венам тысячи крохотных огненных искорок.

– Не смей, Илона! Не смей! – вопит благоразумие. – Это всего лишь проклятая магия! Они нас ломают, переделывают! Ты потеряешь себя, глупая!

– На следующем занятии попробуем освоить воздействие на ауру. Прорвёмся, Мелкая!

Молибден встаёт и уходит, а я не хочу, чтобы он уходил. Хочу задержать, попросить, чтобы остался. В голове роятся сотни вопросов: «Как он стал преподавателем? Легко ли ему было учиться? Побывал ли он на большой земле за все эти годы?» Но я смотрю ему в след, на белую рубашку, хвост на затылке и полоску загорелой массивной шеи, выглядываю-

щей из-под воротника.

– А у Молибдена есть кто-нибудь? – спрашиваю я Олесю. День рождения какой-то старшекурсницы Аришки или Маришки, на который меня она затащила, в самом разгаре. В бокалах плещется вино, изготовленное по хитрым магическим рецептам, на столе благоухают местные фрукты, шкварчат на сковороде золотистые кусочки мяса посыпанные колечками лука, пестреют бутерброды.

Обычная студенческая вечеринка, какие устраиваются в любой общаге, любого учебного заведения. Никаких магических трюков, никаких фокусов. Устали студенты от чудес.

Заливаются смехом девицы, парни курят, и по кухне стелется горьковатый дым, бородатый мужик в футболке неопределённого цвета, что-то подбирает на старенькой, видавшей виды, гитаре. В распахнутое окно, смотрит жёлтое око луны. Ночь дышит сладостью магнолий и солью морского бриза.

Тяну из бокала душистую, с лёгкой, чуть уловимой горчинкой, бордовую жидкость, в теле и голове легчает, краски становятся ярче, на душе светлее.

– Подсела уже? – смеётся раскрасневшаяся Олеся, опрокидывая в себя уже шестую или седьмую порцию пойла местного производства. – Обычно такое происходит на четвёртом

или пятом занятии с ним.

– Ну, так есть или нет? – спрашиваю, и сама удивляюсь тому, что мне это кажется важным. Ведь не собираюсь же я бороться за Молибдена? Или собираюсь? Хотя, чёрт возьми, какой из меня боец?

Олеська смеётся, запрокинув голову, стуча свободной от бокала ладонью по заляпанной столешнице.

– Есть, конечно! – выдавливает она сквозь смех. – Такой красавец быть один точно не может. Молибден с Натабеллой. Весьма гармоничная пара. Но ты не переживай особо. У тебя к Молибдену не в серьёз. Всего лишь магия, будь она неладна. Все первокурсники проходят через это, даже парни. Ты прикинь!

– Парни? – пьяно хихикаю, краем сознания понимая, что мне уже хватит.

Перебор гитарных струн становится громче. Несколько девиц затягивают жалостливый романс. Какая-то парочка начинает кружиться в танце, натыкаясь то на углы стола, то на других студентов.

– Ну да! Знаешь, как Русланчик пересрался, когда влюбился в Молибдена. Уж очень за свою сексуальную ориентацию переживал. Просто у Молибдена очень сильная аура, как у любого мага. А тут ещё и касаешься её, работаешь с ней. И она начинает притягивать тебя. И вот, ты восхищаешься этой силой, хочешь присвоить себе.

Пьяно хохочу, а в задурманенном сознании трепещет сла-

бый, неуверенный, но такой яркий огонёк мысли о том, что с Русланчиком да и другими студентами он вряд ли обнимался. Почему-то эта дурацкая мысль греет, бежит колючими мурашками по венам, приятно щекочет сердце, и я готова обнять целый мир.

– Обо мне сплетничаете?

Чернявый лопоухий парень, обнимает нас с Олесей за плечи, отдавая стойким винным духом. Рубашка расстёгнута, грудь и тощий живот покрыты густым тёмным волосом, сквозь тонкую кожу отчётливо видны рёбра, хоть анатомию скелета грудной клетки изучай.

– Ага! – весело соглашается Олеся. – Рассказываю первокурснице, как ты в Молибдена влюбился.

Ожидаю, что парень обидится и уйдёт, но тот начинает ржать, долго, с наслаждением, искренно, вызывая желание улыбнуться в ответ.

– Было такое, – отсмеявшись соглашается старшекурсник. – А у тебя уже был урок с нашим великим и прекрасным?

Весело, как-то по-дурацки, киваю, не понимая, да и не желая понимать, что именно так меня развеселило, история Русланчика, всеобщее настроение или сам факт того, что мы сейчас говорим о Молибдене.

– Ты пойми, – вгрызаясь в кусок мяса, мычит парень. – Каждый из преподавов обязан вызывать у студента некие эмоции. Умению воздействовать на эмоциональный фон учат

на пятом курсе. Милевская вызывает стыд и ощущение собственного несовершенства, Зима- восхищение, а Молибден – влюблённость. Здесь под контролем даже наши собственные чувства. Ну, так выпьем за боевое крещение!

Чокаюсь с ребятами, пью. А потом вновь пью, за знакомство, за начало учебного года, за любовь, за мир во всём мире.

С первыми звуками арфы мы расползаемся по комнатам. Я порываюсь прибраться на кухне, ведь это так неприлично оставлять грязь. Но Олеся уводит меня, объясняя, что мупы сами всё уберут, и я успокаиваюсь.

Глава 13

Магия это или не магия, со всеми такое происходит или не со всеми, однако, я всё чаще ловлю себя на том, что жду наших с Молибденом занятий. Тороплю время, вглядываясь в расписание, тщательно крашусь и расчёсываюсь, прежде чем отправиться на встречу с бывшим товарищем. На кануне очередного урока, перед сном, ворочаюсь, представляя, как Данила дотронется до меня, как проведёт шершавыми кончиками пальцев по внутренней стороне предплечья, как легонько коснётся волос. Не давая себе, даже в фантазиях, зайти слишком далеко, я прокручиваю один и тот же, придуманный диалог, одно и то же прикосновение по сотни раз, а потом, измучив себя окончательно, чтобы унять тянущую боль внизу живота и колотящееся сердце, заставляю себя думать о сестре, со стыдом понимая, что думать о ней не слишком- то хочется. Весь день, до начала заветного урока меня потряхивает от радостного волнения, и весь мир кажется ярким, светлым, волшебным. Игнорирование сокурсников и презрительные взгляды некоторых студентов старших курсов больше меня не волнуют. Они по-прежнему шепчутся за моей спиной, стараются отсесть подальше, в столовой или аудитории, посмеиваются, если я спотыкаюсь или, хромя, направляюсь к доске, но моя душа, моё сознание остаются чистыми от грязи обид и злости. Мне всё это неважно. Важ-

ны лишь занятия с Молибденом, его глаза цвета грозового неба, горячие ладони, мимолётно, еле уловимо касающиеся меня и тёплое, мягкое золото его ауры, в которую так хочется вернуться, стать одной из её мерцающих искр. После случая на пляже, Данила больше меня не обнимает, даже попыток не делает, стараясь прикасаться ко мне, как можно реже. И я постоянно, каждую минуту, жалею об этом.

– Дура ты, Илона, – ругаю я себя, восхищённо глядя взглядом крепкую, мускулистую спину преподавателя, загорелые руки, покрытые пушком льняных волосков, покачиваясь в волнах бархатного голоса. – Какого хрена тебе понадобилось отталкивать его? Кому нужны твои принципы, которые ты и сама готова предать, уже предала? Кто тебе этот гопник? Кто эта Регина, с таким остервенением избившая тебя в душевой? А у Молибдена, наверняка, и в мыслях ничего дурного не было. Он просто хотел пожалеть бедную, страшенькую, хромую девчонку, как-когда-то в детстве. И я жду. Напряжённо, затаив дыхание, ловя каждое слово жду, повторение того его порыва. Однако, преподаватель Молибден вежлив, доброжелателен, мягок, но отстранён. И я собираю, коллекционирую его похвалы, его улыбки, адресованные только мне, его касания моей руки во время урока. Складываю всё это в шкатулку своих сокровищ, чтобы потом, ночами разглядывать их так и эдак и мечтать, мечтать, мечтать. Мне нравится в нём всё, его походка, его улыбка, его крепкие руки, предмет, который он ведёт. Волшебным образом я начи-

наю успевать и по другим предметам, кроме, разумеется боевой магии. Мне по-прежнему не удаётся выстроить щит. Иглы, сверкающие молнии, песок и тучи омерзительных насекомых – всё это пугает меня, заставляет сжиматься в комок и дрожать, хотя вся группа уже легко может не только защитить себя от нападков Милевской, но и контратаковать. А вот физкультура больше не пугает. После обязательного ритуала построения, Милевская швыряет мне пояс для плавания и отправляет к пляжу. И пока мои однокурсники с высунутым языком совершают марш броски с препятствиями, я с наслаждением барахтаюсь в волнах утреннего, остро и свежо пахнущего моря. Спешу на пары, с удовольствием выполняю задания, и каждую свою маленькую победу мысленно посвящая ему – Даниле Дмитриевичу Молибдену. Чёрт! Да у меня больше язык не повернётся назвать его Крокодилом или Данькой.

Урок созидательной магии. Да, по сравнению с той же Анной или Светланой, я полный ноль. Но всё же, кое-что у меня получается. Нужно лишь вплести в изделие часть собственной магической энергии, чутко прислушиваясь к своему самочувствию. Головокружение, кровотечение из носа, учащение пульса или жажда – прямое свидетельство того, что маг потратил слишком много ресурса. Сегодня мы создаём вещи, помогающие в быту.

– Итак, – Зима пробегает взглядом по лицам студентов, уголки губ чуть приподняты, в глазах лукавый прищур. – Кто

ответит мне, чем магически-изготовленные предметы отличаются от магически-улучшенных предметов?

– Изготовленные предметы создаются самими магами. У них маленький энергетический запас, и служат такие предметы недолго, – тараторит Регина, периодически прочищая горло. Всё же, старческие голосовые связки с молодой прытью девочки-отличницы не справляются. – А предметы улучшенные, это обычные предметы, заряженные магией. И они могут служить десятилетиями.

Так вышло, что на всех уроках я сижу рядом с Анатолием. Он- единственный, кто спокойно относится к моему соседству.

– Приведите примеры магически изготовленных предметов и магически улучшенных предметов.

Зима машет в сторону Регины, предлагая ей сесть на место, однако та не унимается, уж слишком ей хочется блеснуть знаниями.

– Примером изготовленной вещи может быть ковёр-самолёт или матрас-облако, как в целительской. А пример улучшенной вещи – самолёт- беспилотные или кастрюля-самоварка, или пылесос.

За окнами покачиваются широкие пальмовые ветки, слышно, как с призывной игривостью плещется море. Жарко. Сегодня, наверное, самый знойный день за всё время моего пребывания на острове. Как же хочется сбросить с себя одежду, встать босыми ногами на горячую гальку, вдох-

нуть горьковато-солёный воздух и с разбега ухнуть в мягкие, гладкие, как шёлк, морские волны, ласковые, тихие, ярко-голубые. Но нет, лекция тянется, тянется, как липкая сосновая смола. И встреча с морем мне предстоит лишь вечером. Да и не только с морем, но ещё и с ним. От одной лишь мысли о Молибдене в сердце что-то ёкает, сжимается, а кожу обдаёт кипятком. Я так погружаюсь в собственные мечты и ощущения, что по началу не чувствую, как в бок толкает чья-то рука. И лишь когда тычок становится сильнее, оборачиваюсь в сторону красного и мокрого от жары соседа.

– Пора валить отсюда, – шепчет Анатолий. От бывшего чиновника стойко пахнет потом, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не поморщится, не в коем случае не выказать своего отвращения. Наверняка, мужчина и сам понимает, что пахнет отнюдь не розами.

– Вы со мной говорите? – искренне удивляюсь, так как привыкла и смирилась к полному игнорированию. В конце концов у меня была Олеся, Руслан, ну и, разумеется, Молибден.

– Я человек статусный, девочка, – губы растягиваются в резиновой улыбке, однако глаза остаются цепкими и серьёзными. – И выше всех этих студенческих игрушек. Всему своё время. Вот, посмотри на Лидию.

Анатолий указывает взглядом на седую голову пожилой женщины, склонённую над тетрадкой, на острые лопатки, обтянутые тканью формы академии.

– Смешно и глупо. Ей бы внуков нянчить, а она что делает? Пишет конспекты, руку тянет, бегают, как старая собачонка за стайкой молодых девиц, возглавляемых Миланой. Смотреть противно!

Согласно киваю. Да, как не крути, а чиновник прав, для каждого дела своё время. Детский сад – дошколятам, школа-школьникам, а институт – студентам, молодым, горячим, свободным как в суждениях, так и в бытовых вопросах.

– А я думала, вам так же, как и всем понравилось учиться, – протягиваю я, всматриваясь в одутловатое, не выражающее никаких эмоций, кроме усталости и желания сполоснуться, лицо однокурсника.

– Знаешь, – Анатолий жуёт нижней губу, затем протирает взмокшую шею и лоб платком. – Чтобы жернова системы тебя не перемололи, необходимо быть для неё незаметным, делать так, как делают другие, но при этом не терять себя. Да, чтобы добиться того, чего я добился, мне пришлось и через людей переступить, и задницы лизать. Но, кто-то лижет и входит во вкус, а кто-то лижет, а потом моет язык с мылом. Главное, знать, ради какой цели ты это делаешь и быть уверенным, что эта цель стоит того.

Голос преподавательницы становится на октаву выше и громче, а взгляд холодных глаз впивается мне в лоб. Мы мешаем вести урок своим шёпотом, и сейчас нас или выгонят, или оштрафуют.

– Сегодня, мы попробуем создать предмет, помогающий

в быту. Хочу вас предупредить сразу, ваши изделия долго не проживут, всего несколько минут, ведь долговечность изделия напрямую зависит от силы магической энергии, а она у вас пока не столь сильна.

Возня. Каждый достаёт свой инструмент. Я тоже кладу перед собой лист бумаги и карандаши. Ну и что можно создать с помощью этого. Хорошо Лидии, она легко свяжет какую-нибудь салфеточку, и всё, задание выполнено. А чем в быту может помочь рисунок?

– Мне всё это не нужно, – шепчет чиновник. – У меня на большой Земле осталась работа, дом, семья. Нужно уходить, пока мы окончательно не застряли здесь.

Понимаю, что он прав, что наша жизнь- на материке, но глупая душа отчего-то начинает ныть. Она уже стала срастаться и с этим местом, и с Молибденом. В ней, с каждой секундой пребывания на острове, всё ярче, всё увереннее пробивается росток надежды. Надежды на наше с Данилой будущее. И пусть не скоро, не сегодня и не завтра, но душа готова подождать, ведь пока ей есть чем заняться – рассматривать и перебирать сокровища шкатулки.

– Почему вы говорите об этом со мной? Вы ведь понимаете, что я- далеко не бегун.

Действительно, почему? В нашей группе пятнадцать человек, но побег он предлагает тому, кто и бегать-то не может.

– Во- первых – вы кажетесь мне гораздо разумнее остальных, и так же страдаете от нахождения здесь. А, во- вторых

– умение быстро переставлять ноги нам не понадобится.

Эх! Знал бы он, насколько я не разумна. Настолько, что, как раз, перестала испытывать страдания по поводу нахождения на острове. Напротив, я уже привыкла засыпать под звуки арфы и стрёкот цикад, просыпаться от щебета птиц, вдыхать сладость магнолий, горечь кипарисов и солёный аромат моря, ловить открытыми частями тела поцелуи южного солнца и томиться в тягучем, сладостном предвкушении встречи, ждать, мечтать, считать минуты. Отказаться? Предложить чиновнику подыскать себе другого партнёра?

– Ничего не получится, – с уверенностью произношу я. – У нас нет самолёта, а на своих двоих нам вряд ли удастся уйти с острова.

Приходится резко понизить голос и придвинуться к Анатолию ещё ближе, так-как вокруг уже шикают и бросают недовольные взгляды, намекая на то, что мы мешаем им работать. Да уж, чем качественнее отлажена система, тем быстрее и охотнее винтики принимают навязанную им роль. Анатолий обнимает меня за талию, целует в щёку. Однокурсники удивлённо, и даже с каким-то брезгливым любопытством переглядываются между собой, пожимают плечами, шепчутся. Ещё бы! Мы сейчас выгядим, как пылкая, нетерпеливая влюблённая парочка. Ага! Хромоножка и потный толстяк, то ещё зрелище! Всё, теперь по академии поползут слухи. Плевать!

Эх, бедняга Анатолий! Как же от него несёт. Точно! Со-

здам картину, освежающую воздух. Что же нарисовать? Розу? Букет ландышей? Нет, необходимо нечто лёгкое, нежное, бодрящее. Нарисую большой зелёный лист и прозрачную жемчужину росы, дрожащую на этом листе. Рисунок выходит неплохим, но это пока всего лишь изображение на бумаге. Кладу руки на свою работу, дышу глубоко и медленно. Вдох- выдох, вдох-выдох. Пальцы слегка покалывает, а из точек, расположенных в самом центре ладоней струятся потоки энергии. Вплетаются в рисунок, и я ощущаю лёгкое головокружение, а ещё, едва уловимый запах свежей листвы и воды.

Зима подходит к каждому, разглядывает изделия. И, о чудо!

Моя персона удостоивается похвалы. Чёрт! Я, оказывается, не так уж и безнадёжна!

Звенит звонок. Группа спешно покидает аудиторию. Мы, под обстрелом многочисленных взглядов, спускаемся по лестнице, в просторный холл, проходим мимо огромной, до самого потолка статуи первооткрывателя острова, выходим на улицу. В кипарисовой рощице прохладно, тихо и безопасно. Не шумят предатели- фонтаны, способные передать информацию преподавателям, не шныряют любопытные студенты.

– Я попрошу у коменданта общежития улучшенную лодку и улучшенный спиннинг, якобы, для вечерней рыбалки и клубок- проводник, который доведёт нас до моря на другой

стороне, через джунгли.

– И вы думаете, лодка сможет вывезти нас? Ведь здесь, наверняка, установлены барьеры. Не думаю, что такой стратегически важный объект, как магическая академия оставили без охраны.

– Вот мы и проверим, – чиновник усмехается, и эта его усмешка кажется мне недоброй. – Если нас поймают, можно будет легко отбрехаться, что хотели порыбачить, но лодка взбрыкнула и уволокла нас чёрте куда. Откладывая продукты, изучай карту острова. Выдвинемся на следующий день после праздника «Всех студентов». Повеселимся, поедим, покружимся в танце, пусть думают, что мы влюблённая парочка, так меньше вызовем подозрений. Если исчезнем, народ станет думать, что мы где-то уединились. Пойдём через джунгли. А в открытом море, любое, проплывающее судно поможет нам. Жаль, нет ружья, однако, ножом я управляться умею. Будь готова!

Последняя его фраза звучит жёстко и сухо. Именно так, наверняка, Анатолий разговаривает со своими подчинёнными. Даёт распоряжения и требует их выполнения.

Чиновник медленно поднимается с лавочки, берёт за ремень свою сумку с тетрадами и ручками и уходит. Я недоверчиво смотрю ему в след. И как, интересно, он собирается продираться сквозь джунгли с такой комплекцией. А моя нога? Мы же и пяти километров не пройдем, устанем и свалимся под каким-нибудь папоротником. И это я ещё мест-

ную фауну в расчёт не беру. Выходить в джунгли, кишасщие хищниками и змеями – сущее безумие. Надо бы об этом сказать дядьке, а то ведь потащится к каким-нибудь тиграм или леопардам прямо в пасть.

Удовлетворённая тем, что причина остаться на острове всё же нашлась, я, с лёгким сердцем, покидаю рощицу. Скоро обед.

Наши занятия проходят всегда на пляже и всегда на закате.

– У каждого мага есть своё место силы и время силы, – объясняет Молибден. – По тому, программой обучения предусмотрены индивидуальные занятия. Стасу необходимо утреннее море, а Светлане – уснувший в полдень лес или роща. Твоё же место силы – море, а время силы – закат.

Восхищённо слушаю, заставляя себя не думать о Светлане, Милане и прочих девицах, с которыми он работает так же, как и со мной, один на один. Отдаю себе отчёт, что не имею права ревновать, однако, неприятное чувство царапает по сердцу кривым ногтем, оставляя не смертельные, но противно-саднящие борозды.

Перед началом занятия, мы входим в море, стоим, запрокинув головы в рыжеющее небо, подняв вверх раскрытые ладони. В центре ладони есть точка, обладающая высоким

энергетическим излучением. Именно с помощью этой точки, маг чувствует ауру, но и силу берёт тоже через неё. Молчим, слушаем плеск волн, ловим энергию заходящего солнца, затем погружаемся в воду.

– Почувствуй мощь водной стихии, ощути расслабление, которое она даёт. Отпусти мысли, дай наполнить себя гармонией, спокойствием, почувствуй, как уходит напряжение прошедшего дня, – эти слова Молибден говорит всегда, и мне это не надоедает. Напротив, я растворяюсь в мягкости его баритона, позволяя волнам ласкать своё тело. Убаюкивающий тембр мужского голоса и лёгкое поглаживание морских волн, медь, разливающегося по небу заката, и золотое сияние ауры учителя. И мне кажется, что в эти минуты мы близки, как никогда. Мой персональный рай, мой наркотик.

Затем мы выходим на берег, и Молибден даёт теоретический материал. Сегодня, он рассказывает о цветах ауры.

– Преобладание красного цвета в ауре, свидетельствует о физической силе и живучести её обладателя. Недостаток красных всполохов, говорит о снижении иммунитета, усталости и слабости. Преобладание оранжевого указывает на эмоциональность и чувственность человека. Жёлтый – на чувство собственного достоинства, интеллект, властность. Зелёный цвет – гармония, любовь и преданность, голубой – вдохновение, высокий творческий потенциал, синий – сильная интуиция, а фиолетовый – указывает на высокую духовность человека.

– А какого цвета моя аура? – спрашиваю чуть слышно, отчего-то, в, розовато-рыжем свете заката, не хочется говорить громко, не хочется нарушать ту гармонию, воцарившуюся в природе перед наступлением тьмы.

И Молибден меня понимает, отвечает так же тихо:

– Зелёная с голубыми искрами. Очень красиво, тебе бы понравилось. Но, к сожалению, мы свою ауру увидеть не можем, только чужую. Потому, целители способны вылечить всех, кроме себя. Чтобы вылечить, убить, прочесть память, в общем, оказать любое магическое воздействие на объект, мы должны прорваться сквозь защиту ауры. И если процесс исцеления не вызывает особых сложностей, так, как мы видим прорехи, проникаем сквозь них и работаем, а потом эти самые прорехи в ауре латаем, то убийство или чтение памяти, связаны с преодолением определённых препятствий. Сегодня, ты попробуешь войти в мою память и просмотреть несколько моментов из моего прошлого.

– Да чего я там не видела? – смеюсь, а в области сердца лопается ментоловый шарик, впрыскивая в вены бодрящую прохладу. Его воспоминания! Кусочек его жизни! Для меня! И плевать, что вчера он то же самое мог показывать Милане, а сегодня днём – Светлане. Главное, что происходит здесь и сейчас. А здесь и сейчас мы вдвоём, на берегу, полыхающего закатным огнём моря, отгороженные от всех стеной скал, окутанные ароматом морской соли, нагретого за день камня и свежести вечернего бриза.

Беру в руки блокнот и карандаш, Рисую силуэт Молибдена, другой, свободной рукой тянусь к ауре учителя, тут же попадаю в мощный поток золотистого сияния.

– Чужая аура может оказаться слишком сильной, гораздо сильнее твоей, – всплывают в мыслях наставления учителя. – Она способна либо притянуть тебя, либо сжечь. Если сожжёт – твоё сознание сгорит, и ты сойдёшь с ума. Если притянет, ты попадёшь в полную зависимость от объекта и тоже сойдёшь с ума. Как только попала в энергетическое поле – начинай действовать, ищи брешь, или наиболее тонкое место, где ты сможешь её нарисовать.

Аура Молибдена ровная, целая, и, кажется, в ней нет ни прорех, ни истончений. А сила поля манит, ластится, обдаёт живительным, невероятно ласковым теплом, предлагая умиротворённо закрыть глаза, расслабиться и слиться с окружившим золотом.

Кажется, здесь, на уровне ключиц, поле чуть светлее, не такое яркое. Жаль портить красоту, нарушать гармонию, но я заставляю себя вывести на своём листе бумаги чёрную дыру. Так, защитный барьер преодолён. Рисую, уже более подробно и тщательно лицо Молибдена, голову, слишком аккуратные для мужчины, ушные раковины, светлые волосы, затянутые в хвост.

Новогодний бал. Все нарядные, весёлые. Звучит красивая медленная музыка, на полу, потолке и стенах зала дрожат отражения множество разноцветных огоньков гирлянды. В

центре зала наряженная ёлка, тут и там кружатся парочки. Он не пригласил её на танец, ни разу. Весь вечер кружилась с другими девчонками, с Ленкой- раскладушкой, Зойкой – недавалкой и даже с Валькой- неряхой. Ох и разговоров будет в спальне перед сном! Ещё бы! Сам Молибден с ними танцевал, вечер удался. А вот Мелкую пригласить на танец так и не решился. Ведь она не из тех, кто расплывётся в глупой улыбочке и начнёт радостно щебетать какую-нибудь чушь. Посмотрит исподлобья, тут же превратится в ошетилившегося ежа и процедит сквозь зубы:

– Ты что, совсем дурак? Ногу мою видел?

Вот и танцевал со всеми, только не с ней. Выслушивал всяческий бред, какие-то детдомовские сплетни, хвалебные оды самому себе. А когда скользнул взглядом по её тоненькой фигурке в свете новогодних огней, облачённой в белое платье в дурацкий розовый цветочек, подаренное Илоне одной из воспитательниц, его словно огненной стрелой прошибло. Глаза Мелкой смотрели в упор, осуждающе, обиженно. Девчонка старалась не плакать, кусала нижнюю губу и даже смешно вздёрнула подбородок. Данька улыбнулся ей, чтобы подбодрить, чтобы дать понять, мол, сейчас подойдёт и пригласит, и больше никогда не оставит в одиночестве, но опоздал.

– Крокодил пупырчатый! – крикнула она во всё горло и быстро, как только это позволяла больная нога, направилась к выходу из зала, наверняка, надеясь услышать окрик или

шум, догоняющих шагов. Он же, хлопает по плечу Санька, и оба парня отправляются в мужской туалет, где за бачком унитаза спрятана бутылка портвейна. Дешёвое пойло бежит по горлу, горькое, противное, но для них – детдомовских пациентов, и это кажется роскошью...

Чужая аура отбрасывает меня резко, и я отскакиваю, как мячик, падаю на гальку, роняю блокнот и карандаш.

– Хотела пройти дальше? – спрашивает Данила, сурово сдвинув брови, возвышаясь надо мной. – Никогда не делай этого, даже если очень любопытно, иначе, останешься в чужом сознании и будешь блуждать, пока твоё физическое тело не умрёт от обезвоживания и голода.

Хватаюсь за протянутую ладонь куратора, поднимаюсь с земли.

– А ты остальным показывал то же, что и мне? – почему-то мне очень важно знать ответ.

– Разумеется, нет, – смеётся Данила, заправляя выбившуюся из хвоста прядь мне за ухо. И от этого простого жеста, от мимолётного прикосновения пальцев, от осознания того, что увиденное было разделено со мной и только со мной, по венам устремляются холодящие и одновременно обжигающие ментоловые шарики. Сегодня шкатулка моих воспоминаний пополнится ещё на одно сокровище.

Глава 14

Можете считать меня дикаркой, но ванна, полная душистой пены, восхищала, восхищает и будет восхищать, так как до появления на острове, такая роскошь в моей жизни отсутствовала. В детском доме была тёмная баня, совершенно баней не пахнущая, а насквозь провонявшая кислым молоком, топившаяся по-чёрному, узкая, с гнилыми, покрытыми противной слизью полами. В училище – душевая с десятью кабинками и грубо-оструганными деревянными лавками, а на съёмной квартире... Нет, ванна конечно была, вот только сидеть в ней вовсе не хотелось по причине постоянного холода и сырости в помещении. Но здесь же, я не упускала возможности понежиться в тёплой воде с запахом клубники, или апельсина, или ананаса. Вот и этим утром я, по обыкновению, валяюсь в клубах клубничной пены, мечтаю об очередной встрече с Молибденом, и празднике «Всех студентов», который должен состояться через три дня. Однако, не забывая поглядывать на часы. Наслаждение- наслаждением, а пары и наказания за прогулы никто не отменял.

Шум, доносящийся из коридора, заставляет вынырнуть из блаженного состояния истомы. Крики ужаса, всхлипывания, причитания, надрывный вой. Неприятно, тревожно. Почему-то, по утрам все звуки и запахи ощущаешь острее и воспринимаешь болезненнее. А по спине уже бежит холод-

ная струйка пота, сердце царапает коготок дурного предчувствия.

Набрасываю халат, выглядываю в коридор. Студенты, несколько преподавателей и Крабич. Как ему удаётся появляться в нужный момент?

– Не трогайте меня! Уйдите! Я больше так не могу! – Света воет, вырываясь из рук, волокущих её куда-то инквизиторов. Абсолютно голая, с облепившими лицо, мокрыми волосами, она окидывает и нас, и коридор, и молча стоящего Крабича горящим лютой ненавистью, взглядом.

– Это ж какой идиоткой надо быть, чтобы кончать с жизнью в воде, – совершенно спокойно произносит какая-то смуглая брюнетка, обращаясь к рядом стоящей подружке. – Лучше бы повесилась.

– Они всё равно не дали бы, – отвечает другая девушка. – Ой блин! Что же с ней будет-то?!

И Регина, и Лидия, и все остальные смотрят замороженно, испуганно. И я делаю шаг к бывшей однокурснице. Да, я чувствую, я знаю, что именно бывшей. Нас о попытке суицида предупреждали в день прибытия. Мне жаль бедную женщину. Жаль, несмотря на колкости и насмешки с её стороны, на побои в душевой, на участие во всеобщем бойкоте. И если сейчас не вмешаться, если не попросить за неё, со Светой сделают что-то очень нехорошее.

– Куда вы тащите Дорофееву? – спрашиваю Крабича. – Если она так поступила, значит, были причины. Не лучше ли

разобраться в её проблеме?

В ответ молчание. Лишь шёпот студентов и истеричный, надрывный, проходящий лезвием по нервам, закладывающий уши, вой женщины. Из рта вытекает слюна, ноги изо всех сил упираются в ковровое покрытие, тело изгибается, бьётся в неумолимых руках.

– Света, да объясни же им, что случилось! Не ори просто так! Возьми себя в руки! – кричу в бледное, перекошенное ужасом лицо.

– Не трогай её, – цедит сквозь зубы Олеся, пытаюсь утянуть меня обратно в комнату. – Не связывайся.

Света оборачивается ко мне, фокусирует взгляд, страшно, по-волчьи скалится и рычит, так яростно, что я невольно отступаю назад. А от обнажённого тела исходит густой, тошнотворный дух безысходности. С чем сравнить этот запах? С вонью наглухо закрытого помещения? Несвежего белья?

– Продажная тварь, тебе не понять тоски матери по детям, – изрыгает она. Слышу согласное хихиканье за спиной. – Мне снился сон. В нём всем нам, эти уроды – Крабич и Молибден вспарывали вены, а мы, истекая кровью лежали в каменных корытах. А ты...

Палец светлы тычет мне в грудь, а на её лице появляется маска гадливости, так, будто бы от меня воняет нечистотами.

– А ты, ради спокойной жизни, убьёшь своё дитя. Своего сына, которого выскребут из тебя по частям. Белый латок, а на нём маленькие красные кусочки твоего ребёнка. Я виде-

ла! Я видела! Я видела!

Женщина раздражается слезами, повисает на руках своих конвоиров, обессиленная этим монологом, а мы слышим приказ Крабича разойтись по комнатам, и, какое-то совершенно уж нелепое в данной ситуации распоряжение:

– Замените пылесос на третьем этаже. От старья нужно избавляться.

Разумеется, валяться и нежится в облаках грёз уже не хочется. Какие уж там грёзы? Нужно приводить себя в порядок, завтракать и топтать на пары.

– Она действительно могла что-то видеть во сне? – спрашиваю Олесю, развалившуюся на моей кровати.

– Если сильная, то могла, – отвечает подруга, лениво потягиваясь. – Такое бывает, когда о чём-то думаешь, снятся сны на данную тему. А маг, обладающий определёнными знаниями, способен этот сон расшифровать.

– И что с ней будет теперь?

– Отправится в подвал. Она пыталась убить себя на острове, и остров это почувствовал. Ощутил её ненависть, и во время инициации свою силу не даст и привязывать к себе не будет. А свободный маг опасен. По тому, его не обучают и отправляют в расход. Ладно, идём на пары, а то, чего доброго опоздаем.

Случившееся со Светой не выходит из головы. Кручу её предсказание и так, и эдак, стараясь себя убедить в том, что Света могла что-то не так понять. Однокурсники, так же

взбудоражены, однако, пытаться преподавателей не решаются, предпочитая шушукаться по углам и строить догадки, от вполне правдоподобных до совершеннейшего вздора. Преподаватели же, ведут себя как обычно, словно попытка суицида одного из студентов – дело вполне обыкновенное. Хотя, может так оно и есть. На Корхебели, как я уже успела убедиться, наши жизни никакой ценности не представляют.

На перемене меня перехватывает Олеся.

– Слушай, – нервно шепчет она, заталкивая в свободный, наиболее укромный угол коридора. – Сегодня вечером Русланчик зовёт меня к себе в номер, мол, жаждет показать мне нечто невероятное, свой дипломный проект. Сходишь со мной?

– Зачем? – искренне недоумеваю я. – Он ведь тебя зовёт. Да и дело, как мне кажется, вовсе не в проекте.

– Разумеется, не в проекте, – вздыхает Олеся. – Знаю, что нравлюсь ему, вижу, как Русланчик на меня смотрит. Он хороший, он талантливый маг, но не могу. Я уже была в отношениях, была счастливой и влюблённой, а потом, в одночасье всё потеряла. Наша жизнь может прерваться в любой момент.

– В том-то и дело, Олесь, – беру подругу за руку. Пальцы Олеськи холодные, слегка подрагивают, щёки же, напротив, горят, словно в лихорадке. – Жизнь коротка, и глупо ограничивать себя рамками страха.

– Это не только рамки страха, – Олеся вырывает свои паль-

цы из моей руки, прячет лицо в ладони. – Болтая с Русланом, улыбаясь ему, представляя нашу близость, я ощущаю себя предательницей, безвольной тварью. Но тебе пока этого не понять.

Звенит звонок, приглашая на очередную пару. Олеська по удобнее перехватывает ремешок своей сумки, трясёт головой, словно выбрасывая из неё ненужные мысли.

– Ну, так ты идёшь со мной проект смотреть? – спрашивает, уже другим, беспечным голосом.

– Конечно иду, – отвечаю с такой же беспечностью.

Вопреки моим ожиданиям, в комнате Русланчика романтическая обстановка отсутствует напрочь. Нет ни накрытого на двоих стола, ни свечей, ни даже, букетов роз. Хотя, последним никого особо не удивишь. Эти розы и во дворе академии надоели хуже горькой редьки. Дурманят своим душистым сладким запахом, путают мысли, сковывают волю. Цветы, выращенные магами-агрономами специально для подавления бунтов и агрессивных настроений, вгоняющие в сомнамбулическое состояние. И если новички ещё способны сопротивляться, что-то возражать и наивно мечтать о побеге, то старожилы, начиная со второго курса покорны, расслаблены, лишь иногда, в редкие минуты способные к каким-то наиболее решительным действиям, да и то, по отношению

друг к другу, но ни как не к преподавателям.

– Это будет прорыв! Революция в магии! Такого ещё никто не создавал, я узнавал, – суетился Руслан, нервно меря шагами комнату и зарываясь пальцами в густую чёрную шевелюру. – Хочу, чтобы ты, Олеся, ну и ты Илона, увидели это первыми.

Наверняка моей персоны в списке влюблённого Русланчика не было, но раз уж я бесцеремонно припёрлась, почему бы и не включить? В конце концов, если любишь женщину, то люби всё, что её окружает, и маму, и собачку мамы, и подружку.

Парень резко останавливается. Вытаскивает из шкафа сумку, принимается суетливо рыться в ней, продолжая возбуждённо говорить о своём проекте:

– Мы привыкли, что пространственные порталы создаются лишь с помощью визуализации, то есть, необходимо детально представить место, где хочешь оказаться и нарисовать его в воздухе. Это весьма трудоёмко, почему?

Русланчик поднимает лиловые продолговатые виноградины своих глаз на Олеся, ожидая толи поддержки, толи ответа, толи возражений.

– Человек не может помнить всё, – незамедлительно отвечает подруга. –И по тому, пространственные порталы работают лишь на близком расстоянии. Я хорошо помню, как выглядит моя комната. Однако не совсем помню, как выглядит вокзал моего родного города.

– К тому же, – Русланчик назидательно поднимает указательный палец к потолку. – Ты не знаешь, какие изменения произошли на вокзале, может поставили новый ларёк, а может и вовсе снесли. А неправильно открытый портал грозит исчезновением мага во времени и пространстве. Был и нет. По тому, даже на близкие расстояния порталы способны открывать лишь архимаги. Иначе, мы бы все разбежались по Конгломерату. Но я изобрёл иной способ, он прост, безопасен и применим на дальние расстояния. Чёрт!

Парень, устав рыться в недрах сумки, переворачивает её на кровать, а затем, среди смятой бумаги, сломанных карандашей, тетрадей и ещё какой-то мелочёвки находит небольшую губную гармошку.

–Итак, дамы, не желаете ли отправиться на прогулку, например, к пляжу, – Руслан лукаво подмигивает Олеське, а я даю себе слово ретироваться сразу же, как эта самая прогулка начнётся. Да, мне хорошо с этой парочкой, тепло, весело, уютно. Однако, мешать друзьям налаживать свою личную жизнь – свинство. Олеська – не Полина, и в моей заботе и контроле не нуждается.

– Закрываем глазки, вспоминаем запахи моря, скал, представляем прикосновение ветра, прохладу, набегающей на кончики пальцев волны, и слушаем музыку.

Парень прикладывает гармошку к губам, и комнату заполняет шелест волн, крики чаек, шорох прибрежной гальки.

Запах морской соли становится сильнее, ежусь от вне-

запно- налетевшего прохладного ветерка и распахиваю глаза. Надо мной чёрное, усыпанное серебряными крупичками звёзд, небо, море, накатывает на берег, оставляя у носков моих сандалий кружево пены. Неверный свет луны, отражаясь в воде, тянется бледной желтоватой дорожкой от берега до горизонта.

– Не фига себе! – восклицаем мы с подругой одновременно.

Олеся поднимает с земли камень, рассматривает его, словно не веря, затем, швыряет его в воду. Тот, с плюхом падает на дно.

Потом, хватая Руслана за плечи, заглядывает в глаза и быстро-быстро, словно боясь собственных мыслей начинает говорить, глотая окончания слов, захлёбываясь, переходя то на шёпот, то на сип:

– Русланчик, дорогой, хороший мой. Не нужно использовать это в качестве дипломной, не надо, очень тебя прошу. Ведь своим изобретением ты можешь спасти людей, тех, кого сюда притащили силой, тех, кто точно знает, что не сдаст экзамены. Мы все можем сбежать, оставить и преподав, и инквизиторов в дураках. Осталось только придумать, как обойти привязку к острову. Но ведь у тебя получится, да? Ты же такой умный, Русланчик!

– Ты действительно хочешь этого, Олесь? – шепчет он, обнимая подругу. – Ты же знаешь, я на всё готов ради тебя. Но проект не доведён до ума, необходимы дальнейшие испыта-

ния, ты же понимаешь?

– Понимаю, понимаю, – Олеська гладит парня по курчавым волосам, лбу, пунцовым щекам. – У тебя всё получится, да, не завтра, да, не через месяц, но получится, ведь ты такой талантливый, Русланчик! Я верю в тебя.

Информация и перспективы, связанные с ней пробиваются до моего сознания с трудом. Ведь это- действительно революция, свобода и спокойная жизнь для таких как я, Олеся и множество других людей. Пячусь назад, осторожно, опасаясь разорвать тоненькую ниточку, протянувшуюся между друзьями. Их, слившиеся в тесных объятиях силуэты, посеребрённые луной, на фоне ночной тьмы восхищают и будят в душе гадкого спрута зависти и обиды. Никто не приглашал меня на свидание, не целовал при луне, не заглядывал в глаза с обезоруживающей нежностью, от которой бы замирало сердце.

Этой ночью перебирать сокровища своей воображаемой шкатулки вовсе не хочется. А хочется реветь в подушку и жалеть себя. Я и реву, пока не раздаётся первый аккорд арфы, после которого моё сознание погружается в невнятный, наполненный размытыми образами сон.

Глава 15

Мужчины не дарят украшения просто так, всегда с каким-то тайным смыслом. С чего я это взяла? Нянька говорила или кто-то из воспитателей? А может в какой-то книжке прочитала? Но, как бы там ни было, этому утверждению хочется верить. Хочется думать, что тоненькая серебряная цепочка, с мерцающим синем каплевидным камешком, в качестве кулона, блестит на моей шее не просто так. Да и, если честно, любой подарок преподавателя студентке, даже букетик полевых цветов, не случаен и всегда имеет некую подоплёку. А уж цепочка и кулон...

В окно дышит прохладой индиговый вечер, доносятся звуки музыки, смех и дразнящий запах дыма. Сегодня будут жарить мясо. А ещё ожидаются гонки на дельфинах, приручённых зоо-магами, пляжная дискотека, полёты на сотканых ведьмами- ткачихами коврах-самолётах и множество других развлечений. Специально для этого пригласили магов из посёлка – бывших студентов академии.

Ещё за неделю до праздника академия гудела словно улей. Со всех сторон доносились слова: « День студента», «Встреча выпускников», « Заказ платья». Для последнего в стены алма-матерь пребыла грузная рыжая, громкоголосая портниха, и студенты, не зависимо от возраста и пола, выстроились в очередь к ней за нарядами. Нарядами, если верить обеща-

ниям портнихи, способными подчеркнуть не только сильные стороны внешности, но и раскрыть внутреннюю красоту его обладателя и привлечь того самого. Разве я могла отказаться от такого предложения, к тому же и абсолютно бесплатного?

Сердце колотится часто-часто, словно я собираюсь не на студенческую вечеринку, а на собственную свадьбу. То выпускаю волосы по плечам, то собираю в высокий хвост, то пытаюсь соорудить сложную причёску из нескольких косичек, как делала когда-то одна молоденькая воспитательница в детском доме. Но с последним ничего не выходит, слишком дрожат пальцы.

– Дурочка, – говорю я себе, в который раз проводя расчёской по волосам. – Чего ты ждёшь? – Ты- всего лишь студентка, не самая красивая, не самая способная. Нужна ты ему, как собаке пятая нога, когда вокруг столько девиц гораздо краше тебя. Да и Милевская, как утверждает Олеся, имеет виды на куратора.

Но глупое сердце не желает слышать скучных доводов рассудка, оно неистово бьётся, сжимается в сладостном предвкушении, оно рвётся прочь из тесной грудной клетки к обладателю грозových глаз, солнечной улыбки и бархатного, тёмного, усыпанного золотыми искрами, как купол южных небес, голоса.

Бросаю раздражённый, почти ненавидящий, взгляд на собранный для побега рюкзак, стоящий под журнальным столиком, за тем, вновь на, зеркальное отражение, синей ка-

пельки, мерцающей в области декольте. Эх! Если бы предложение Анатолия поступило, хотя бы две недели назад, я бы рванула прочь из академии без оглядки, и никакого праздника не стала бы ждать. Но сейчас, когда между мной и Молибденом трещит от напряжения воздух, когда щёки опалает жаром при звуках его имени, когда я могу разглядывать и касаться его подарка, и не одного из тех, что я прячу в своей мысленной шкатулке, а настоящего, вполне материального, когда каждая клеточка моего существа ждёт чуда? Куда мне бежать? Что ждёт меня на материке? Холодная съёмная квартирка, гречневая каша, запах плесени в ванной, тёмный подъезд, томительное ожидание, пьяная сестра и тягучее чувство одиночества и ненужности. Этого ли я хочу?

– Ну что, собралась? – в комнату влетает Олеся. Тёмно-зелёное платье-футляр из лёгкой струящейся ткани смотрится весьма элегантно, подчёркивает грудь, удлиняет бёдра и утончает фигуру. В нём подруга кажется загадочной, таинственной, как лесная чаща. Змейка, сшитая из такой же ткани, но на несколько тонов светлее, то обвивает талию, словно пояс, то, ложится на шею, слегка прикрывая зону декольте, превращаясь в кокетливый шарфик.

– Красавица! – со всей искренностью восхищаюсь я, наблюдая за передвижениями змеи.

– Кто бы говорил, – смеётся Олеся, разглядывая мой наряд. – Анфиса постаралась в этом году на славу.

С наслаждением рассматриваю себя в зеркальной поверх-

ности, с удовлетворением отмечая, что сегодня, наверное, впервые, я не упаду в грязь лицом. Обычно, что на студенческих собираловках, что на вечеринках, куда я таскалась с сестрой, выглядела хуже всех. Денег хватало лишь на самое необходимое и на одежду для Полинки. Сама же, обходилась выдавшими виды свитерами с чужого плеча, принесёнными сиротам добрыми воспитателями и брюками той же давности и из тех же фондов. Однако, сегодня всё иначе. Нужно признать, выгляжу я великолепно. Платье воздушное, лёгкое, ткань приятно льнёт к телу. Расклешённая юбка, рукава-фонарики, декольте не глубокое, но каким-то волшебным образом указывает на то, что грудь у меня имеется, пусть маленькая, но аккуратная. И как же чудесно кулон с синим камешком расположился в ложбинке, словно Молибден знал, какое платье я закажу. По нежно голубому, словно майское небо, платью, медленно проплывают ажурные белоснежные облачка.

Портниха, придумывая для меня наряд, долго рылась в разноцветном ворохе тканей, цокала языком, что-то бормотала себе под нос и наконец выдала:

– Ты хрупкая и нежная, светлая и непорочная.

Последнее слово было произнесено с некоторым удивлением, и я покраснела. Чёрт! Ну это здесь причём? Неужели моя женская неопытность и несостоятельность так сильно бросается в глаза?

– Уродство, знаете ли, никого не прельщает, – буркнула

я, уже собираясь уходить. Да пошла она со своими тряпками к такой-то матери!

– Глупая! – прыснула портниха, не испытывая ни грамма смущения. – Это можно сделать твоей фишкой, если, конечно, ты хочешь привлечь своего принца. Итак, начнём!

Ведьма уселась за стол, придвинула к себе лист бумаги и принялась рисовать. Я же, как замороженная смотрела на то, как голубая, с мягким отблеском ткань, шевелится, перекручивается, сгибается, разгибается, разделяется на половины, сходится вновь, постепенно превращаясь в готовое изделие.

Всеобщее состояние веселья захватывает меня сразу же, как мы с Олесей оказываемся во дворе. Разноцветные фонарики, всевозможных форм и размеров, летающие в воздухе, задорная музыка, сладости и напитки, мужчины в элегантных костюмах, женщины в ярких нарядах. Где-то в толпе веселящихся мелькнула Милана в в ярко-рыжем платье, словно объятая пламенем. В кругу преподавательниц что-то живо обсуждает Натабелла зятая в спортивный костюм, правда не в чёрный, а в тёмно-фиолетовый, но тоже с блеском.

– Принарядилась, – фыркает Олеся, глядя в сторону физручки. Подставляет ладонь, на которую доверчиво усаживается светящаяся белка-фонарик. Несколько подобных зверушек мишек и зайчиков летает неподалёку. – И не надоело ей штаны таскать. Уж вся академия на её задницу налюбовалась, уже никому не интересно, а она всё продолжает телеса

обтягивать.

– Интересно, а розовый костюмчик у неё есть, или жёлтый какой-нибудь? – смеюсь я, поддерживая подругу, а сама продолжаю искать взглядом Молибдена. В толпе преподавателей его нет, в толпе студентов нет тоже.

Мы с Олесей берём по рожку апельсинового мороженого, усаживаемся на лавочку возле фонтана, брызгающего во все стороны разноцветными струями.

– А бежать отсюда никто из первокурсников не пробовал? – задаю я вопрос, надеясь на положительный ответ. Со стыдом ловлю себя на том, что хочу услышать об охранных заклинаниях, магических ловушках и страшных псах, стерегущих выход за территорию.

Ох! Какое же вкусное это мороженное. Нежное, как крем, мягкое с кусочками освежающего, чуть кисловатого фрукта.

– Почему? Пробовали, конечно, – отвечает Олеся, вытаскивая из сумочки салфетку и протирая пальцы. – Их никто не искал даже. Хочешь – беги, если жизнь немила. Корхельские джунгли это тебе не парк аттракционов в городе. Густые заросли, хищные цветы, змеи, москиты и дикие животные. Далеко ли ты уйдёшь?

– А ты пыталось? – звучит гораздо резче, чем я этого хочу. Всматриваюсь в лицо подруги, не обиделась ли? Не заподозрила ли в чём-то? Но нет, Олеся так же безмятежна.

– Пыталась, – подруга снисходительно усмехается, протягивает мне салфетку, и я беру из её рук белый бумажный

квадратик. – Когда мой парень понял, что не сдаст экзамены, мы решили убежать. Взяли у коменданта общаги умную лодку, выдрали из учебника «Истории возрождения магии» карту острова, набрали воды, еды и отправились в путь.

Олеся вытягивает из сумочки длинную сигарету, чиркает зажигалкой, затягивается горьковато-ванильным дымом.

– А потом передумали?

– Ага, передумали. Как попали под обстрел хищных цветочков, так тут же рванули обратно. Андрей так экзамены и не сдал, а вот я сдала.

Последняя фраза произносится зло, и я уже готовлюсь к тому, что подруга встанет и уйдёт, но Олеська продолжает курить. Затем, вскакивает, хватая меня за руку и тянет.

– Ты чего это? – не понимаю я.

– Ковры самолёты привезли! – кричит она, ускоряя шаг, и мне ничего не остаётся, как хромать следом за ней.

Почему-то, ковёр-самолёт представляется мне чем-то маленьким и невзрачным, как те коврики, что вешаются в квартирах на стену для звукоизоляции. Пыль, проплешины, невнятный рисунок. Однако, когда я вижу произведение магического искусства, моё мнение резко меняется. Сразу же возникает желание провести ладонью по светящемуся ворсу, утонуть в нём пальцами. Погладить, машущую хвостом рыжую кошку, поймать разноцветную бабочку, трепещущую крылышками, растянуться на поляне, усыпанной пушистыми жёлтыми одуванчиками.

– Рассаживаемся, друзья! – тараторит худощавая ткачиха с тяжёлой длинной косой, достающей до самых ягодич. – Только обувь снимайте! В пыльных тапках не пуцу.

– Лу! И ты здесь! – визжит подруга, бросаясь на шею девчонки с косой. И в этом визге я чувствую столько искренности, столько неподдельной радости, что становится обидно. Мне никто и никогда так не радовался, даже сестра. Да и не было у меня ни подружек, с которыми можно посплетничать, поплакать и посмеяться, ни парня. Всю свою жизнь я посвящала Полине, и требовала от неё того же.

– Олеська, садись скорее! – смеётся та. Ощущаю себя немного лишней, но продолжаю удерживать на лице улыбку.

– Не уронишь?

– Обижаешь! – ткачиха шутливо грозит тонким пальчиком. – Это изделие самой принцессе переправят. Но прежде чем коврик отправится во дворец, я хочу прокатить на нём старых друзей и преподавателей.

На ковре уже сидит не малое количество народа. Здесь и Лидия, и Милана, и Стас и даже Анатолий. Отвожу взгляд от его глаз-буравчиков, но всё равно чувствую, как они ввинчиваются мне под кожу.

– И далеко можно на нём улететь? – спрашиваю подругу, нарочито весело и беспечно, чтобы отгородиться от вопрошающего взгляда Анатолия. Нет, после окончания полёта нужно подойти к нему и всё сказать. Чего это я, в самом деле, как вор прячусь? Мне не должно быть ни стыдно пе-

ред ним, ни неловко. Ведь это моё право, бежать с ним или остаться здесь. Скажу ему, что не вижу причин так рисковать, что я привыкла к острову и учёба не так уж мне претит.

– Нет, это не транспортное средство, скорее просто игрушка, развлечение. – отвечает Олеся, обводя пальцам крыло бабочки цвета фуксии. – По дворцу на нём летать можно, по саду. Ну, ещё гонки на коврах устраивают в столице. Иначе, я бы первая отсюда свалила ещё на первом курсе.

Дальше, мне уже не до разговоров. Ковёр кружит над островом-тарелкой. Одна половина тарелки светится огнями корпусов академии, жилых домов преподавательского городка, а другая темна, словно покрыта чёрным шоколадом. Торчат, облитые жидким серебром луны, пики скал. И по всюду волнующееся, бескрайнее, зеленоватое море. Визг, восторги, протяжное пение, бутылъ вина, передаваемая по кругу. Делаю несколько крупных глотков, передаю следующему. Ветер треплет волосы, щекочет лицо тонкими, тёплыми пальцами с привкусом морской соли. Пять кругов над островом, и наш ковёр опускается. Пассажиры встают, ищут свою обувь, расходятся.

Олеся и ткачиха Луиза, располагаются в одной из беседок, обсуждая прошлогодние экзамены, каких-то выпускников, вспоминают Андрея. Я же, чувствуя, что подругам не до меня, и моего присутствия они не замечают, отправляюсь гулять по кипарисовой роще.

Пряно пахнет хвоей, в беседках и на скамейках, установ-

ленных вдоль дорожек, хихикают парочки. В роще музыка не так слышна, и сверчки беззастенчиво дают свой концерт. Пройду до конца аллеи и отправлюсь к пляжу. Да, к танцующим не присоединюсь, но хотя бы постою, посмотрю на кружащиеся в танце пары, и может, встречу наконец-то Молибдена. Он увидит меня в моём новом волшебном платье, возьмёт за руку, и скажет:

– Не дрейфь, Мелкая, я поведу, а ты просто следуй за мной.

И мы закружимся, под переливы музыки, под шелест, пробегающих на берег волн, в свете магических, летающих повсюду фонариков и зелёного ока луны...

– Как ты долго, – раздаётся хриплый голос, который я по началу не узнаю. Крепкие руки втягивают меня внутрь тёмной беседки.

Пытаюсь завопить, но на рот ложится чья-то ладонь. Узнаю его по запаху. Лайм и морская соль, а ещё коньяк. От Молибдена пахнет коньяком и отчаянием, безнадёгой. Беседка густо увита лозами винограда, и лунный свет едва пробивается сквозь сплетения зарослей. Пытаюсь выбраться из железной хватки, потребовав объяснений, но губы, сухие и горячие впиваются мне в шею, и я начинаю медленно таять. По телу прокатываются сладкие волны жара и прохлады одновременно, сердце пропускает несколько ударов и принимается колотиться с бешеной силой. Все остальные мышцы – напротив, становятся мягкими, податливыми. А мужские ру-

ки продолжают скользить, проходятся по спине, зарываются в волосы, очерчивают контуры губ. Эти прикосновения собственные, настоячивые, но невероятно нежные и такие желанные, везде. Хочу что-то произнести, задать какой-то вопрос, но язык словно заморожен, и я не могу вымолвить ни слова. Да и нужны ли здесь слова? Мы взрослые люди, мы давно знаем друг друга, с самого детства. Так к чему ходить вокруг да около, если нам обоим хочется одного и того же?

– Как я устал, – бессвязно шепчет мой Данька, перемежая слова с поцелуями. Провожу ладонью по его льняным волосам. Мягкие, гладкие, словно шёлк.

– Это мерзко. Я чувствую себя дерьмом, как же тут не спиться, скажи мне? Нет, не говори ничего, просто побудь со мной.

Губы Молибдена жёстко впиваются в мой рот, и наши языки сплетаются, начиная своё безумное танго. Мы пьём друг друга, мы вдыхаем друг друга, до нехватки кислорода в лёгких, до красных кругов перед глазами. Запах коньяка, моря и лайма, проникает в меня, отравляя кровь безумием, и мы падаем на деревянный, едва подсвеченный луной пол беседки.

– Я больше не хочу быть орудием в руках кучки зажавшихся богатеев. Ты со мной, Натабелла?

Произнесённое имя бьёт наотмашь, больно, хлётко, обидно. Куратор Молибден пьян. Настолько пьян, что умудрился перепутать меня с физручкой. Красивой, грациозной

женщиной. Такой, какая и нужна сильному, властному и, чертовски, сексуальному преподавателю. От осознания, произошедшего начинает мутить. Отбрасываю от себя руки куратора, отползаю от него, не замечая, как необструганные доски карябают зад. Какой позор! Дура! Чуть не раздвинула ноги в какой-то беседке, на пыльных деревяшках. Бежать! Немедля бежать, пока он не опомнился.

Как я посмела мечтать о чём-то большем? Я – хромоножка с внешностью серой мыши? Забыла своё место? Примурчалась, пригrelась в свете доброго отношения Молибдена, навывдумывала не вестъ что! Получай теперь!

Пошатываясь, выхожу из беседки, и тут же, нос к носу сталкиваюсь с Милевской. Её холодный оценивающий взгляд скользит по мне, обдавая стужей. О да! От этого взгляда не укрылись ни распухшие губы, ни помятая одежда, ни растрепавшаяся причёска.

Глава 16

Тропики- есть тропики, и происходит неизбежное, с чем не в силах совладать даже маги. Ближе к обеду погода портится. Небо вздувается и темнеет, а из туч хлещут мощные, серебряные ленты воды. Море остервенело бьётся о берег, рокочет, пенится, стараясь заглотить прибрежные скалы чёрным раззявленным ртом.

В магически-изготовленном блокноте с расписанием высвечивается, что, в связи с погодными условиями индивидуальные занятия по боевой магии будут проходить в спортивном зале. И я, с тяжёлым сердцем отправляюсь на встречу с Милевской. Находиться с ней в замкнутом пространстве, среди магически – улучшенных мячей, гимнастических лент и гантелей, совершенно не хочется. А за окнами бушует непогода. Дождь яростно и нервно колотит в окна: «Открой! Открой!» Ветер треплет потемневшие деревья, срывает листву, гнёт, стараясь сломать или выдрать с корнем. Даже в коридорах академии тихо и тревожно, словно должно произойти нечто пугающее. По крайней мере, моя интуиция, обострившаяся за время обучения и пребывания здесь, вопит, что в спортивный зал мне лучше не заходить. Но я всё же хватаюсь за ручку двери и тяну её на себя. Металл ручки кажется мне неприятно, враждебно горячим.

В самом зале пахнет резиной мячей, мокрым полом и чи-

стящим средством. Две швабры старательно натирают пол. Елозят по гладкому покрытию и опускаются в ведро с водой. Милевская сидит на одной из лавок, стоящих по периметру зала.

– Достаточно, – говорит она швабрам, и те улетают в небольшую коморку.

Здороваюсь, подхожу к преподавателю, сажусь рядом, ожидая распоряжений. Но Милевская молчит. Крутит в тонких пальцах какой-то маленький пузырёк с ядовито-жёлтой жидкостью на самом дне, и, кажется, вовсе не замечает меня. Раздаются раскаты грома, а мохнатую сине-лиловую темноту небес разрывают вспышки молний. В зале сгущается мрак, нехороший, зловещий.

– А не уйти ли прямо сейчас? – рождается в голове мысль. – Какой смысл сидеть рядом с Милевской, словно бабка на завалинке?

Но я отчего-то не уйду, смотрю на закупоренную баночку, перекатывающуюся в белых, по сравнению с наступившим мраком, пальцах.

– Учитель Милевская, – говорю почти шёпотом. – Мы будем сегодня заниматься?

Натабелла поднимает на меня взгляд, и я невольно отшатываюсь. В лазурных радужках глаз пылает холодная, но люта-тая ненависть, а ещё непоколебимая, твёрдая, словно льды Северных земель, решимость. Так могут смотреть только отчаянные, смелые, готовые к борьбе люди. Человека, облада-

ющего таким взглядом, не обманешь лестью, не доведёшь до истерики, не успокоишь желанием пойти на компромисс. Им не нужен мир, они жаждут войны. Тут же понимаю, с чем связана такая реакция. Да уж, можно было догадаться, что случайный поцелуй в беседе с Молибденом даром мне не пройдёт. Может, объяснить ей что к чему? Разобраться раз и навсегда с этим недоразумением. И пусть Милевская снова смотрит на меня, как на насекомое. В конце концов, лучше быть насекомым, чем её врагом.

– Если ты разумная особь, – слова Милевской тяжёлыми камнями падают в сгустившийся мрак, смешиваясь и растворяясь в нём. – В чём я сильно сомневаюсь, раз метишь в постель к Молибдену и надеешься сдать экзамены. Ну так вот, если в тебе есть хоть зачатки разума, то ты должна понимать, что сессия уже провалена. Всего лишь вопрос времени.

– Подрывает боевой дух? – спрашиваю, глядя прямо перед собой, старательно игнорируя реплику о кураторской постели. Странно, но футбольные и баскетбольные мячи, лежащие в плетёных корзинах, отчего-то кажутся мне живыми. Живыми и очень несчастными.

– Просто констатирую факт, – рот Милевской кривится, словно она собирается заплакать. – Хочешь знать, что происходит с теми, кто не сдал экзамен? А кто такой Молибден на самом деле? А для чего ровно в полночь играет арфа? Или тебя – сучку похотливую интересует лишь орган, что болтается в штанах у куратора?

– Да с чего вы взяли, что у меня на Молибдена какие-то виды? – кривлю душой, и Милевская это прекрасно чувствует.

– Это видно невооружённым глазом, как ты вспыхиваешь, как глазёнки опускаешь. Девочка, мечтающая о принце на белом коне, или девочка ожидающая корабля под алыми парусами? Хотя, и то и это глупо. Ну так ты не ответила на вопрос, хочешь узнать всю правду или предпочитаешь и дальше сопли жевать и мечтать об алых парусах, маленькая похотливая сучка?

Натабелла впивается в меня своим цепким, колючим взглядом, горячо и рвано дышит в лицо, и я едва сдерживаюсь, чтобы не скривиться от стойкого винного духа, исходящего от преподавательницы.

– И вы мне так просто ответите на эти вопросы? – произношу, сознательно пропуская реплику про сучку мимо ушей, а по сердцу ощутимо и предупреждающе царапает кошачья лапа. Всё же, не всякое знание- есть благо. Но, как не крути, а даже самая горькая правда гораздо лучше сладкой лжи. И если кто-то, пусть и по пьяни, предлагает тебе информацию, отказываться от неё не стоит.

– Разумеется, – улыбка Милевской страшная, больше напоминающая оскал, в глазах вспыхивает хищный, нездоровый огонь. – Возьми. Зелье запрещённое, и его очень мало. Но на несколько часов шпионских игр вполне хватит. Выпьешь за пять минут до полуночи, тут же оглохнешь и ста-

нешь невидимой. Можешь хоть рожи корчить, хоть голышом расхаживать. Как только стрелки покажут двенадцать, кинь на пол пузырьёк и следуй за ним. Уж поверь мне, деточка, ты получишь все ответы. Поймёшь, что белокурый Молибден отнюдь не благородный рыцарь, а ты, соответственно, не дама его сердца, а расходник и мусор.

Тело покрывается противными мурашками, сердце колотится о грудину, пальцы становятся липкими и дрожат, когда пузырьёк из рук Натабеллы ложится мне в ладонь.

– Зачем вам это? – задаю вопрос, понимая, что Милевская не станет ничего делать просто так.

Натабелла хохочет, каким-то круглым, объёмным смехом, пьяно, горько, отчаянно: «Хо-хо-хо!» И в тот момент небо разражается грохотом, а через секунду зал озаряется ослепительным светом молнии.

– Считай, что я злобная фея, разбивающая розовые очки и рвущая в клочья нежные мечты о большой и чистой любви! – выкрикивает Милевская, стараясь заглушить рёв ветра и бешенный топот усилившегося дождя.

Глава 17

Я ничего не слышу, ни грозы за окном, ни стука дождевых капель по козырькам, ни шума собственных шагов. Мир вокруг кажется нереальным, неживым, словно я попала на полотно картины. Жутко, странно, непривычно. Звуки-неотъемлемая часть нашей жизни. Шорохи, трески, скрежеты, стуки – всё это сопровождает нас постоянно, каждую секунду. Они могут нас раздражать, радовать, мы можем вообще что-то не заметить и не услышать, но, если вдруг лишиться возможности их воспринимать, мир вокруг становится чужим.

Плоские, круглые, снабжённые множеством лапок-щёточек, похожие на жуков пылесосы, скользят по ковру. По креслам, столикам, стенам и подоконникам, летают разноцветные губки. Ночь – время мупов, отмывающих здание общежития до блеска, с маниакальной тщательностью. По ковровой дорожке катится пузырьёк. На его стеклянных боках блестят отражения множества мелких светильников. Поворачивает к лестнице, прыгает по ступенькам, ведя меня за собой. Ниже, ниже, ещё ниже. Сердце всё сильнее сжимается от, внезапно-накатившей жути, от ожидания чего-то, что мне не понравится. Колени подрагивают, нутро сжимает холодная скользкая щупальца. Лестничные пролёты не освещаются, и густой, чёрный, словно угольная пыль, мрак, пе-

риодически вспарывается разрядами молний.

Пузырёк останавливается у неприметной, деревянной двери. Хмыкаю, удивляясь. Неужели за этой дверцей, наспех сколоченной из каких-то плохо струганых горбылей, может находиться что-то стоящее внимания?

Открываю, захожу, нажимаю кнопку, вызывая кабину лифта, которая распаивается сразу, принимая меня в тёмное нутро. Продольная мигающая лампа, синие стены, единственная кнопка на панели управления. Нажимаю и лечу вниз, вниз, вниз. Тишина, запах железа и страдания. Почему мне кажется, что воняет чьей-то болью, страхом и отчаянием? Да и могут ли пахнуть эмоции? Могут! За время обучения в академии, моё обоняние обострилось, и я, словно собака могу различить и запах страха, и дух страсти, и аромат радости. Различить и даже увидеть их цвет. Сегодня, к примеру, от Натабеллы, помимо перегара, разило кислотой ревности и уксусным духом обиды.

– Пребывание на Корхебели порой открывает в маге новые способности, – как-то сказала мне Олеся. – Некоторые их пугаются, некоторые начинают считать себя всемогущими и пытаются бунтовать.

Эх! Нужно было рассказать Олеське. Авось, хватило бы нам этого пузырька на двоих. По крайней мере вдвоём не так страшно.

Замкнутое пространство и падение в неизвестность. Твою ж мать! Куда ты лезешь, Илонка? В чём ты хочешь разо-

браться? Ты знаешь, что у него есть девушка, чётко уяснила ваши отношение, а, вернее, их отсутствие, так чего тебе ещё нужно?

Шахта кажется бесконечной, к горлу подкатывает паника, сдавливая крепкой, железной рукой. Чем ниже, тем жарче. Не в само ли жерло ада несёт меня эта коробка? Сердце колотится так, что готово проломить грудину, по спине и лбу струиться пот. Не нужна мне никакая правда! Даже если и узнаю нечто ужасное о Молибдене, что я буду с этим делать? Какая же я дура!

Жму на квадратную, протёртую множеством пальцев кнопку. Наверх! В свой номер! А утром, я появлюсь на занятиях и буду учиться, как ни в чём ни бывало. И даже на индивидуальные уроки с куратором приду. Без восторгов, ожиданий, надежд. Просто стану выполнять его указания, словно идеальная кукла.

Кнопка не работает. Кабина по-прежнему несётся вниз. Лампа мигает ещё чаще, и наконец, гаснет совсем. В тот же миг кабина падает. Да уж, посадочка далеко не мягкая. Грубо распахиваются створки, и я оказываюсь в огромном зале, залитым ядовито-жёлтым свечением, исходящим от рук преподавателей, стоящих вокруг каменного стола овальной формы. Раскрытые ладони направлены вниз, на распростёртое, обнажённое женское тело. Тело моей однокурсницы Светланы Дорофеевой, беззвучно открывающей рот. Из носа тонкими струйками стекает кровь, в глазах боль и безумный,

первобытный страх скорой смерти. Рядом с ней лежит пылесос – чёрный, глянцевый круг со множеством лапок-щёточек. Губы преподавателей шевелятся, наверняка, бормочут что-то зубодробительное, так как прочесть по губам я не могу. Зима, Милевская, Крабич, какая-то седая низенькая старушка и Молибден. Что они делают с несчастной женщиной? Может, лечат? Ведь меня тоже лечили магией? Но, почему тогда в подвале, а не в целительской?

Мозг лихорадочно пытается найти оправдание пугающему действию, не желает вешать на любимого человека ярмо мучителя. Да, Данила может быть жестоким, однако, его жестокость, как ни крути, справедлива. Но в чём провинилась Света? Глупая душа скулит от разочарования и ужаса.

Мышцы Светланы натягиваются, ноги и руки сводит болезненной судорогой. Залитые слезами глаза вылезают из орбит, рот искривляется в болезненном оскале.

Меня колотит, словно в лихорадке, хотя в помещении жарко, как в аду. Хочу сбежать, малодушно, по-детски, спрятаться, зарыться головой в подушку, чтобы утром внушить себе, что всё увиденное – сон. Гадкий, отвратительный кошмар, приветик от расшатанной психики. Но я стою и смотрю, не в силах даже закрыть глаза. Смотрю, как Светлана содрогается, пятки и темя упираются в поверхность стола, а всё остальное тело изгибается дугой и, спустя несколько секунд, обмякает. Но перед этим, изо рта женщины вырывается синеватое облачко и втекает в поверхность пылесоса. Что это?

Душа? Да, скорее всего. Они одушевляют предметы. Улучшают, делают неживое живым.

Пячусь назад, но иду не к выходу, а в другой зал, откуда отчётливо, до слёз, до рвотных позывов разит болью и ужасом.

В прозрачных пеналах, заполненных лёгкой голубоватой дымкой, словно в гробах, неподвижно лежат люди, женщины и мужчины, молодые и в возрасте. Среди множества лиц я узнаю и холёное, надменное лицо Змеи. Они неподвижны, но живы. Сомкнутые веки, расслабленные мимические мышцы, грудь поднимается едва-едва. Сырьё, для изготовления мупов! Вот почему, Олеся так трепетно относится к магически-улучшенным предметам! И вот к чему утром была обронена Крабичем фраза о новом пылесосе. Светы больше нет, есть теперь чёрный круглый жучок, глотающий пыль день изо дня. Обладает ли душа памятью? Будет ли пылесос знать, что был когда-то Светой, имел троих детей и завивал волосы на старомодные пластиковые бигуди? Однако смрадный запах страданий доносится не от гробов. Им разит от клеток, расположенных у дальней стены комнаты. В них, всхлипывая и ёжась сидят обнажённые люди, двое мужчин и одна немолодая женщина. Кажется, неделю назад я видела их в числе студентов. Что с ними произошло? Не сдали зачёт? Нагрубили кому-то из преподав? Женщина резко дёргает головой, упирается в меня остекленевшим, ничего не выражающим взглядом, раскрывает рот в беззвучном крике.

Иду дальше, в чернеющий зев следующей комнаты, а переступив её порог распахиваю рот в удивлении. Гараж, огромный, освещённый лишь маленькой мигающей лампочкой на потолке, наполненный машинами разных цветов и размеров. Юркие гоночные и тяжеловесные вездеходные, мини-автобусы и грузовики, все неживые, молчаливые, ждущие своего часа. В каждую из них рано или поздно отправится душа несостоявшегося студента. Вот он тайный секрет железных коней! Секрет любого транспортного средства, от мопеда до самолёта.

Делаю шаг назад, затем второй и третий. А потом, развернувшись спиной к голым людям и прозрачным капсулам, ухожу, как можно быстрее, проклиная неповоротливую ногу.

Кажется, что я ковыляю слишком медленно, что меня вот-вот обнаружат. Живот скручивает болью, лёгким не хватает воздуха. Нога тяжелеет с каждой секундой. Лифт близко, так близко, что можно рукой дотянуться, однако, я никак не могу пройти. Шаг, ещё шаг. Ноги подкашиваются, обессиленно сажусь возле кабинки, припадаю щекой к холодному железу дверцы, перевожу дух. Затем, встаю, изо всех сил жму на проклятую кнопку, а когда створки распахиваются, вваливаюсь внутрь. Наверх! Немедленно наверх!

Немая душная ночь кажется вечностью. Я, то забываюсь тревожным, тяжёлым болезненным сном, то просыпаюсь, сажусь в кровати, оглядываю комнату и вновь опускаю голову на мокрую от пота подушку.

– Итак, вы- студенты первого курса факультета прикладной магии магической академии. А я- куратор вашей группы, ваш царь и бог, решающий кому из вас жить, кому умереть, а кому остаться калекой или уродом. По сему, уважаемые студенты, искренне советую вам беспрекословно меня слушаться и ловить каждое моё слово.

Вот он – настоящий Данила Молибден. А вся его солнечность, мягкость – романтическая чушь, мною самой и придуманная. И такой Крокодил – безжалостный, жестокий монстр, мне не нужен. Не нужен и этот проклятый остров с лазурными пляжами, живописными закатами, чирикающими птицами и тёплыми ласковыми ветрами. Домой! Немедленно домой! В пузырьке ещё осталось несколько капель зелья, и, возможно, этого количества хватит на то, чтобы следующей ночью, оглушить и меня и Анатолия.

Принятое решение позволяет немного успокоиться и погрузиться, наконец, в тягучий вязкий сон без сновидений.

Глава 18

Иду, ориентируясь на широкую спину Анатолия, подсвеченную жидким, скудным, едва пробивающимся сквозь густую растительность, светом луны. В одной руке палка, на которую я опираюсь, другой же, свободной, раздвигаю плотные занавески свисающих лиан. Зелье глухоты действовало недолго, от силы минут десять, однако, этого нам хватило, чтобы выйти за территорию академии и нырнуть в темноту джунглей. Ночные джунгли голоса на все лады. Грубо и резко вскрикивают птицы, надрывно верещат цикады, в зарослях высокой травы и разлапистых папоротниковых кустах шуршат какие-то мелкие зверьки. Воздух густ и влажен, насквозь пропитан душистыми ароматами южных цветов и свежестью зелени. Рубашка противно липнет к телу, лицо и шея нестерпимо чешутся от, бегущих по коже, капель пота. Лямки, набитого до отказа, рюкзака давят на плечи. Нога отзывается ноющей болью, а перед глазами, огненными, смеющимися буквами пляшет слово: «Безумие».

Да, нужно быть последней душой, чтобы выйти в джунгли среди ночи, безоружными и ногой, больше напоминающей покорёженную дубинку, чем нижнюю конечность. Чёрт! А ведь шансов умереть у нас воз и маленькая тележка. Что мне, что моему спутнику ничего не стоит наступить на змею или нарваться на какого-нибудь ночного хищника. Судя по

скулящим матюгам Анатолия, бывший чиновник мне не помощник и, особенно рассчитывать на его защиту, не стоит.

– Стой же, гадёныш, – сипит чиновник, злясь на, катящийся впереди, волшебный клубочек. – Не успеваем, не успеваем!

Затем, оборачивается ко мне. В темноте, я не вижу его лица, но кожей чувствую полной злобы и раздражения взгляд.

– Тащишься, как черепаха, – выплёвывает он. Я молчу. Сил и без того нет. Лёгкие горят огнём, плечи и ноги ноют.

Давлю в себе чувство вины за свою медлительность. Не время рефлексировать, не время сетовать на свою немощь! Нужно отвлечься, абстрагироваться. Соберись, Илона, терпи! Ты ведь изначально знала, что дорога лёгкой не будет.

Думай о Полине! Что она сейчас делает? Бросила ли учёбу окончательно? Чем питается? Ведь точно суп готовить не будет. Как пить дать, кусочничает или перехватывает какую-нибудь гадость в ближайших забегаловках.

Нет, по лесам с буйной растительностью, я не ходок. Однако, мысли о доме прибавляют сил. Сколько же нужно всего сделать! Найти работу, расплатиться за аренду квартиры, Полька, наверняка, этого не делала, сходить в училище и узнать об успеваемости сестры. Наверное, в моём городе уже снег, и мороз кусает щёки. Ой! А ведь в квартире не заклеены окна, и в комнате, наверняка, очень холодно. Нужно перестирывать бельё, отмыть полы и сантехнику, протереть пыль. Полинка, скорее всего, всё запустила. Она не любитель на-

водить порядок.

Оглушительный визг прерывает поток приятных мыслей, грубо возвращая в душную, тёмно-зелёную действительность. Перед нами вспыхивают один за другим цветы, розовые, кроваво-красные, ядовито-жёлтые. Их лепестки светятся, разрывая ночной мрак. Однако, самое гадкое, не это странное свечение, а мерзкий, выбивающий слёзы из глаз, вызывающий рвотные позывы гнилостный запах разлагающегося трупа. Задерживаю дыхание, останавливаюсь, и только спустя несколько секунд, мысленно хвалю себя за правильное решение. Цветы слепы, и реагируют на звук. Мой инстинкт самосохранения сработал быстрее, чем я это сумела осознать. Зато Анатолий продолжает визжать, стараюсь обойти, висящие на лианах гигантские, величиной с тазик, пасти зловонных цветов. Они же, синхронно поворачивают головки в его сторону, и я, отчего-то, понимаю, что этим наше знакомство с цветами не закончится, уж слишком рьяно пульсируют и набухают сердцевины и подрагивают, словно в предвкушении добычи, лепестки.

– Заткнись! – ору я так, что у самой звенит в ушах. – Они реагируют на звуки! Замри!

Цветы, словно по команде, поворачивают головки в мою сторону, и это даёт чиновнику шанс. Однако, он этот шанс игнорирует, продолжая истерично визжать и размахивать ножом.

– Суки! Суки! Суки!

Жирная рука, с зажатым в ней ножом. Беспорядочно машет, то делая выпад вперёд, то взлетает вверх.

Успеваю упасть на землю, перед тем как из чёрных сердцевин хищных растений вырываются острые длинные шипы. Подтягиваюсь на локтях, обхватываю ногу Анатолия, пытаюсь повалить его на землю, но тот лягает меня пяткой ботинка в плечо. Отлетаю в сторону, перед глазами на мгновение чернеет от стреляющей боли. Держусь из последних сил, чтобы не завопить, утыкаюсь лицом в траву.

– Суки! Суки! Суки! – продолжает орать Анатолий. – Что за хрень?

Запах мертвечины густеет, слышится какое-то бульканье и чавканье.

Визг становится ещё тоньше, ещё пронзительнее, до звона в барабанных перепонках, а затем, наступает абсолютная, страшная тишина. Замолкают и птицы, и цикады. Осторожно приподнимаюсь на локтях, ощущая боль в ушибленном плече, оглядываюсь. Цветы, захлопнув свои хищные пасти, вновь сливаются с окружающей зеленью, о произошедшем напоминает лишь, словно зависшее над землёй, пронзённое насквозь тонким шипом, тело Анатолия, нелепо раскинувшее по сторонам руки.

Подползаю к мужчине, трясусь, с начала осторожно, затем, сильнее. Анатолий не реагирует. Поднимаю пухлую руку, в свете луны блестит браслет от часов и обручальное кольцо на безымянном пальце. Пытаюсь нащупать пульс, но лучевая

артерия нема, ни одного толчка. Кладу ладонь на сонную, но и на ней пульс не прощупывается. Рассматриваю половину шипа, торчащую из спины, вторая половина пробила грудину. Это-смерть, верная и неотвратимая. Десятки других, таких же шипов торчат в земле и в стволах ближайших деревьев.

Внутренности скручивает в болезненной спазме. Меня выворачивает наизнанку, и сотрясает крупной, противной дрожью. Зелёная тьма джунглей, тошнотворное дыхание цветов, пронзённое шипом мужское тело, гнойник луны в черноте равнодушного неба, всё это кажется дурным, нелепым сном. В моей жизни не должно быть таких ужасных моментов. Да, она – моя жизнь, скучна, наполнена рутинными проблемами и делами, тревогами, порой глупыми и накрученными мною же, но не такой. Осознание того, что я в джунглях совершенно одна, пронизывает тело электрическим током. Одна, среди враждебной природы! Нет! Судьба не может быть ко мне настолько жестокой. Наверняка, в теле Анатолия теплится хотя бы маленькая искорка жизни. Протягиваю руки к мужчине, закрываю глаза в ожидании того, что перед внутренним взором вспыхнет цвет, любой, синий, красный жёлтый, готовлюсь к ощущениям, тоже любым, ведь Молибден предупреждал, ощущение холода, жара, прикосновения к чему-то липкому, скользкому, шершавому. Собираюсь начать путешествие по облаку чужой ауры, но всё глухо. Я ничего не вижу и ничего не ощущаю, лишь пустоту.

Страшную пустоту, свидетельствующую о смерти. Беззвучно плачу, глотая солёные, с привкусом крови из прокушенной губы слёзы.

Ах! Вернуться бы в свою, привычную жизнь, к Полине. Тусклая лампочка под пожелтевшим потолком, включённый телевизор, сериал сквозь шум и помехи, жаренные семечки на газетном листе и чувство умиротворение, которое изредка нарушается ожиданием телефонного или дверного звонка. Ведь в любой момент мог кто-то из Полькиных друзей позвонить или зайти, отняв у меня сестру на целый вечер.

Господи! О чём я думаю! Прямо на моих глазах умер человек, мой однокурсник, а я... Это шок. Защитная реакция на стресс. Иначе, я сойду с ума.

Отползаю от тела, прислоняюсь к стволу ближайшего дерева, кладу голову на сомкнутые колени. Сейчас двигаться дальше – безумие. Сколько ещё подобных цветочков мне может встретиться? Останусь тут, а утром решу, что делать. Хорошо бы на дерево залезть, но больная нога этого не позволит. Ладно, двум смертям не бывать, одной не миновать. Если уж суждено мне погибнуть от зубов хищника, так тому и быть. В любом случае, ничего я предпринять не смогу.

Глава 19

Просыпаюсь от боли в затёкшем теле и неприятного гудения. Какое-то время не открываю глаза, стараясь вспомнить, где нахожусь и по какой причине все мышцы ноют так, словно на мне всю ночь мешки таскали.

В первые секунды после пробуждения проблема не кажется настолько страшной, каковой казалась перед сном. Человеческий мозг щадит своего носителя от безумия, даёт привыкнуть к окружающей действительности, осознать, что он всё же жив, а это не так уж и мало, ведь после сна, он наиболее уязвим. Но это лишь в первые минуты. Затем, весь ужас произошедшего возвращается вновь, вот только, окунуться в сон и заставить себя думать, что после пробуждения будет всё иначе, уже нет.

– Дура! Ты – самая настоящая дура, Илона, – эта мысль приходит в голову первой, стоит мне открыть глаза и оглядеться.

Источник гадкого гудения находится сразу. Трупп, уже начинающий разлагаться, что не мудрено на такой-то жаре, окутан зелёным облаком мух. Внутренности вновь сжимаются в рвотном спазме, однако извергать больше нечего, и я какое-то время, отвернувшись в противоположную сторону, гляжу на занавеску зелёных лиан. Мысли ворочаются неуклюже, медленно, словно жирные улитки. Думаю, о том, что

нужно бы похоронить Анатолия, но нет лопаты, думаю о том, куда двигаться теперь, вперёд или назад. Понимаю, что ни того, ни другого делать не хочется, а хочется спать и пить. Открываю рюкзак, отпиваю несколько глотков из пластиковой бутылки. Цепляюсь взглядом за рюкзак однокурсника. Ему он уже без надобности, а мне пригодиться. Подтягиваю к себе, беззастенчиво роюсь. Две бутылки воды, печенье, нож, спички, чемоданчик с муп лодкой внутри. Перекладываю вещи в свой рюкзак, поднимаю с земли палку, поворачиваюсь в ту сторону, откуда мы пришли. Мысль о возвращении соблазнительна, наверняка, мы не успели уйти слишком далеко. Холодный душ, апельсиновый сок, чистая одежда и Молибден.

– Ты – расходник, ты- мусор! – раздаётся в заторможенной жарой голове, а память услужливо подкидывает искажённое болью лицо Светланы, желтоватое свечение, исходящее от ладоней преподавателей, прозрачные гробы с неподвижно лежащими в них людьми. Поворачиваюсь в гудящую мухами сторону.

Ну уж нет! Сырьём для изготовления игрушек для богатеньких уродов я быть не желаю. Катись ко всем чертям, Данила Молибден, и прощай! Решительно надеваю на плечи, изрядно потяжелевший рюкзак, бросаю впереди себя клубок и, опираясь на палку, иду дальше.

Спустя несколько минут, тело однокурсника остаётся позади.

Жара, мелкие противные насекомые, лезущие в нос, глаза и рот, тяжёлая, почти ничего не соображающая голова. Кажется, пейзаж вокруг не меняется, те же сплетённые гибкими ветвями между собой, деревья, разлапистые заросли папоротника, солнце проникает сквозь полог листвы горячими пальцами, крики птиц и каких-то зверьков. Хотя нет, изменения всё же ощущаются, но не в окружающей действительности, а в моём теле. С каждым шагом боль в ногах усиливается, а в ботинках становится липко и влажно. Ноги стёрты в кровь, что весьма опасно при такой жаре и в данных условиях.

Сажусь на землю, снимаю ботинок. Да, кожа на подошве лопнула в нескольких местах. Длительные пешие прогулки не для таких неженков, как я. Меня и в школьные походы никогда не брали. А вот сестрица моя была профи. Знала, как правильно установить палатку, как грамотно разжечь костёр, какие ягоды и корешки можно есть, а какие не следует, отлично разбиралась в грибах, любила рыбалку, и даже, пару раз, собиралась отправиться с друзьями на охоту. Однако я не отпускала, претворялась больной. И Полька, извинившись перед компанией бесшабашных дураков, разгрузила рюкзак, швыряла на антресоль сапоги и оставалась за мной ухаживать. О! Это были чудесные дни. Я точно знала, что никто из её развесёлой компании нас не потревожит, Полька была в безопасности, и мы могли целый день смотреть фильмы, играть в шахматы или просто болтать обо всём

на свете и ни о чём.

Достаю бинт, обматываю с начала одну ногу, затем другую. Рядом со мной откуда-то сверху приземляется какой-то камешек, затем второй и третий. И только после нескольких попаданий непосредственно мне в плечо и макушку, мой, затуманенный мозг начинает подавать сигнал бедствия. Кто-то чем-то кидается сверху, причём, непосредственно в меня, о чём свидетельствует хулиганистый, словно насмешливый визг. Поднимаю глаза, на одной из веток сидит мартышка, рыжеватая, лопухая, с длинным хвостом. Чуть подаль от неё, вторая, третья носится по веткам. Все три визжат, метая в мою сторону снаряды. Нужно убираться, ведь обезьянам всё равно, чем бросаться. Они способны запустить не только ягодой с ветки или засохшей какашкой, но и чем-то поуверсестее.

Встаю, стараюсь идти быстрее, однако больная нога цепляется за сучки, и торчащие из земли корни. А мартышки продолжают резвиться. В шею, голову, спину летит какая-то мелочь. Наклоняюсь, чтобы убереечь лицо от обстрела, но это помогает мало. Стайка обезьянок меня преследует целенаправленно, а калибр снарядов становится всё крупнее. Камешки, ветки, орехи, куски кала. Меня гонят, наверное посчитав угрозой, ведь животные никогда не станут нападать просто так, только ради защиты или насыщения. Но, от этой мысли мне не легче. Удары всё болезненнее, обезьян наверху всё больше. Они везде, качаются на лианах, прыгают с вет-

ки на ветку, мелкие, крупные, рыжие и коричневые. Верещат и повизгивают. В затылок ударяется нечто крупное. Тупая боль оглушает, ослепляет, и я валюсь на подушку густой травы. В нос ударяет пряный травянистый дух и запах свежей мертвечины. Наверное, неподалёку сдох какой-то зверёк. Теряю сознание всего на несколько секунд, так как в чувства меня приводит новая боль. Видимо, мартышек моё падение не обмануло, и мёртвой они меня не сочли, так как кидать в меня разной пакостью продолжили с новой силой. Ползу вглубь каких-то зарослей, стараясь не думать, что и там, в раскидистых кустах кудрявых и ажурных, словно кружево, меня тоже может поджидать опасность, и вполне возможно, посерьёзнее хулиганистых мартышек. Да и от клубочка, оставшегося лежать на земле, тоже уходить нежелательно. Ползти неприятно. Земля, несмотря на изнуряющую жару, влажная и липкая, в колени и локти впиваются камешки и ветки, да и не столько во мне силы, чтобы тянуть своё тело на локтях и пузе, да ещё и с приличной ношей за спиной. Спрятавшись в зелени кустарников слежу за суетой обезьян. Те, с начала, продолжают прыгать, визжать, словно чувствуя, что я нахожусь неподалёку, затем, постепенно расходятся.

Выбираюсь из своего укрытия, грязная, вспотевшая, обесиленная. Иду дальше. Куда? Зачем? Несколько раз останавливаюсь, делаю пару глотков из бутылки, но облегчения не ощущаю, всё так же хочется пить. А вот печенье так и лежит не распакованное, аппетита нет совершенно. В голове кру-

тятся обрывки из недавно прослушанных лекций, каких-то песен, цитаты прочитанных книг. Хаотично, без всякой системы информация мечется в сознании бесформенными разноцветными пятнами. От гадкого, назойливого гнуса даже не отмахиваюсь, сил нет.

Моё движение вперёд останавливает предупреждающее шипение. Прямо передо мной, свернувшись кольцами лежат несколько крупных, чёрных, с жёлтыми продольными полосками змей. Одна из них, самая крупная, с раздутым жёлтым капюшоном, уже готова броситься в мою сторону. Её напряжённая верхняя часть, прямая как палка, неоднозначно свидетельствует об этом. По телу пробегает противный озноб, пытаюсь сглотнуть, но слюны нет, во рту сухо и горько, чувствую, как от ужаса, древнего, унаследованного далёкими предками, трясётся нижняя челюсть, а вдоль позвоночника стекают холодные капли пота. Прячу за спину палку, чтобы не спровоцировать начало змеиной атаки, отступаю назад.

– Ухожу! Ты видишь, я ухожу, – уговариваю я рептилию, отступая дальше и дальше.

Змея сдувает свой капюшон, расслабляется и вновь ложится, принимая форму кольца. Я же забираюсь в кусты. Ничего страшного, пройду параллельно тропе. Обойду змей и вновь вернусь. Но параллельный путь оказался не столь комфортным. Поваленные деревья, с торчащими во все стороны ветками, булькающие, зловонные болота, с начала небольшое, в которое я едва не наступаю, чуть дальше – широкое,

подёрнутое тонкой желтоватой маслянистой плёнкой.

Бездумно, механически переставляю ноги, всё сильнее опираясь на палку. В какой-то момент с отрезвляющим ужасом осознаю, что воды больше не осталось. Дура! Путь ещё не пройден, а я выпила всю воду. Лихорадочно роюсь в рюкзаке, но чудес не бывает, и в этом приходится в очередной раз убедиться.

А небо поменяло свой цвет. Не дрожат золотистые солнечные пятна, размазанные по траве, не проглядывает сквозь листья деревьев пронзительная южная синь. Всё вокруг стало тревожно-красным, словно на лес набросили алую вуаль. Да, должно быть, это очень красиво смотрелось бы на цветных фото, или картине, и очень романтично для праздно шатающихся парочек или болтающих у костра туристов, но никак не для девушки с покалеченной ногой, страдающей от жажды и бесконечности пути, заблудившейся в чёртовом лесу. Да, пора уже признать, я заблудилась. А ещё, дура такая, потеряла клубок. Хотела обойти лежбище змей, затем, поваленное дерево, продиралась сквозь лианы, обходила болотца, так и потеряла тропу, а проводник, должно быть канул в одном из болот или застрял в зарослях.

В сердце что-то резко и коротко стреляет в предчувствии беды. Обострившийся инстинкт самосохранения и пробудившаяся генетическая память, вопят о том, что в воздухе явственно пахнет приближающейся смертью и нужно спастись. Вот только как? Ни сбежать, ни вскарабкаться на де-

рево я не смогу, а моя палка-подпорка, мягко говоря, не слишком-то сойдёт за оружие. Вытаскиваю из рюкзака нож. И плевать, что я никогда не рассматривала ножи в качестве оружия, и видела в них лишь кухонную утварь. Плевать, что я понятия не имею, как и куда наносить удары. В любом случае, с ним немного спокойнее. Воздух вибрирует от напряжения, в животе скручивается тугий узел, в ушах бухает собственный пульс. Меня окружают. Я ощущаю это каждой клеткой кожи, чувствую вибрацию земли от топота множества лап, слышу всхлипывания и протяжный вой, вой победителей. Ведь исход боя уже предрешён.

Глава 20

Старый трудовик Константин Савельевич мог часами говорить о собаках. У него самого было целых два пса, с которыми он, во время школьных каникул выезжал на охоту.

– Покурим? – спрашивал он меня на одной из перемен.

Я кивала в ответ, и мы шли в небольшую комнатушку, предназначенную для хранения швабр и вёдер.

Заядлой курильщицей я не была, и затягивалась длинной женской сигареткой с ментоловым вкусом лишь в компании трудовика – единственного во всей школе, человека, хорошо относящегося ко мне. Мы курили, и старик, выпуская в закопчённый потолок кольца едкого дыма говорил о собаках, их повадках и воспитании. Историчка и химичка, смоля в стороне от нас, окидывали меня и трудовика уничижительными взглядами и дурашливо хихикали, периодически отпуская пошловатые шуточки, от чего, мои уши и щёки вспыхивали, а кулаки сжимались от желания вмазать как следует по холёным покрашенным мордашкам. Трудовик же, казалось, вовсе ничего не слышал, и не замечал, оседлав своего любимого конька и продолжал, как ни в чём небывало болтать на любимую собачью тему.

– Никогда не беги от собаки, – поучал старый педагог. – Это будет означать, что началась погоня хищников за добычей. Остановись и облокотись о ствол дерева или стену. Так

ты не дашь возможности хищнику повалить тебя на землю. Сними с себя что-нибудь и намотай на руку, чтобы пёс кусал эту тряпку, а не другие части твоего тела. Отбивайся в первую очередь от вожака. Используй, в качестве оружия любой предмет, камень, палку, нож. Бей по болевым точкам, по шее, месту между ушами, кончику носа, солнечному сплетению.

– Спасибо за науку, – благодарю мысленно старого трудовика, прислоняясь плотно к шершавому стволу дерева. Сдираю с себя кофту, обматываю ею левую руку, правую, с ножом, прячу за спину.

Внутренности вибрируют от напряжения и паники, колени дрожат, сжимаю челюсти, чтобы не выпустить из пересохшего горла жалобный вой – вой загнанной жертвы. И это я сейчас буду драться со стаей шакалов посреди джунглей? Я – трусиха и слабачка, которая готова разреветься от любого, грубо-произнесённого слова? Да тебя эти твари сожрут и кости обглодают! Куда ты полезла, Илона? Уж лучше бы в академию вернулась. Что, гордость выиграла? Чувства твои растоптали? Сорвали розовые очки? А ведь тебе сразу же, по прибытию на остров дали понять, кто ты, и что от тебя нужно. И даже решившись на побег, ты, дура такая, рассчитывала всё это время, что Молибден кинется на твои поиски? Начнёт волноваться, корить себя, а потом в путь-дорогу отправиться, тебя- красавицу искать. А когда найдёт, начнёт клясться в том, что всё не так. И с Натабеллой у него ничего

нет, и в подвале Свету просто лечили от безумия. Идиотка! Вот сейчас сожрут тебя и по делом!

От слёз бессилия и отвращения к собственной глупости всё плывёт, растекаются, размазываются ветви деревьев и сплетённые между собой лианы, заросли папоротника, жёлтые бамбуковые стволы.

В голове бьётся неуместная, но такая назойливая мысль о том, что у меня совсем не осталось воды, ни единой капли. Сглатываю шершавый, колючий комок.

Стая из шести или семи шакалов возникает передо мной внезапно. Их тёмные, крепкие, напряжённые тела в красном мареве заходящего солнца кажутся ещё более угрожающими.

Колени трясутся, чувствую, как на затылке поднимаются волоски, как мышцы превращаются в кисель. Это – шакалы, их много, они голодны и пришли на запах крови от моих стёртых подошв. А ещё, эти твари на своей территории. Красные пасти раззявлены, острые кривые зубы обнажены, с высунутых языков капает слюна. Кожей ощущаю гнилостное, горячее дыхание хищников.

Один, самый крупный шакал, с желтоватыми подпалинами на шкуре, поджимает задние лапы и прыгает вперёд. Словно в замедленной съёмке вижу, как к моему лицу приближается влажная, зубастая пасть, дёргается чёрный нос, в налитых кровью глазах плещется голод. Выбрасываю навстречу пасти руку, перебинтованную кофтой, и ощущаю

ослепляющую, отупляющую боль. Желая прилипнуть ступнями к земле, а спиной к дереву, чтобы не упасть. Вскидываю руку с ножом, вонзаю остриё в шею шакала. Хищник визжит, рукоять ножа становится липкой от крови и вытекающей из распахнутой пасти слюны, и я с ужасом понимаю, что осталась без оружия. А вокруг воеет ещё несколько тварей. Шакал дёргается назад, и нож, застрявший в его шее, выскальзывает из моих рук, а я сама опрокидываюсь на землю. Мысль об отсутствии ножа и падении царапает едва ощутимо и отстранённо, так как это моя последняя здравая мысль. Сознание до краёв наполняется бесполезной паникой. Я ползу, беспорядочно молочу руками, а вокруг меня пасти, вонючие, влажные, омерзительно-розовые. И боль, боль, боль. Каждая клетка моего тела вопит от боли и ужаса скорой смерти. Меня рвут, мною елозят по земле, облизывают и кусают. А я жду забвения или смерти, чтобы раз – и всё, кромешная, непроглядная тьма. Но нет, смерть не торопится прийти за мной. Лишь безумная боль, превратившая меня в вопящий, окровавленный кусок мяса. Чавканье, вонзившихся в плоть клыков, хлюпанье моей собственной крови, оглушительный хруст костей.

Дальше, начинается происходить и вовсе невероятное. Но мой мозг больше не в силах оценивать ситуацию, и уж тем более, удивляться. Потому, происходящее я воспринимаю, как бред умирающего, сошедшего с ума от боли человека.

Пространство прошивают синие вспышки молний. Они

трещат, делая воздух ещё более густым. Шакалы визжат, падают на землю, суча лапами и корчась от синих разрядов. Пахнет палёной шкурой, кровью, и озоном. Моё тело больше не терзают, но боль никуда не уходит. Она везде, в цветах, звуках, в запахах, в каждом моём вдохе и каждом выдохе. Закрываю глаза в ожидании спасительного обморока.

Чьи-то сильные руки подхватывают меня с земли, прижимают к горячей, широкой груди. Вдыхаю такой знакомый, такой долгожданный запах, понимая, что этим рукам и этой груди можно доверять. Только им и можно. Боль не отступит, но стыдливо ёжится, как снег в начале апреля. А в затухающем сознании слабо ворочается одна-единственная мысль, что в кольце этих рук и умереть не страшно.

– Какая же ты дура, Мелкая, – шепчет он.

А если это сон? Бред? Агония затухающего сознания? Ну и хрен с ним! Главное, что бред приятный.

Молибден рисует что-то в воздухе, и перед нами вспыхивает розовое, светящееся кольцо, ширится разгораясь всё ярче и ярче, пока не превращается в ворота, за которыми темнота. Ну и пусть, с ним я и в темноту согласна. Лишь бы держал вот так, лишь бы гладил ладонью по волосам. Молибден делает шаг вперёд, и я отключаюсь.

Глава 21

Ничего нет, лишь давящая, непроглядная тьма и распирающая боль во всём теле. Кажется, что я надуваюсь, с каждой секундой становясь всё огромнее, всё безобразнее. Чувствую, как до катастрофически-невероятных размеров раздувается большой палец правой ноги. Ширится, обрастает уродливыми бородавками. Стараюсь вспомнить, бывало ли такое со мной когда-нибудь, а если и бывало, то как назвать это состояние. Ведь если знаешь, то сможешь себе помочь. Но память глуха, она ничего не выдаёт, и даже картинки предшествующих данному моменту событий не показывает.

– Ты чокнутая, ты реально чокнутая, Илонка, и очень смелая, – доносится откуда-то из далека женский знакомый голос. И я цепляюсь за тонкие, серебристые нити этого голоса, прорезающий густой мрак. Отчего-то я боюсь этой темноты, боюсь провалиться ещё глубже. – Слышала бы ты, как лютовал Молибден. И ладно бы просто орал на студентов или преподавов, он самого ректора готов был убить. Мол, давно пора запретить свободный выход студентов в джунгли, что территория академии должна охраняться. А потом, отправился за тобой, и притащил сюда, окровавленную и без сознания. Давай, подруга, выздоравливай. Плевать, что тебя привязали, в конце концов, это всё равно бы произошло. Главное теперь, сдать экзамены. Молибден к тебе неравнодушен. Сто пудов,

ты для него не просто студентка, поэтому, тебе повезло. Используй его отношение в свою пользу, если хочешь выжить.

– Кости мне перемываешь? – темноту взрезают янтарные лучи. – Женщины, есть женщины. Раз ты здесь, то помоги мне её напоить.

Прикосновение чьих-то сильных, но таких ласковых рук, жидкость с древесно-ягодным вкусом течёт по горлу, боль отступает, а окружающий меня мрак, становится мягче и жиже.

– А что вы ей даёте? Что за зелье?

– Травяное обезболивающее, заряженное моей энергией. На пятом курсе будете учиться такое готовить.

– А нашего болеющего императора этим тоже лечат?

– И этим, и многим другим. Но знаешь, в чём секрет настоящего целебного зелья? Как сделать так, чтобы оно помогло гарантированно?

Лучи легко, едва уловимо касаются моих уродливых ладоней, щёк, лба.

– И в чём же?

– Действие зелья усиливается энергией любящего человека.

Боль то приходит, то растворяется.

– Давай, Мелкая, – часто звучит во мраке. – Пора пить лекарство.

Порой у меня нет сил даже на то, чтобы разжать тяжёлые, неподвижные, громадные губы, и тогда, я слышу:

– Мелкая, сделай ещё глоточек. Пожалуйста, ради меня.

От этого голоса всё моё безобразно-раздувшееся тело пронизывает золотистыми иголочками, и мне ничего не остаётся, как только, сделав над собой усилие, открыть рот и проглотить. Я не знаю, кто со мной разговаривает, не знаю, почему мне так важно видеть янтарные лучи во тьме, но боюсь не услышать этого голоса, боюсь остаться одна.

Серебристые ниточки тоже периодически вспыхивают, вибрируют, рассказывая что-то, называя какие-то имена. И я жадно вслушиваюсь в этот чистый, прозрачный звон. Смысла не улавливаю, просто мысленно хватаюсь, стараюсь удержаться, зацепиться, отодвинуть, хотя бы на мгновение, гадкое ощущение деформации собственного тела. Прихожу в себя как-то вдруг, резко, понимая, что меня разбудил чей-то оживлённый, какой-то нервный разговор.

Голоса звучат гулко, распространяя вибрирующее эхо, отражающееся от стен. Один – молодой, тёплый и мягкий, словно кошачий мех, второй – резкий, скрипучий, будто ржавые дверные петли. Боюсь появления боли, хочу вновь погрузиться в такое уютное, чёрное беспмятство, потому, стараюсь не улавливать смысла услышанного. Ведь если вникну в смысл произносимых слов, то вернусь в своё истерзанное в клочья, тело. Но, бьющие по стенам, разноцветные капли звуков твердеют, образуясь в слова, принимают форму, превращаясь в предложения, нанизываются на нить, образуя фразы.

– Ты молодец, мой мальчик, – скрипит старый голос. – Ты всё сделал правильно, и маячок повесил, и к острову привязал. Однако, мне одно остаётся непонятным, чего ты тянул всё это время? Почему не зажёл свечу?

– Потому, что она не безликий объект, а молодая девушка. И я не хочу причинять ей боль, – в молодом голосе слышится усталость, раздражение и тревога.

Воображение рисует яркую картинку, тонкая свечка в большой могучей мужской ладони. Крохотный рыжий огонёк, едва рассеивая густой мрак, трепещет на фитиле. Однако, тьма дышит холодным ветром, пытаюсь затушить пламя, уничтожить, и только тому, кто держит свечу решать, светить ли огоньку, защитив его второй ладонью, или погаснуть в холодной пасти ненасытной темноты. Отчего-то я волнуюсь за свечу, хочу, чтобы маленький оранжевый треугольник света продолжал гореть.

О нет! Это уже чувства! Не надо чувств, пожалуйста. Ведь сейчас накатит боль. Но боль не приходит. Осторожно вдыхаю и выдыхаю, шевелю пальцами рук, затем ног, напрягаю и расслабляю мышцы живота, сглатываю слюну. Кажется, нигде не болит, да и другие неприятные ощущения, тоже отсутствуют.

– Она всё равно погибнет, это неизбежно, – скрип и скрежет старческого голоса становится всё пронзительнее, всё неприятнее. – Для того, мы и забрали её с материка. Свеча должна выполнить своё предназначение и погаснуть. У нас

мало времени, Данила. Если не зажечь её в ближайшее время, за ней явится инквизиция. Её ищут и в конце концов, найдут. Или ты думал, что так легко смог провести верховного инквизитора?

Тяну осторожно носом. Воздух сырой, пахнет мокрым камнем, морской солью и ещё чем-то странным, пряным и свежим.

– Я всё сделаю, ректор Крабич, будьте уверены.

– Да уж, сделай милость. Мне ли тебя учить, солнечный Данилка? – старик смеётся, и этот смех, больше похожий на кваканье жабы, вызывает внутри скользкое чувство опасности. – И помни, Молибден, свеча- наш единственный козырь. Только так мы сможем спасти остров.

Шум удаляющихся шагов, звон капель, срывающихся откуда-то сверху, клубок, смешавшихся между собой мыслей, усталость во всём теле. Я вновь погружаюсь во тьму, окрашенную разноцветными всполохами, бирюзовыми, карминовыми, огненными. Я плаваю в жидком мраке, наслаждаясь невесомостью и покоем, что он дарит. Ни страха, ни боли, ни тревог. Кто я? Где я? Какая разница? Главное, здесь, в этом месте так хорошо, так тихо.

– Ты расходник, ты мусор! – резкие, бьющие наотмашь слова пронзают темноту сверкающим, острым лезвием. Грудь сдавливается в тисках, по венам бежит жгучая горечь, из глаз выплёскиваются слёзы. Горячие, едкие. Распахиваю глаза, оглядываюсь вокруг. На каменных, неровных

стенах пляшут ярко-зелёные отблески. Потолок низкий, такой же неровный. Сама я лежу в какой-то чаше, и по ощущениям, тоже выбитой из того же камня, и слева, и справа располагается ещё несколько подобных чаш, только пустых. Всё моё тело опутано светящимися лучами, именно их зеленоватое свечение и отражается на стенах. Просто лучи, они не стягивают, не жгут, в общем – никакого дискомфорта не доставляют.

Некрасиво шмыгаю носом, пытаюсь приподняться, но лучи вспыхивают, словно предупреждая, а телом овладевает оступляющая, мерзкая слабость. Следовало ожидать, что будет нечто подобное. Кто бы мне ещё объяснил, куда я опять влипла?

Память услужливо подсовывает мне последние события прошлого. Джунгли, стая шакалов, разинутые зловонные пасти, руки Молибдена и розовое свечение портала. А ещё, странный, непонятный разговор двух мужчин, старого и молодого, ректора и куратора Молибдена. Но здесь я не уверена, был ли он на самом деле или нет. Да и тёплые руки преподавателя, в которых и умереть не страшно, не причудились ли? Кто знает, на что способно воображение истекающего кровью человека? Однако, если верить собственным ощущениям, я могу считать себя полностью здоровой. По крайней мере, пока лежу в корыте, тело чувствует себя не просто хорошо, а превосходно, как когда-то, в далёком, почти забытом детстве, хоть кросс беги. А вот душа... С ду-

шой как-раз с точностью, да наоборот. Она, исполосованная плетьюми жестоких слов, растоптанная тяжёлыми копытами беспощадной правды, воеет и кровотоцит. Правильно говорят: «Душа пустоты не терпит». Всю мою сознательную жизнь место в ней занимала сестра, после разлуки с ней, его постепенно начал занимать Молибден. Сейчас же, в моей душе зияет огромная каверна. И я ощущаю её, почти на физическом уровне.

Да пошло оно всё! Изо всех сил напрягаю мышцы, игнорируя ослепительный свет лучей. В ушах звенит, голова кажется тяжёлой, словно её набили камнями, спина и ноги наливаются свинцом, а к горлу подкатывает тошнота.

Чертыхаюсь, матерюсь так, что у нашей детдомовской няньки уши в трубочки бы скрутились.

– Не так быстро, – насмешливый голос застаёт врасплох. Передо мной стоит Молибден, весь свежий, бодрый, словно только что из душа, белоснежная рубашка и такие же брюки великолепно контрастируют со мраком пещеры, на лице белозубая улыбка. Из хвоста, по обыкновению, выбита прядь.

– Чего тебе нужно? – недовольно спрашиваю, понимая, что бессильно бороться с собственной немощью да ещё и в чём мать родила, на глазах у этого отутюженного, чистенького и аккуратненького гада, смешно и жалко. – Припёрся поглумиться над расходником и мусором?

– Вот так ты благодаришь за своё спасение, Мелкая? – гад улыбається во все тридцать два зуба, касается щеки тёплыми,

мягкими пальцами, от чего тело вздрагивает, как от электрического разряда. – Ты понимаешь, что если бы не маячок, мне бы не удалось тебя так быстро найти?

Пальцы Молибдена трясут перед моим лицом цепочкой, с болтающейся на ней синей капелькой. Так вот, что это было! Магическое устройство для слежения за глупыми студентами! Шпионская штучка, ограничивающая нашу свободу. А я-то обрадовалась, сочла подарком. Нет, душой жила и душой помру. Наивной, романтичной душой! Может, он такие маячки на всю группу повесил, только в отличии от меня, никому и в голову не пришло цеплять это на шею и носить в качестве украшения.

– Вам так важна жизнь какой-то слабой студентки, куратор Молибден? – спрашиваю, как можно твёрже, чтобы уж вовсе не разреветься. – Насколько я помню, за потерю студента преподавателей не наказывают. А может, кому-то срочно понадобился пылесос, или утюг, или ещё какая-нибудь магически-улучшенная хрень?

– Мелкая, лично мне нужно, чтобы ты выжила и сдала экзамены. И так будет, ты меня поняла?

От властности его голоса, от обжигающего взгляда, от близости его присутствия, меня обдаёт жаром, а в груди тянет, сжимается и сладко вибрирует.

– А чего я хочу ты спросить не желаешь?

Добавляю, как можно больше яда. Надо брать себя в руки. Кроме тела, которому расшалившиеся гормоны покоя не

дают, у меня есть ещё и разум. А разум вопит: «Не верь!»

– Мне это не интересно, – отмахивается Молибден. Гад улыбается, широко, светло и нежно, как улыбаются несмышлёным детям. – Смирись со своей судьбой, Мелкая. Сбежать отсюда невозможно, умереть я тебе не позволю, завалить сессию не дам. И заметь, ты на данный момент не в том положении, чтобы оказывать сопротивление и диктовать свои правила.

Вот тут он прав. Довольно нелегко бунтовать, когда лежишь в каком-то корыте, опутанная от подбородка до кончиков пальцев зелёной дрянью, а любая попытка подняться оканчивается слабостью и ноющей болью во всём теле.

– Да тут все не в том положении, чтобы оказывать сопротивление, разве нет? В тебе хоть что-то человеческое осталось? Что ты испытываешь, когда слышишь крики жертв в подвале? Совесть по ночам не мучает? Кошмары не снятся?

Чеканю каждое слово, глядя в лицо, мгновенно ставшее каменным, в холодные, стальные глаза. Говорю и понимаю, что мои слова – комариный писк, назойливый, жалкий, но вполне устранимый. Шлёп! И нет комарика.

– У всех свой долг и у всех своя судьба, – цедит сквозь зубы Молибден. – Я тоже мог бы лежать в одной из этих капсул, отдавая свой разум и магию какому-нибудь пылесосу, ножу или стиральному баку, а может и военной машине. Однако, мне повезло больше. Это жизнь, Мелкая. Кто-то просит милостыню на пороге храма, кто-то ловит преступников, а кто-

то сидит на троне. Нигде и никогда не будет счастья для всех, чтобы каждый был доволен.

– Богом себя возомнил? – криво усмехаюсь, едва сдерживая слёзы. Жестокий, беспощадный и беспринципный, вот он какой, мой Крокодил. Не было и нет никакого рыцаря, он существовал лишь в моих наивных мечтах глупой, неопытной девственницы, начитавшейся сентиментальных дешёвых романов. Прикусываю нижнюю губу, запирая внутри себя, рвущиеся наружу слова о своём разочаровании, разбитых чувствах и обиде. Ему это не интересно.

– Я такой же заложник системы, – шепчет Молибден, наклоняясь надо мной, стирая капельку крови с моей прокушенной губы. – А система всегда, во все времена весьма жестока с теми, кто пытается идти против неё. Все преподаватели обязаны делать это. Кроме привязки к острову, становясь учителями, маги присягают Крабичу – верховному королевскому магу, самому сильному магу страны. И после этой клятвы на верность и покорность, ты становишься марионеткой в его руках. Стоит нарушить приказ – ты труп. А я не хочу умирать. Нет, если бы моя смерть что-то изменила, тогда другое дело, можно и жизнью пожертвовать. Но просто так, ради глупого протеста...

– А какого чёрта согласился быть преподадом? Ткал бы коврики, варил бы лечебные настойки, сажал с помощью магии виноград.

– Специализацию выбираешь не ты, а Крабич, министр

управления магией и верховный инквизитор. Собираются учёные мужи, смотрят на тебя и выносят вердикт. Но ты думаешь совершенно не о том, Мелкая, не за то радеешь. Тебе необходимо думать о себе. Скоро экзамены.

– О себе?! – меня трясёт, сама не замечаю, как бьюсь, борясь с проклятой слабостью, пытаюсь подняться, стараясь дотянуться до холёной морды Молибдена, чтобы выцарапать его бесстыжие, равнодушные глаза. – В джунглях погиб Анатолий, я видела, что вы сделали с бедной Светой, любой из студентов моего курса может оказаться в проклятом подвале, а ты просишь подумать о себе? В тебе не осталось ничего святого.

– Именно о себе, – чеканит куратор, хватая мой подбородок, обжигая горячим дыханием. В серых глазах бушуют ураганы, на скулах играют желваки, брови сурово сдвинуты к переносице, а давление пальцев становится столь сильным, что кажется, нижняя челюсть вот-вот хрустнет и раскрошится в пыль.

– Если бы этому жирному козлу удалось выжить, я задушил бы его собственными руками. Насколько же надо было быть самонадеянным ублюдком, чтобы потащить девушку в джунгли, не зная дороги, не изучив местную флору и фауну. Сдох, как собака, так ему и надо. Что касается твоих однокурсников, то всё в их руках. Пусть лучше готовятся, стараются, и ничего плохого с ними не произойдёт. Ты же, с сегодняшнего дня будешь находиться под моим контролем. Я

стану следить за каждым твоим шагом. И ещё, не вздумай открыть рот, иначе Крабич просто уничтожит тебя. Нет, ему будет глубоко наплевать на душевное спокойствие твоих однокурсников, просто он очень не любит, когда кто-то нарушает установленные им правила.

Спокоен, холоден, однако, внушает трепет и подавляет своей харизмой, своей, сдерживаемой лишь его собственной волей, энергией.

– Помнишь, Мелкая, как за мной приехали инквизиторы? – спрашивает собственнически, проводя ладонью по щеке.

– Они пришли в святая святых – в столовую, – отвечаю, радуясь не то возникшим пред мысленным взором картинкам детства, не то прикосновению.

Да что же происходит с моим организмом? Почему я так остро реагирую на него, да, красив, да, сексуален, да, сводит с ума своей дикой энергетикой. Но ведь это дьявол, циничный ублюдок беспощадный и безжалостный. Может, я больная на голову извращенка раз несмотря на открывшуюся правду, как собачонка радуясь его ласке.

– Ага, и оторвали меня, между прочим, от святого дела, – Данька смеётся, садится на край ванны. – А что я тебе сказал в тот день, помнишь? Я обнял тебя, и сказал: «Мелкая, не волнуйся за меня. Я гад живучий. Если будет плохо – выживу, а если хорошо – вернусь за тобой». По тому ты и здесь. Да, твой потенциал ничтожно мал, но ведь он есть, и ты те-

перь со мной.

Его слова обрушивают на меня ушат ледяной воды. В горле от возмущения и негодования становится сухо, а внутри, щекочущие пузырьки нежности превращаются в едкую кислоту.

– Что? – выдавливаю из себя. – Это всё ты? Натравил инквизиторов, сорвал с насиженного места, разлучил с сестрой, подверг унижениям со стороны преподав? А если бы я вышла замуж и родила детей, ты бы оторвал меня и от них? Кто ты такой, Молибден, чтобы распоряжаться моей судьбой?

– Я хотел для тебя лучшей жизни, дурочка, – голос куратора ровный, ведь его обладатель искренне считает, что во всём прав. – И да, я бы забрал тебя и у мужа, и у любовника. Потому, что всю свою жизнь думал только о тебе. Вгрызался в учёбу зубами и когтями, изнурял себя тренировками, а зная о своей сексуальной внешности, соблазнял училок, лишь бы на совете меня назначили преподам. Я ждал того дня, когда смогу увидеть тебя на этом острове.

– Ты эгоист, Молибден, – рычу в красивое, самодовольное лицо. – Ты подумал лишь о своих желаниях, решив воплотить детскую мечту, ну а то, что у меня может быть своя жизнь, свои планы, тебе даже в голову не пришло.

– Какие планы, Мелкая? – Данила с показной заботливостью целует меня в лоб. – Подтирание задницы своей сестрице? Нищета? Это не жизнь, а жалкое существование. Я не хотел торопить события, хотел, чтобы ты привыкла. Но об-

стоятельства сложились иначе. Ты принадлежишь мне, моя девочка. И ничего уже не изменить

С этими словами он уходит. А я, как только затихают звуки его шагов, наконец даю волю слезам. Слезам, не приносящим облегчения, бессильным, и жалким.

Я не хочу с ним разговаривать, не хочу видеть. Молибден приходит три раза в день, чтобы покормить меня с ложки каким-то жидким, вполне сносным на вкус, варевом и помочь дойти до, выбитой в полу дыры, для справления нужды, что-то рассказывает о занятиях, группе, пытается смешить. Однако, я продолжаю хранить молчание, хотя, каждая нотка его голоса, каждое прикосновение пронзает тело сотней тысяч горячих игл, а в груди и животе, бабочки трепещут бархатом крыльев. Хочу прижаться к могучему, горячему телу, вдохнуть, вобрать в себя его запах, ощутить мягкие губы на своих губах. Каждая клетка моего тела изнывает от тоски по этому человеку, рвётся к нему. Но разве можно любить монстра, садиста, мерзавца?

Над морской гладью медленно тают последние всполохи заката. Всё вокруг, и скалы, и галька, и небо, и вода, утопают в лилово-розовом мареве. Воздух плотен и почти неподвижен, и кажется, его можно резать ножом. Тихо, лишь слышится робкий шелест набегающих волн, да хруст гальки под

твёрдыми шагами Молибдена. Он несёт меня на руках, но не туда, где у самой границы воды и суши тает нежное кружево морской пены, а к, извилистому лиману, протекающему вдоль одной из скал. Млею в сильных руках, тону в таком родном, таком успокаивающем, но в то же время, будоражащем запахе его тела. Лайм и морская соль. Даже запах его кожи ярок и противоречив, вода и солнце, покой и драйв, беззаботность и волнение.

Кладёт на заранее расстеленный плед, опускает в воду волосы, принимается промывать, легко, едва касаясь пальцами разглаживая и перебирая. Чем дальше от пещеры и корыта с зелёными лучами, тем больше тумана в голове и меньше сил в мышцах. Всё происходит словно в красивом кинофильме или романтическом сне. И у меня нет сил, чтобы возражать, как-то оценивать ситуацию, стесняться. Да и кого тут стесняться? Моего Даньки?

– Я буду выхаживать тебя, Мелкая, буду заботиться, хочешь ты этого или нет.

Таю в наполненных майским солнцем облаках его голоса, ощущаю в груди сладкое, щемящее давление. Головокружительная, сводящая с ума нежность, до слёз, до дрожи, до желания взлететь ввысь с ликующим криком.

– Ну вот, голову помыли, – продолжает Данька, едва касаясь губами моего лба. Каждый нерв на пределе, звенит натянутой гитарной струной. – А то собрала на свои волосы в джунглях всякой дряни.

Подхватывает легко, как пушинку, хотя именно пушинкой в его могучих руках, я себя и чувствую, погружает в воду. Вода в лимане мягкая, тёплая, словно парное молоко. Жмурюсь от наслаждения, и тут же ощущаю руки на своей коже и пряный запах травяного мыла. Грудь живот, бёдра.

Ладони, излучающие энергию едва сдерживаемой страсти, гладят, растирают, размазывают мыльную пену. А я смотрю в небо, позволяя себе тонуть в блаженстве, наслаждаться ощущениями прикосновений воды и любимых рук. Пить удовольствие до дна, смакуя каждую каплю, не вспоминая прошлое, ведь его уже нет, не размышляя о грядущем, ведь его ещё нет, а впитывая каждой клеткой, каждой частичкой души настоящее, мгновения, существующие здесь и сейчас.

– Какая же ты хрупкая и слабенькая, Мелкая, – шепчет Данила, едва касаясь заострившихся сосков, спускаясь к животу и ещё ниже, туда, где пульсирует, пылает и плавится, безумно тянет и чего-то ждёт. – Но ты мне нравишься такой. Беспомощная, покорная, вся моя.

Переворачивает на живот, одной рукой поддерживает голову, другой размазывает по спине мыло. От позвонка к позвонку бегут лёгкие разряды электричества, Горячие мужские пальцы гладят, растирают, надавливают. Моё тело вздрагивает, выгибается не то пытаюсь защититься от непонятных, томительных ощущений, не то, принимая их. Ладонь Молибдена спускается на ягодицы, совершает медлен-

ные круговые движения, и я чувствую, как под этим лёгким, еле ощутимым касанием плавится кожа.

Глаза застилают слёзы, и я с нетерпением жду окончания этой сладкой пытки. Зачем он так со мной? Ведь я не нужна ему? У него есть Натабелла, красивая, гордая, смелая. А я? Гадкий утёнок, которому никогда не стать лебедем. Но нет же, притащил, чтобы держать рядом, оторвал от сестры, запер на этом острове.

– Мелкая, ты плачешь? – Данька видит мои слёзы. Вот чёрт! Выносит меня из воды, собирает влагу с моих щёк губами, целовывая каждую слезинку. – Что-то болит?

Отрицательно мотаю головой. Монстр сегодня решил быть чутким и обходительным? Но ведь он по-прежнему остаётся монстром, не так ли? Имею ли я право прощать ему всё, что он натворил и ещё натворит? Смогу ли я после этого уважать саму себя?

Заворачивает в плед, несёт к пещере. Укладывает в ванну, и зелёные лучи, словно приветствуя, радостно вспыхивают.

– Что у нас сегодня на ужин? – Молибден открывает один из принесённых с собой магически-изобретённых горшочков. По пещере разносится приятный овощной дух. – Тебе уже можно варёные овощи. Здорово, правда?

Подходит, помогает мне сесть. Открывает горшок с жёлто-оранжевым содержимым.

– Наверное, это вкусно. Гораздо вкуснее недоваренной капусты, которой нас пичкали в детском доме, – белобрый

гад улыбается, поднося к моим губам ложку. И от этой улыбки всё во мне переворачивается, сердце делает кульбит, бабочки в животе из бархатных становятся огненными.

На какое-то время воцаряется тишина. Он кормит, я покорно глотаю.

– Ненавидишь меня? – наконец спрашивает он, отложив ложку. Та со звоном падает на каменный пол. – Да, может я и не самый лучший человек, Мелкая, не самый благородный, не самый добрый. Но ведь и во мне есть что-то хорошее. Так прими это хорошее, возьми то, что я готов тебе отдать.

Разглядываю его лицо, красивое, волевое, печальное. Голос мягкий, и как же хочется окунуться в него, нежится в нём, растворяться в каждой ноте, вибрировать в унисон.

– Ты можешь молчать, можешь ненавидеть меня, обвинять, проклинать, но всё это не отменит моей любви к тебе, Мелкая. Я с самого детства мечтал быть рядом с тобой, всегда, каждую минуту. И я буду с тобой, хочешь ты этого или нет.

Уходит, забрав с собой пустой горшок. Смотрю ему в спину, раздираемая желанием окликнуть, прильнуть к горячей груди, к тому месту, где мощными толчками гулко бьётся сердце.

Стучат о каменный пол капли воды, на потолке дрожат зелёные блики. Я, то открываю, то закрываю глаза и всё думаю, думаю. Да, он выдрал меня из привычной жизни, выдрал с мясом, но разве мне плохо здесь, на Корхебели? И разве я,

все эти годы разлуки не вспоминала Даньку Молибдена? Не мечтала хоть когда-нибудь встретиться с ним или хотя бы получить от него коротенькую весточку? Меня никто и никогда не целовал, никто не признавался в любви, не предлагал совместного будущего. Мужчины просто не замечали меня, я была для них чем-то сереньким, убогим, не женщина, а так, недоразумение. Так было в школе, так было в училище, так было на работе. Обо мне даже в праздник всех женщин как-то забыли. Все дамы удостоились символических подарочков, а я нет. Да, потом, разумеется, передо мной извинились, вручили какое-то полотенце и кусок мыло, однако, в душе всё равно остался гадкий, горький, словно прогорклое масло, осадок. Я смирилась, решила жить жизнью сестры, стать её тенью, опорой, ангелом хранителем. Но, как оказалось, её это только тяготило. А Молибдену я нужна, и он мне тоже нужен. А подвал? Да чёрт с ним! В конце концов Данька не даст мне оступиться, нужно просто довериться ему. Так готова ли я впустить в своё сердце нового Молибдена, уже не мальчишку, а мужчину? Готова ли я принять жизнь на Корхебели? Однозначно – да!

На следующее утро он приходит голый по пояс, мокрый, растрёпанный, с блестящими каплями воды на загорелых плечах, свёрнутая жгутом белая рубашка болтается на шее.

– Купался в море, – заявляет он, натужно улыбаясь, уже готовый к моему молчанию. – Сегодня слегка штормит.

– Где я нахожусь? – спрашиваю, а в пальцах возникает зуд,

настолько сильно мне хочется дотронуться до кубиков на его животе.

– В сердце острова, – Данила усаживается на бортик соседнего корыта, раскрывает книгу, с деловитостью принимается перелистывать страницы. Чувствую его радость, облегчение от окончания моего молчаливого бунта. – В этом месте происходит привязка к Корхебелю. Маг становится неотъемлемой частью острова, а тот, в свою очередь, питает мага своей силой, хранит от болезней, дарит долголетие, увеличивает магический потенциал. Это должно было произойти с тобой после сдачи экзамена. Вашу группу проводили бы сюда под торжественную музыку и аплодисменты, сказав много всяких напутственных пафосных слов. Но тебе пришлось совершить ритуал раньше остальных.

– Путь на материк для меня закрыт навсегда. И никто даже не поинтересовался, хочу ли я такой судьбы, нужна ли мне эта привязка. Ты просто всё решил за меня, притащил, швырнул в это корыто. Ну да, правильно, что с мусором церемониться? – обречённо шепчу, а перед внутренним взором возникает лицо сестры, бледное, заплаканное, растерянное. Лицо, запомнившееся мне в день ареста матери.

Никто в тот день не кричал, не тянул руки друг к другу, не молил инквизиторов. Трое человек в чёрных плащах вошли в наш двор, один из них зачитал протокол и велел матери собираться. Бабка что-то беззвучно шамкала губами, отец продолжал рубить дрова, так, словно ничего не происходило,

и во дворе не стояли трое чужаков, мы же с сестрой молча плакали, глядя на выпрямленную спину матери и потёртую, выдавшую виды коричневую сумку на её плече.

– Ты была похожа на кусок сырого мяса, разодранная в клочья, окровавленная. Привязка к острову – единственное, что могло тебя спасти, Мелкая.

Отбрасывает книгу, и она со шлепком падает на сырые камни пещеры. Взгляд цепляется за название, крупно краснеющее на обложке «Толкование сновидений»

Куратор, одним прыжком, преодолевает расстояние между нами, садится рядом, обхватывает моё лицо горячими ладонями, сжимает, впивается в меня взглядом. Застываю, не зная, как реагировать, боясь дышать.

– Мелкая, – едва шевеля губами произносит он. – Я же чувствую, что твоё тело принимает меня. Так не гони, не отталкивай. Иначе, вся моя жизнь потеряет смысл.

Его губы осторожно, мягко, касаются моих. И я понимаю, что больше не могу без него, что готова принять его любым. Ведь со мной он не такой, за мою жизнь он борется, оберегает и спасает меня. А все остальные? Плевать, на целый мир плевать, ибо мир – это он, Данила Молибден! Подаюсь ему навстречу, позволяю чужому языку проникнуть в мой рот и сплестись с моим языком. Поцелуй медленный, тягучий и сладкий, с лёгкой горчинкой, словно рябиновая настойка. Время замедляется, исчезают посторонние звуки и запахи. Нет больше ни зелёных бликов на мокрых камнях, ни капель,

срывающихся сверху, ни книги, распластанной на полу возле корыта. Есть лишь штормящее море в распахнутых, глядящих в самую мою душу глазах, горячие, влажные губы, отдающее мятой дыхание и пальцы, гладящие щёки, шею, зарывающиеся в волосы. А ещё ноющая, сладкая, томительная боль во всём теле, завидующему коже лица и губам, так же жаждащем прикосновений.

– Пока нельзя, ритуал ещё не завершён, – Данила грустно улыбается, в последний раз проводит ладонью по моим волосам и отстраняется. Поднимает книгу, садится на бортик соседней ванны.

– Не будем терять время, и начнём занятия. Ты слишком много пропустила, и нужно нагонять.

В груди, колючим ежом ворочается обида. Ну, как он может думать об учёбе, когда я вся пылаю от желания коснуться его? Пытаюсь испепелить вредного препода взглядом, но тот, словно не замечает этого, листает учебник, что-то в нём выискивая.

– Давай повторим пройденный материал. О чём свидетельствует преобладание определённого цвета в сновидении?

– Любой цвет указывает на перегруженность или болезнь определённого внутреннего органа. Если в сновидении преобладают красные цвета и их оттенки, то можно говорить о заболевании сердца, если зелёные – о болезни органов дыхания, а жёлтые – страдает желудочно-кишечный тракт.

– Отлично, – Молибден одобрительно кивает. – Второй вопрос: « На что указывает нагота или появление в неподобающей одежде в сновидении? »

Боже! Как же хорошо даже просто так сидеть с ним рядом! Просто чувствовать его близость, слышать голос, говорить что-то в ответ. Знать, что я ему дорога так же, как и он мне, и не в мечтах, ни в сновидениях, а наяву, в реальной жизни.

– Сон, в котором спящий видит себя голым говорит о его неудовлетворённости положением в обществе, о неуверенности в своих силах и низкой самооценке.

А ведь ещё там, на материке, мне часто снились подобные сны. То я появлялась на педсовете в грязных вонючих лохмотьях, то приходила в гости к Полькиным друзьям в костюме Евы. Эти сны оставляли после себя неприятный осадок, заставляя мучиться неясной тревогой несколько дней подряд.

– Погасли, – будничным тоном произносит Данила, и я с начала не понимаю, о чём он говорит. – Хорош валяться, Мелкая! Поздравляю, ты стала частью острова, пусть и без торжественных клятв и не по своей воле.

Вылезаю из каменного корыта, встаю босыми ступнями на влажный пол пещеры, поджимаю пальцы, застываю в удивлении. Затем делаю шаг, ещё один и ещё. Ни хромоты, ни привычной ноющей боли. Я иду ровно, как ходила когда-то, до дурацкой ссоры с деревенскими детишками.

– Здорово? – спрашивает Молибден, подходя сзади, набрасывая мне на плечи свою рубашку. – Только ради этого

стоит остаться на острове, ты согласна?

Ещё бы! Чёрт побери! Да сколько я натерпелась по вине своей хромоты. Сколько насмешек, презрительных взглядов, снисходительных вздохов, ограничений как в труде, так и в развлечениях. Понять мою радость сможет только тот, кто пережил всё это. Для кого гололедица на дорогах не просто неудобство, а настоящее испытание, кто стоял у стены, когда все танцевали в свете празднично-сверкающих огней, кто не имел возможности надеть короткие шорты или юбочку, кто краснел на уроках физкультуры, кто был лишён походов, езды на велосипеде. Для кого, подняться на третий этаж своего дома не обыденное дело, а настоящий подвиг.

– Согласна, – отвечаю сквозь слёзы, быстро оборачиваюсь к своему Крокодилу, утыкаясь носом в голый, пахнувшей морем, торс. – И ради тебя.

Данила смеётся, одной рукой вжимает меня в себя, другой, что-то рисует в воздухе. Пространство вокруг нас потрескивает, как от статики, в темноте пещеры вспыхивает розовое кольцо, и мы одновременно шагаем в открывшийся портал.

Глава 22

Ночь дышит душной фруктовой сладостью, горечью морской соли и терпкостью эвкалипта. В распахнутое окно, сквозь тёмные прорехи яблоневых и абрикосовых крон, втекает жидкое серебро луны. Я в крепком, горячем кольце мужских рук, слабая, покорная и безоговорочно, абсолютно счастливая. Кто сказал, что в первый раз всегда больно? Ничего подобного! Было наслаждение, неудержимое желание раствориться, расплавиться в теле любимого человека, были слёзы, вызванные невероятной, сводящей с ума нежности, а вот боли не было. Ни боли, ни страха, ни сомнений. Неужели так бывает? Неужели я в одной постели с куратором Молибденом, Данилой, моим детдомовским дружкой Крокодиллом? Плыву в мягких облаках истомы, тону в живом тепле родных рук, смотрю на совершенный, самый дорогой на свете профиль, облитый сиянием луны. Провожу пальцами по надбровным дугам, скуле, обвожу контур губ. Данила прикусывает меня за палец, и я шуточно хнычу:

– Крокодил пупырчатый! Откусишь.

Данька рычит и принимается покусывать кончики пальцев рук, ладони, затем, хватая левую ногу, кусая пальцы ног. Визжу, стараясь отползти, как можно дальше. Но куда там? Молибден держит крепко, так что мне остаётся лишь одно – извиваться и хохотать.

Успокаиваемся мы резко, как-то вдруг. Застываем в объятиях друг друга, и каждый думает о чём-то своём. Ловлю себя на том, что вовсе не удивлена тому, что сейчас лежу в одной кровати с куратором, словно так и должно было случиться, словно иначе и быть не может. А ведь никого другого рядом с собой я никогда не видела. И пусть для всех он строгий куратор Молибден, для меня он всё тот же солнечный Данилка, мой Данька- хулиган.

Время становится густым и вязким, и кажется, что в мире больше ничего не осталось, кроме этой южной ночи, комнаты, качающихся за окном деревьев, лунного света и нас двоих.

– Какими способностями нужно обладать, чтобы остаться на кафедре? – спрашиваю, рисуя зигзаги и линии на обнажённой мужской груди.

– Необходимо быть архимагом. одинаково хорошо владеть как материальной, так и нематериальной видами магии. Уметь открывать пространственные порталы и, хотя бы в общих чертах предсказывать будущее, – Данила ловит мою руку, целует в центр ладони. – Плюс ко всему, стараться казаться идеальным студентом. Другими словами, лизать задницы – льстить, угождать, быть полезным в нужное время и в нужном месте. Кстати, это тоже особый талант, не каждый на такое способен.

– И ты лизал задницы? Ты – хулиган авантюрист, такой гордый и независимый? – спрашиваю, а в памяти всплыва-

ют слова Анатолия:» Кто-то лижет и входит во вкус, а кто-то лижет, а потом моет язык с мылом. Главное, знать, ради какой цели ты это делаешь и быть уверенным, что эта цель стоит того».

– Всё ради тебя, моё сокровище, – на губах улыбка, но в глазах мелькает какая-то тревога. Мелькает, и пропадает, словно её и не было вовсе.

– А предскажи что-нибудь мне, хотя бы размыто? – прошу и замираю в ожидании.

Данила смеётся, наваливается на меня сверху, закрывая, льющийся из окна лунный свет, сжимает с такой силой, что трудно дышать.

– Твоё будущее рядом с одним очень сильным магом, преподавателем в академии. Он будет тебя оберегать, заботится о тебе, и никуда не отпустит. Теперь ты в полной его власти.

Он покрывает моё лицо, шею и грудь поцелуями, и я чувствую, как в низу живота вновь распускается огненный цветок желания.

– Это не предсказание, – смеюсь и сжимаю в ответ крепкую, массивную шею.

– Ты права, – губы Молибдена спускаются ниже, рёбра, живот, лонный бугорок. – Это неоспоримый факт.

И снова я в сладком плену его одурманивающей нежности, плавлюсь, растворяюсь, снова двигаемся в одном ритме, и снова одно дыхание и одно сердцебиение на двоих.

Просыпаюсь от яркого потока света, втекающего в распах-

нудное окно. С наслаждением потягиваюсь, блуждаю взглядом по комнате, которую в пылу страсти, так и не успела разглядеть. Светло-зелёные стены, огромная кровать, таких же размеров шкаф, комод, занавески, на два тона темнее стен, и картина, великолепно гармонирующая со скромным убранством комнаты – яблоневая ветка, облитая золотистым светом зари. Похоже, куратор Молибден фанат зелёного. Почему-то этот факт вызывает невольную улыбку. Однако, стоит вспомнить прошедшую ночь, щёки вспыхивают жаром. Чёрт! стыдоба-то какая! Да, он ничего не сказал, не выказал удивления, но думать-то ему никто не запрещал? Какие выводы он сделал, поняв, что я девственница? И это в двадцать три года? Не счёл ли синим чулком, дурой, берегущей себя для мифического того самого, который увидит в толпе и влюбится без остатка? Не показалась ли я ему слишком вялой, безынициативной? Не отпугнула ли его моя неопытность?

Утро за окном чирикает, шелестит и благоухает. Запах цветов и солнца смешивается с дразнящим ароматом кофе. Звенят чашки, и совсем тихо, словно таясь, беседуют двое – мужчина и женщина, Молибден и Милевская. Твою ж мать! Ей-то что здесь понадобилось?

Встаю, чувствуя прохладу деревянных половиц под ногами, подхожу к окну, слегка отодвигаю тюль, опускаю взгляд в сторону говорящих.

Небольшая беседка, обвитая лозами винограда, окруже-

на фруктовыми деревьями, тут и там разбросаны клумбы с пестреющими мелкими цветочками. Клумбы весьма аккуратны, скорее всего подвергаются ежедневной прополке, газон подстрижен. Вряд ли Данила вручную ухаживает за своим садом, наверняка использует магию. К чему архимагам рученьки в земле пачкать?

Натабелла сидит прямо, словно к её спине привязали палку, пальцы рассеяно гладят край белоснежной чашки, губы сжаты в тонкую, недовольную полоску.

Кольнуло неприятным предчувствием. Она явилась не случайно, да и, как не крути, у них с Молибденом роман. Что я знаю о их отношениях? Поссорились они или расстались окончательно? Любят ли они друг друга, или просто проводят вместе время? Ну и дура же я! Неужели не могла всё заранее выяснить, расставить точки, подложить соломку на случай болезненного падения? Нет! Расползлась, расквасилась, вывернулась на распахку, сомлев от нескольких поцелуев, как какая-то шалава?

– Глупо! – резко швыряет Натабелла, словно огненный снаряд на уроке боевой магии. – Ладно, откинем тот факт, что она страшенькая и без слёз на неё не взглянешь, как говорится, любовь зла... Но её потенциал! Вообще удивляюсь, как инквизиторы её смогли вычислить с такими-то жалкими показателями. Наверняка, девочку кто-то сдал.

В каждом слове физручки, в каждой ноте её спокойного голоса звучит снисхождение и призрание, от чего становится

обидно, и почему-то стыдно за себя, свою непривлекательную внешность. Ох, лучше бы она скандалила, била посуду и пинала мебель! Да, я такая, Натабелла права, и сейчас Данька рассмеётся, и скажет, что просто хотел утешить девочку, которая, оказывается, ещё и с мужчиной никогда не была, что не мудрено при её внешних данных и хромоте.

Провожу ладонью по бедру выздоровевшей ноги. Кожа тёплая, гладкая.

– Вот это самое важное, – уговариваю себя мысленно. – Моя нога. А всё остальное – мишура. Если прогонит – уйду, и найду другой способ выбраться с острова.

– Нет, я понимаю, вы знакомы с детства, разыграли былые чувства, – продолжает Натабелла, зачем-то разглядывая дно своей опустевшей чашки. – Но с её показателями, у вас ничего не получится. Она провалится на первом же экзамене. Какого чёрта ты попёрся за ней в джунгли? Если бы она там сохла, и тебе, и ей стало бы легче.

– Она сдаст, – Молибден кажется расслабленным, однако грозные тучи в его глазах, готовы разразиться молниями. – Позанимайся с ней, Нат ещё и физкультурой, ведь боевую, если я не ошибаюсь, принимать будешь ты. А я натаскаю её по другим предметам.

– Ну ты и нахал, – Милевская хохочет, изображая веселье, на самом же деле, в её смехе я ощущаю едкую обиду и отчаяние. Тихонько отхожу от окна, бреду к шкафу. Собственная нагота стала казаться неприличной. Нужно позаимствовать

у куратора хотя бы футболку, а то, чего доброго, заглянет сюда Натабелла. С неё станется. В шкафу, в одном ряду с бежевыми, белыми и светло-зелёными рубашками висят мои сарафаны и студенческая форма, на полке среди туфель сорок пятого размера, красуются мои босоножки. Да уж, преподаватель Молибден подготовился заранее.

Слышу, как физручка сухо прощается, как Данила убирает со стола, звеня чашками и блюдами. Ясное, многоголовое солнечное утра теряет свою прелесть, радость пробуждения гаснет. Смех Натабеллы осел на дне души неприятным, маслянистым осадком. Она не из тех, кто прощает поражение, а иметь физручку в числе своих врагов мне не хочется.

– Я слышала ваш разговор, – выпаливаю без обиняков, как только Молибден переступает порог комнаты. – Не думаю, что преподавателю Милевской доставит удовольствие заниматься со мной.

Как не крути, а я перешла ей дорогу.

– Какой же ты ещё ребёнок, Мелкая, – смеётся Данька, плюхается на кровать и усаживает к себе на колени.

В глубине серебристых глаз скачут весёлые чёртики, и весь он сам светлый, солнечный, тёплый. Прижимаюсь всем телом, вдыхая, ставший таким родным запах, желая впитаться ему под кожу, стать одной из многочисленных клеток его большого тела, потерять себя.

– Мы с Натабеллой просто коллеги и друзья по сексу. Ну, теперь, разумеется, бывшие друзья, ведь секс у меня отныне

будет только с тобой. Ната не пустоголовая девчонка, она-зрелая женщина, и строить козни тебе точно не станет.

– Но ведь ей ничего не стоит завалить меня на экзамене. Тем более, особо и стараться не придётся.

Произношу, и тут же ловлю себя на том, что начинаю бояться. Я самая слабая на курсе, боевая магия – вовсе не мой конёк, поблажек здесь никому не делают. А значит, ждёт меня таинственный подвал. От нахлынувших воспоминаний тело встряхивает, кожа покрывается гадкими холодными и колючими мурашками. Да, я готова принять Даньку таким, какой он есть, закрыть глаза на всё плохое, и любить только хорошее. Но сможет ли он защитить меня, отстоять моё право на жизнь, пойти против правил и Крабича?

– Что ты сделаешь со мной, Данька, если я всё же солью сессию? – спрашиваю прежде, чем успеваю обдумать вопрос.

Реакция преподавателя оказывается непредсказуемой. Он опрокидывает меня на кровать, удерживая одной рукой запястья и принимается покрывать моё лицо поцелуями. Задыхаюсь от такого напора. Внутри возникает странное ощущение падения с высоты. Так бывает на весёлых горках, когда, поднявшись на самую верхнюю точку, обрушиваешься вниз. Тебе и страшно, и весело одновременно.

Дождевые капельки его поцелуев по всему телу и такое же нежное, невесомое касание свободной ладони, от чего я млею, блаженно закрывая глаза, отдаваясь этим мучительным ласкам, желая большего. Однако Молибден не торопит-

ся. Гладит пальцами щеки, обводит надбровные дуги и контур губ, слегка прикусывает кончик носа, спускается к шее, затем ниже и ещё ниже. Его язык рисует на мне кружочки и спирали, а по венам устремляется жидкое пламя. Тучи в глазах Данилы сгущаются, и он вдавливая меня в себя, расплавляя в жаре своего тела.

– Никому не отдам, – рычит он. – Если понадобится, спрячу от всех, запру на сотню замков. Я буду беречь тебя, моя Мелкая, моя Илона.

Плавлюсь от каждого прикосновения, теряюсь во времени и пространстве, дрожу, подаваясь навстречу, звенят, натянутые до предела нервы. Всё моё существо жаждет слияния.

Когда он входит в меня, я кричу, но не от боли, а от дикой, какой-то сумасшедшей радости. Перед глазами взрываются разноцветные салюты, внутри всё ярче и ярче разгорается алый цветок. Блики на морской глади, солнечные пятна в изумруде сочной травы, отражения зари в каплях росы, всё это я. Я свет, я – чистая энергия.

Наш день вдвоём мне кажется очень длинным и невероятно прекрасным. С начала, мы пьем кофе в беседке, болтая обо всём и ни о чём конкретном, потом, поливаем цветы, без всякой магии, дурачась и брызгаясь друг в друга из шланга, затем, направляемся на прогулку по острову. Аккуратные одинаковые белые домики с красными крышами, окружённые пёстрыми клумбами и фруктовыми деревьями, швейные, гончарные, деревообрабатывающие мастерские, пасека,

птичник, а ещё поля с аккуратными посадками и фруктовая роща. Всё идеально ухоженное, везде командуют маги, и трудятся мупы. Мупы-трактара, мупы-поливалки, мупы-уборщики.

Пару раз, мимо, деловитой походкой проходит инквизиторский патруль в неизменных чёрных плащах, что, разумеется, слегка омрачает картину, правда, ненадолго.

– Здесь всё делается с помощью магии, – поясняет Молибден. – Маги-садоводы заряжают растения своей энергией, что позволяет культурам расти и плодоносить. Танцоры управляют погодными условиями, по тому, на острове никогда нет ни засухи, ни проливных дождей.

– А это что? – указываю на высотное здание из розового камня. Слишком обычное для этих мест, слишком казённое. Жалюзи на окнах, стеклянные двери с дурацкими надписями «Вход» и «выход», крутые ступени и мужчина в форме охранника.

На мгновение возникает ощущение, словно я на материке, и нахожусь в центре города, где вот таких строгих зданий полным- полно.

– Целительская, – отвечает Данила, и я улавливаю в голосе какое-то напряжение, словно ему неприятно говорить. – Здесь лечится императорская семья и приближённые к ней. Ты же знаешь, простой народ магическими штучками не балуют. Помнишь, чем нас в детском доме лечили?

– Ага, зелёнкой, содой и тумакон, – соглашаюсь, заставляя

себя улыбнуться, как можно безмятежнее. Тщательно-скрываемая нотка напряжения, продолжает царапать слух. Но ведь не станешь же спрашивать, лезть в душу, если человек всеми силами пытается что-то скрыть? Да и к чему? Захочет – расскажет сам. Не стоит наступать на старые грабли, своей навязчивостью, желанием знать всё-всё, отмечая каждый жест, каждый взгляд, любое изменение в голосе, я умудрилась испортить отношения с сестрой. Необходимо научиться соблюдать чужие границы, если я не хочу, чтобы от меня шарахались, как от чумы.

– Ну вот, а сильные мира сего лечатся с помощью магии, это и быстро, и эффективно.

– А сейчас там кто-то есть, или здание пусто?

– Там сейчас находится его величество. Он очень болен, и прилетает на остров каждые две недели. Но болезнь слишком запущена, и думаю, даже магам-целителям с ней не справиться.

– Так что же наш правитель так поздно спохватился? Ведь у него столько возможностей и обследоваться, и лечиться.

Лицо Данилы искажается, как от болезненной судороги, глазах вспыхивает бессильная ярость, но лишь на одно мгновение, затем, преподаватель берёт себя в руки, словно странной метаморфозы вовсе не было, и спокойно, со всем возможным равнодушием, произносит:

– Есть такие яды, Мелкая, которые будут разрушать твой организм медленно и незаметно. А когда человек начинает

чувствовать что-то неладное, уже поздно. И запомни, студентка Жидкова, магия – сильное оружие, и она существует не только в Конгломирате, но и в других, враждебных нам, странах.

Возвращаемся домой за полдень, и принимаемся вместе готовить обед на светлой, просторной кухне. Нет, не с помощью мупов, а сами. Мупов, как оказалось, в доме Молибдена никогда не водилось. Ловлю себя на том, как же весело, легко и тепло на душе вот от этой нехитрой возни на кухне. Шкварчат на сковороде ломтики рыбы, варятся золотистые брусочки картофеля, пестреют, летя в прозрачный салатник, нарезанные кубиками овощи.

– А нельзя было мою ногу вылечить сразу, как я только прибыла на остров? – спрашиваю Данилку, смешно вытирающего луковые слёзы.

Вредный овощ красиво ложится на доску ровными колечками, мужские пальцы держат нож уверенно и как-то сексуально. Чёрт! Неужели любое его действие будет теперь вызывать у меня сладкую тягучую боль внизу живота и впрыскивать раскалённую лаву в вены?

– Знаешь, как проходит инициация, Мелкая? – Данька озорно улыбается, откладывает нож в сторону, обнимает за плечи. – Крабич, в присутствии студентов старших курсов и других преподавателей, выстраивает первокурсников в одну шеренгу, произносит всякую пафосную муть, мол какие вы молодцы, как нужны империи и бла-бла- бла. Затем, все от-

правляются праздновать окончание сессии, а первокурсников ведут в пещеру, укладывают в ванны, и куратор в присутствии Крабича, разумеется, взрезает студентам вены, чтобы камни пропитались их кровью. Остров принимает жертву и даёт свою силу. Ты умираешь и возрождаешься вновь. От одной только мысли, что я сознательно причиню тебе боль, у меня нутро переворачивается.

– Но тебе всё равно пришлось бы это сделать, – с неохотой освобождаюсь от его рук, переворачивая кусочки рыбы. – Как я понимаю, без этого дальнейшее обучение невозможно.

– Да, и я боялся этого момента, – поцелуй в макушку, от которого всё тело пронзает острым, щемящим, прохладным, словно родниковая вода, чувством восторга. – Ведь многие так инициацию не проходят. Впадают в истерику, стараются сбежать, выкрикивают проклятия. И вот таких, остров, почему-то, отказывается принимать, будто слышит, будто понимает. А бывает и так, что люди просто не выходят из пещеры. Кровь впиталась, жертва принята, но человек всё равно умирает.

– Может, если бы вы давали студентам всю информацию, было бы гораздо проще и честнее?

Молибден берёт из моих рук лопаточку, отодвигает меня от плиты, сам накладывает в тарелки рыбу.

– Самая умная, да? – улыбается он. – Раньше предупреждали, чтобы, как раз, всех этих истерик избежать. И знаешь, сколько было тогда самоубийств? Люди боялись и са-

мой инициации, и привязки. Поэтому, до поры до времени, молчим, и заставляем молчать старшекурсников.

А ночью мы купаемся в море, чёрном, тёплом и спокойном, едва шелестящем по гальке. Вода усыпана зеленоватыми крупницами звёзд. Пляж дик и пуст. И мне хочется остановить время, растянуть, чтобы, как можно дольше пребывать в этом чернильном, тёплом безмолвии, где все чувства обострены до предела, где царствуют лишь прикосновения. Прикосновения морских волн, лёгкого игривого ветерка, горячих мужских рук и губ.

Глава 23

Она спит. На щеках лёгкий румянец, в густоте ресниц поблёскивают капельки слёз. Осторожно, боясь разбудить, провожу ладонью по платиновым рекам волос, разбросанным по подушке, легко целую в лоб, поправляю одеяло. В груди щемлящая, пронзительная, скручивающее всё нутро нежность и безумное, безотчётное желание схватить, прижать к себе, замуровать в объятиях и не отпускать ни на одну секунду. Я зажёл свечу, и не по тому, что приказал Крабич, чёрт бы его побрал, а потому, что всегда хотел это сделать, ещё тогда, в детском доме. Чем старше мы становились, тем сильнее меня тянуло к хрупкой, беззащитной, как воробушек, Илоне. Пацаны обклеивали стены плакатами с изображением зарубежных грудастых и жопастых актрис и певичек, я же, представлял её. Хотел нарисовать портрет и повесить над кроватью, но, хорошенько подумав, всё же не стал этого делать. Побоялся, что засмеют. Мне нравилось хватать её на руки и тащить на крышу, осознавая беспомощность этой девчонки.

– Только не урони, Крокодил, – шептала она, пронизывая насквозь своими кофейными глазищами- безднами и ещё крепче обнимала меня за шею. А я млел. Млел и был готов завопить от счастья, как мартовский кот.

Мы усаживались на нагретое железо крыши, под чёрным пологом неба, я раскладывал, украденную за день, нехитрую

снедь, радуясь её улыбке, её восторгам и неизменной просьбе: «Не ходи больше на рынок, Данька, вдруг тебя поймают». О! Ради этой тревоги в её голосе, ради посиделок на крыше. Я был готов пропадать на рынке с утра и до вечера. И пусть потом меня сажают в карцер, пусть бьют. Я твёрдо знал, что во имя этих глаз, вздёрнутого маленького носика, худеньких плечиков, готов выдержать всё.

Какая маленькая, какая доверчивая, какая светлая! И вот это кристально-чистое, так нуждающееся в любви и заботе существо, я готов предать? Прикрыться, глупой девчонкой, как щитом? Да, остров будет жив, его так же будут омывать морские волны, будут зеленеть деревья и зреть хлебные колосья, но не станет её. Не станет глаз цвета крепкого кофе, шёлка волос, открытой, почти детской улыбки. Я спасу остров, но погублю её – свою Илону, свою Мелкую. Чёрт! Да мне без неё ничего не нужно! Мне глубоко насрать не только на остров, но и на весь мир. Ибо этим миром стала она. Хотя нет, кого я обманываю? Она всегда была моим миром, смыслом моей жизни. Всё для неё, ворованные конфеты, драки до крови, унижения перед Крабичем. Если понадобится, вырву сердце и отдам ей, чтобы замертво рухнуть у её ног.

В открытое окно веет утренней прохладой, заря разливается по комнате малиновым сиропом, гомонят пробудившиеся птицы.

Как же сложно! Твою ж мать! Я и не думал тогда, насколько это будет сложно. Грёбаный самонадеянный придурок!

Да, я не солгал ей о том, что всеми силами стремился в преподаватели, лишь для того, чтобы забрать её. Хотя, конечно, понимал, насколько наивны мои мечты. Ведь магические способности Илоны, ничтожно малы. Но надежды я не терял, продолжая налегать на учёбу и крутиться возле старикашки ректора. А когда меня оставили на кафедре, продолжил выслуживаться, чтобы стать куратором и получить право не только учить, но и набирать собственные группы. И вот, этот день настал, Крабич вызвал меня в свой кабинет.

– Это задание я могу доверить только тебе, – сказал он, кладя морщинистую руку мне на плечо. – Нашему умнейшему и мудрейшему, но больному и оттого боящемуся переворота императору, пришла в голову мысль вступить в состав Альянса. На что, страны Альянса выдвинули условие.

Крабич многозначительно замолчал, жуя нижнюю губу, в ожидании моего вопроса. И я задал, не изменяя своему правилу, делать то, что от меня ждут. Да, противно, до тошноты, до желания плевать в собственное отражение в зеркале, но всё ради неё – моей мелкой заразы.

– Какое условие? – спросил я. Вот, чёрт старый! Кипятком ссыт от осознания своей власти. Ничего, дедуля, маги живут долго, но не вечно. И как только за тобой явится бабка с косой, кресло ректора будет моим.

– Условие разоружения. Альянс давно уже избавился от своих магов. Они называют это путём технического прогресса. Мол, магия мешает развиваться науке. Хотя, у нас пре-

красно сосуществует и то и другое. Просто и Туманные, и Болотные, и Пустынные земли боятся. Всё-таки, магия – опасное и сильное оружие.

Старик поднимается с кресла, ковыляет к серванту, достаёт бутылку с бордовым содержимым, разливает по рюмкам.

– Но ведь его величество не согласится на это?

Отпиваю из рюмки. Терпкая жидкость приятно обжигает горло, а проблема, обозначенная начальником, пока не кажется столь серьёзной. Ну не дурак же наш император в конце-то концов?

– Уже согласился. Корхебель взорвут вместе с нами. Поджарят иноземными бомбами. А магов, оставшихся и скрывающихся на материке, инквизиция начнёт арестовывать и казнить, как опасных преступников.

– И чем я смогу помочь?

Вопрос вырвался сам собой. От желания действовать светло скулы. На Корхебели я приобрёл дом, которого у меня никогда не было, понял, почувствовал, осознал, что могу быть нужным. Я любил Корхебель, беззаветной, сыновней любовью и был готов биться и защищать его до последней капли крови.

– К большой нашей удаче, ты можешь сделать многое, – глаза старика блеснули яростью и азартом, морщинистое правое веко нервно задёргалось, что свидетельствовало о крайнем возбуждении ректора. – Раз в столетие рождается свеча. О их рождении знают только оракулы. Знают и мол-

чат, ведь тот, кто зажжёт свечу, станет её обладателем и сможет изменить мир.

– К худшему или лучшему?

– А это уже зависит от желания обладателя. По тому, оракулы и держат рождение свечи в тайне. Правда не всегда это удаётся. Помнишь из истории первую всемирную войну? А глобальное похолодание? А великий потоп? Свеча вспыхивает и гаснет, меняя мировой порядок, перекраивая всё по-новому. И вот, свеча родилась двадцать три года назад. Оракул-маг, и также хочет спасти остров, по тому и доверил мне эту тайну. После того, как займёшь пост куратора и начнёшь набирать свою группу, привези сюда свечу.

На стол упала карточка с изображением девчонки в нелепом скучном, как у старухи, дохлом свитерке, и меня, словно окатило из ледяного душа. С портрета улыбалась Мелкая.

– Не отдам, – шепчу в красное зарево за окном, и, в каком-то, дурном порыве, хватаю девчонку, прижимаю к груди её хрупкое, тёплое ото сна, тело, словно пытаюсь заключить внутрь себя, как в кокон.

Глава 24

Арфа замолкает, но я не тороплюсь вставать. Мне сегодня ко второй паре, так что можно ещё поваляться и позавидовать самой себе. Подумать только! Месяц! Целый месяц кристального, звенящего счастья. Счастья, пугающего своей абсолютностью. Счастье, заставляющего летать на крыльях, в ожидании встречи, замирать при звуках любимого голоса, млеть от букв в дорогом имени. Мы встречались между парами, бежали в кипарисовую рощу и там целовались, а, когда не могли увидеться, общались через кулон, мысленно, разумеется. И порой, нахальный Крокодил, рассказывая о планах на предстоящие выходные транслировал мне такие картинки, что вспыхивали щёки и горели уши, грозясь обуглиться. В пятницу вечером, я, собрав в рюкзак вещи, отправлялась в дом Молибдена. Однако, время от времени, душу царапало какое-то смутное беспокойство, и я никак не могла понять, что это, предчувствие или просто дурацкая привычка ожидать от судьбы какой-то пакости. Сквозь закрытые веки просачивается голубизна утреннего неба, кожу ласкает солёно-сладкое, прохладное дыхание южного утра. Солнце ещё не набрало свою силу, и воздух лёгок и свеж. Птичий гомон, приятная лень во всём теле, шуршание ковра под ногами, спешащих на первую пару, студентов. Потягиваюсь, распахиваю глаза и устремляю взгляд на трепещущие за окном,

облитые ласковым золотистым светом зари, виноградные листья.

Сжимаю в кулаке каплевидный кулон, тот же самый, благодаря которому Данила нашёл меня в джунглях, но с добавленными свойствами мысленного общения. Чёрт! Как же я мечтала иметь такие штуки для себя и сестры. Однако, магические трансляторы на материке стоят слишком дорого, так что их могут себе позволить только те, у кого имеются деньги. Однажды, я видела такое украшение у директора нашего детского дома. И магически-изготовленные предметы, и магически-улучшенные, весьма дорогое удовольствие.

– Данька, ты спишь?

– Нет. У меня первая пара у четвёртого курса. А ты всё валяешься, соня?

– Ну не над конспектами же мне с утра корпеть?

– А надо бы, Мелкая. Не забыла, что у тебя индивидуальное занятие с Натабеллой?

Напоминание об индивидуальном уроке боевой магии и о спортивной преподавательнице, слегка омрачает настроение, опускает на одно деление вниз. Слышать колкие насмешки, видеть пренебрежение в колючих голубых льдинках глаз, ощущать собственную слабость и ничтожество совершенно не хотелось. И ладно бы, результат какой-то был. Но нет, у меня ничего не получалось. Просто к синякам и ссадинам, что я получала на основных уроках, добавлялись новые, получаемые на индивидуальных занятиях. Однако, Мо-

либден был непреклонен.

– А может, ты со мной позанимаешься? – в который раз спрашиваю, уже зная, что он ответит.

– Нет, малыш, – отвечает Данилка. – Чтобы создать щит, тебе потребуются истинные эмоции – страх, гнев, азарт, всё то, что заставляет человека жаждать победы. А ещё, нужна физическая сила. Меня же ты не боишься, вредная девчонка.

– А тебя я люблю, – говорю, чувствуя, как в области сердца скручивается что-то тёплое и пушистое.

– И я тебя, Илонка, очень люблю.

Всё во мне дрожит, вибрирует от этого незамысловатого признания. В животе порхает сотня весёлых, золотистых стрекоз. Их крылышки трепещут нежно щекоча. И я вспыхиваю от безумного желания ощутить его рядом, глаза в глаза, кожа к коже, сердце к сердцу. Но говорить о своей тайне, которую ношу в себе уже целый месяц, пока не буду. Расскажу вечером, под шелест морских волн, крики чаек, в рыжем свете заходящего солнца.

Кладу ладонь на ещё, совершенно плоский живот, расплываюсь в глупой, но такой счастливой улыбке. У нас будет малыш!

–Я могу, нас учили, – сказала мне Олеся, когда ощутила зарождение новой жизни. – У тебя маленький срок, и я просто его растворю. Тебе не будет больно.

Её огромные глаза смотрели на меня с жалостью и ужасом. Словно подруга обнаружила внутри меня не формиру-

ощегося человечка, а смертельную болезнь.

– Да ты что, с ума сошла? – замахала я руками на Олеську и тут же, инстинктивно накрыла живот ладонями, словно пытаюсь защитить. – Как ты можешь такое говорить?

От обиды и раздражения на подругу, на её непонимание, на этот жалостливый напуганный взгляд, меня начало мелко потряхивать. От кого-кого, а от Олеси я такого не ожидала.

– Дурочка! – Олеська сложила руки в молитвенном жесте, безумной юлой закружилась по комнате. – В других обстоятельствах, я бы порадовалась за тебя. Но этот проклятый остров нашпигован магией. Магическое излучение убьёт и тебя, и малыша. Нужно сделать аборт, пока не поздно.

– Олесья, во мне ребёнок Молибдена, – проговорила я с такой твёрдостью, на какую, казалось, никогда не была способна. – Он что-нибудь обязательно придумает.

Да, я была твёрдо уверена в том, что Данила не даст в обиду нашего с ним малыша.

– Дай бог, – вздохнула подруга, однако, по её сливовым глазам, до краёв наполненных тревогой, было ясно, что она мне не верит. – Просто магия способна не только созидать, в основном, если её не контролировать, она разрушает и убивает.

Больше мы к этому разговору не возвращались. Да и не до моих проблем было Олеське. Она стала часто пропадать с Русланчиком, изучая его проект, и я искренне радовалась за подругу.

День тянется долго и нудно. Одно занятие сменяется другим, конспекты, преподаватели, задания. Не могу сосредоточиться, упорядочить мысли. Информация ускользает, не желая задерживаться в лёгкой, наполненной радужными мечтами, голове.

Как сообщить ему? Заинтриговать? Убить на повал ошеломляющей новостью сразу, без экивоков? А какова будет его реакция? Рассмеётся? Набросится с поцелуями? Расплачется? Ну, это вряд ли. Плачущий Молибден – это что-то из области фантастики.

Есть не могу, но не по причине токсикоза. Меня изнутри переполняет радостное предвкушение, одурманивающее сладкое волнение. И от того, вся еда кажется пресной и сухой. Интересно, кого больше хочет Крокодил, сероглазую миленькую девчушку или озорного пацана?

Болтовня преподавателей и активность студентов раздражают и кажутся смешными и мелкими. Изменение агрегатного состояния веществ, изготовление магических предметов, расшифровка сновидений, разве ж это магия? Настоящая магия во мне! Ведь что может быть чудеснее появления на свет нового человека? Который с начала будет красным и скрюченным, затем розовым, щекастым и сосущим кулачки, после, любопытным, лепечущим что-то на своём детском языке, неуклюже переваливающимся, словно медвежонок.

Этим вечером море на редкость спокойно. В свете догорающего заката, волны цвета бронзы, с шумом, как-то нерв-

но, словно сердясь, накатывают на берег, жадно хватая гальку, чтобы через мгновение вернуть её вновь. Резко, слишком нарочито пахнет йодом, сварливо кричат чайки, летая над водой так низко, что можно разглядеть щербинки на их клювах. Громады скал в свете заходящего солнца выглядят зловеще, словно залитыми, уже высыхающей артериальной кровью. И мне на долю секунд такое обилие красного показалось недобрый знаком.

– У нас будет ребёнок, – произношу совершенно будничным тоном. За целый день я извела себя настолько, что на улыбки, интриги и загадки просто не осталось ни сил, ни желания. Произношу, и продолжаю прокручивать эту фразу в голове, смакуя на языке, наслаждаясь сладко-терпким вкусом с лёгким мятным холодком, ловя себя на мысли, насколько приятно её произносить не про себя, а вслух. Именно поэтому, какое-то время, не слышу, а потом никак не могу понять, что говорит Данила. Его слова скользят сквозь меня разноцветными рыбами.

– Девочка моя, я знал об этом, просто всё никак не мог решиться, не хотел ранить, трусливо надеялся, что твоя подруга или целительница всё тебе объяснят. Но, думаю, что дальше тянуть с этим разговором не только глупо, но и опасно. Не бойся, это совсем не больно. Срок маленький, тут даже твоя подруга Олеся справится.

Куратор Молибден заглядывает в лицо, сжимает мои руки в своей огромной ладони. Между бровями глубокая склад-

ка, в глазах холодная сталь, а весь он сам в закатном сиянии, словно вылит из бронзы. Чувствую, как глупая улыбка сползает с лица, а внутри всё наполняется могильным холодом, однако, ещё не верю.

– Ты же слышала, что сказал Крабич в день вашего прибытия. Почему не пила таблетки, Мелкая?

Голос куратора, стальным штырём ввинчивается в мозг. Я мертвею с каждой секундой. По венам растекается смертельный холод, внутренности превращаются в куски льда, южный тёплый воздух становится густым и колючим, как в самую суровую зиму. Беззвучно открываю и закрываю рот, хотя голова гудит от роящихся мыслей и невысказанных, рвущихся на волю слов.

– Гуляя по острову, разве ты видела хоть одного ребёнка? Как ты думаешь, почему? Магические потоки, что мы с тобой ловим каждый день, не так безобидны, как могут казаться. Они убьют и тебя, и эмбрион. Мы должны избавиться от этого прямо сейчас, пока не поздно.

Сквозь охвативший меня холод, где то в области сердца начинает клочкотать ненависть, чёрная, едкая, словно серная кислота, обжигающая резкой болью. Как же я ненавижу эти пухлые губы, этот совершенный овал лица, равнодушные стальные глаза, голос, сладкий, обволакивающий, тёплый и мягкий, как сливочное масло. Ненавижу горячую ладонь, сжимающую мои запястья.

– Как ты можешь такое говорить? – с трудом разлепляя

замороженные губы, произношу, понимая, что несу бональщину, пошлость, словно героиня телесериала, ведь мои чувства глубже, ярче, сильнее. – Это наш с тобой ребёнок, чудо, подаренное богом! Причём тут Крабич? Причём тут магия? Что за бред ты несёшь?

Выдёргиваю свои руки из его хватки, запоздало думая, что это надо было сделать давно, пытаюсь глотнуть хоть немного воздуха, но он застревает в горле ледяным, бугристым комком.

– Дурочка, это не игра. Ты умрёшь. По-твоему, никто не пытался беременеть? Ты одна такая умная? И нет в тебе ещё никакого ребёнка, – голос Молибдена ровный, но по играющим на лице желвакам, я вижу, что он на грани, что все его аргументы исчерпаны, и он досадует на моё упрямство. – Ты забыла выпить таблетку, и сперматозоид соединился с яйцеклеткой только и всего. Не драматизируй, малыш.

– Я не верю тебе, – слова из пересохшего горла выдавливаются с трудом, как засохшая паста из тюбика. – А даже если и так, я готова рискнуть.

– Рискнуть собственной жизнью? Ради чего? Ради комка клеток? Ты совсем идиотка, Мелкая?

Слова Данилы бьют хлётко, больно со всего размаха, не давая опомниться, не позволяя сформулировать фразу. Хочу назвать его трусом, хочу заорать, что он сам притащил меня на этот проклятый остров и лишил радости материнства, что никто, а уж тем более он, не имеет права убивать

жизнь, появившуюся во мне. Но произношу совсем другое:
– Комок клеток? Какой же бесчувственной тварью надо быть, чтобы так назвать своего ребёнка?

Я не плачу, напротив, мои глаза сухи, словно в них насыпали песка. И это хорошо. Не хватало ещё разрыдаться перед этой скотиной.

Несколько минут мы молча смотрим друг на друга, и холодная сталь его глаз пронизывает меня насквозь, вгрызается в плоть, кромсает на сотни кровавых ошмётков мою душу.

– Позволь мне попробовать, – тихо произношу, и скорее чувствую, чем вижу, как серых омотах мелькает сомнение, робкое, хрупкое, как первый декабрьский ледок. Однако, через мгновение взгляд Молибдена твердеет.

– Нет, Мелкая, ты слишком дорога мне, – отрезает он, и в воздухе вспыхивает вход в портал.

Крепкие руки, не давая опомниться, хватают меня за шиворот, словно котёнка, и я лечу в обрамлённую розовым свечением пустоту.

Глава 25

Падаю на ковёр, Молибден возвышается надо мной, властный, уверенный в своей силе и правоте, от того и расслабленный. Хищник, безжалостный зверь, играющий с глупой доверчивой добычей.

В красном свете, разлившегося по небу заката, моя комната кажется зловещей. А ведь сколько радостных пробуждений в ней было, сколько мечтаний перед сном под успокаивающие первые аккорды арфы! А я ведь уже успела полюбить это место, горячее солнце, плотный, насыщенный ароматами трав и моря воздух, крики птиц, пестроту порхающих по всюду бабочек, ночные купания с Молибденом по выходным, наши долгие разговоры за чашкой чая или бокалом местного вина в его беседке и грёзы о том, как я однажды войду в дом своего куратора хозяйкой, как каждое утро стану просыпаться в крепких мужских объятиях, бежать на кухню, чтобы поставить чайник и покормить кота. Да, у нас обязательно был бы большой рыжий кот. Но видно, не судьба. Существуют такие слова, которые простить невозможно, оставляющие в душе безобразные ожоги, глубокие зияющие каверны, обрамлённые омертвевшими, обугленными лоскутами.

– Зачем ты притащил меня на этот остров, зная, чего я буду лишена? – слова сухими комьями рассыпающейся зем-

ли карябают горло, оставляя тошнотворную горечь на языке.

– Что за глупый вопрос? – усмехается Данила, и впервые его улыбка кажется мне гадкой. Чувствую, как с каждой секундой между нами вырастает стена. Глухая и непреодолимая. – Я спас тебя от нищеты, от унижительной необходимости гнуть спину и считать жалкие гроши. У тебя были способности, у меня хорошие отношения с инквизитором нашего с тобой города. Грех не воспользоваться. А материнство? Чёрт побери, Мелкая, ты же далеко не дура и вполне сможешь реализовать себя в чём-то другом. Пусть новых граждан для Конгломерата рожают те, кому нечего дать.

Задыхаюсь от возмущения и ясного понимания, что до Молибдена я не достучусь. Как бы я не кричала, не плакала, не обвиняла, любое моё слово, любые доводы, будут для него всего лишь шелестом морской пены по гальке. Он не видел и никогда не увидит себя в качестве отца. Молибден – куратор, сильный маг, пылкий любовник, но никак не отец.

А вместе с этим пониманием, меня, от макушки до пяток пронизывает холодной спицей страха. Мы с Данилой одни в этой комнате. И он сможет сделать со мной всё, что угодно, и сделает. В глазах стальная решимость, в голосе металл. Сердце, загнанной птицей, мечется в грудной клетке, в теле дрожь, воздух становится колючим и нещадно карябает лёгкие при каждом вдохе, в ушах тонкий комариный писк.

Словно учуяв запах моей паники, Молибден подходит ко мне, медленно, по-кошачьи мягко. Я же отползаю от него всё

дальше и дальше, пока не упрусь в стену.

– Я сам вытащу из тебя это, – мягко обещает он. – Не бойся, всё пройдёт, относительно, без боли и осложнений. Не даром принцесса и её фрейлины предпочитают обращаться за абортом к магам. Жаль, что эта процедура доступна лишь богачам, нежеланных детей, матерей-одиночек и малолетних преступников в Конгломерате было бы на порядок меньше.

Вздрагиваю от каждого его слова, как от удара плетью. Да, он бьёт меня, по самому оголённому и уязвимому месту моей души, оставляя глубокие кровоточащие рубцы.

В комнате стремительно темнеет, в синеве плотного сумрака фигура Молибдена кажется светлой, нечеловеческой, высеченной из камня. Слово сейчас на меня надвигается ожившая статуя.

– Прекрати скулить и ползать, мне это надоело, – отрубает наконец Данила и рывком поднимает меня с пола. – Прекрати делать из меня монстра. Сейчас ты ляжешь и постарайся расслабиться.

Тащит меня в сторону, белеющей в темноте кровати, я же царапаюсь, вырываюсь, стараюсь укусить держащие меня пальцы. Всё исчезает, остаётся лишь борьба, борьба песчинки с бурей, огонька свечи с густым мраком глубокого подземелья, нежного ростка с суровой зимней стужей.

– Ты и есть монстр! – ору я пересохшим горлом. – Монстр! Убийца! Чудовище!

– Твоё право так считать, – ровно, словно объясняя оче-

редной урок, произносит куратор, укладывая меня на кровать. – Мне плевать и на твои прозвища, и на, составленную тобой характеристику, главное – чтобы ты была жива.

Пытаюсь вскочить с кровати, чтобы ринуться к двери, ведь вот она, на расстоянии десяти шагов, а там Олеся и Руслан, там люди. Хотя, конечно, Молибден достанет меня везде. Но это не важно, главное – бежать.

Однако, в руках куратора возникают блокнот и карандаш, и через несколько секунд, моё тело прилипает к постели. Беспомощно бьюсь, глотая слёзы, с трудом соображая, что происходит, тупея от бессильной ярости, отчаяния, разочарования в том, кого любила, с кем мечтала разделить жизнь, кому была готова отдать всю себя без остатка.

Слышу равнодушный шелест страниц, крики и смех студентов, доносящиеся из открытого окна, неизменные трели сверчков и цикад, шум, вздымающихся в небо фонтанов.

Это конец! Конец нашей любви, нашего счастья. Мой конец! Останусь ли я прежней после того, что случится сейчас? Смогу ли уважать саму себя, понимая, что не сумела спасти, не сумела отстоять?

Куратор бросает взгляд на свои наручные часы, садиться на край кровати, вытирает, бегущие по щекам слёзы, и меня встряхивает, корёжит, настолько мне гадки эти прикосновения.

– Скоро заиграет арфа, – тихо произносит он. – Но это, наверное, даже к лучшему. Когда я вернусь, ты будешь уже

спать, и боли совсем не почувствуешь. А завтра, с новым днём на всё посмотришь по-другому.

Его губы трогает робкая, чуть заметная, словно извиняющаяся улыбка. Куратор встаёт и уходит, оставив меня в темноте, приклеенную намертво к кровати, наедине с разрывающими сердце, на сотни кровавых ошмётков, мыслями.

Время тянется вязкой смолой, и я уже сама не знаю, хочу ли услышать первые аккорды арфы или желаю оттянуть неизбежное. Он вытащит из меня моего малыша, сероглазого или кареглазого, девочку или мальчика. Вытащит, и наверняка, сделает так, чтобы я больше не смогла забеременеть вновь. Почистит, выпотрошит, как курицу. А я никак не смогу помешать этому, даже уйти с острова, так как привязана к нему, так же крепко, как сейчас к этой проклятой кровати.

Бессильным огненным зверем во мне мечется ненависть. Ненависть к холодным глазам грозового неба, к пухлым, таким мягким и тёплым губам, горячим, заставляющим звенеть, и трепетать от желания, рукам.

Свет, внезапно вспыхнувшей лампы бьёт по глазам, а от участия в голосах друзей под веками вскипают слёзы. Едкие, жгучие.

– Твою мать! – вскрикивает Олеська. – Всё-таки он решил избавиться от ребёнка!

– А я всегда говорил, что наши преподы садюги, каких поискать, – ворчит Русланчик, задёргивая шторы. – А ведь Олеська ещё утром предсказывала, что с тобой произойдёт

какая-то гадость.

Затем, решительно подходит ко мне, подносит к своим губам гармошку, извлекая пронзительный, звук рвущейся струны. Чувствую лёгкость, в теле, странное, немного пьянящее ощущение свободы. Вскрываю с ненавистной кровати, растираю, затёкшие от неподвижности мышцы. Однако, опьянение быстро проходит, я опускаюсь на пол, закрываю руками лицо. Моя любовь, моя мечта растоптаны, мой малыш никогда не увидит свет солнца, не улыбнётся мне, не назовёт мамой. Его вытащат и выбросят в мусорный бак, как кусок мяса, который сгниёт вместе с картофельными очистками, яичной скорлупой и огрызками яблок. И сделает это мой Данька, любимый, добрый, солнечный, самый лучший на свете.

Плачу уже навзрыд, не стесняясь, не таясь. Олеся садится напротив меня, достаёт из сумочки салфетку, вытирает мне щёки. Её круглое лицо двоится, дрожит за пеленой солёной влаги. Руслан возится с графином и стаканом, слышу звон льющейся воды.

– Успокойся и послушай, – решительно произносит подруга, после того, как я делаю несколько глотков из поднесённого к губам стакана. – До первых аккордов арфы осталось всего десять минут, и если промедлим, то уснём прямо здесь, вернётся Молибден и всё – пипец котёнку. Это макет острова.

Подруга протягивает стеклянный шарик, в котором за-

ключена уменьшенная модель Корхебеля. Серая галька пляжа, зелень кипарисов, золотистые пашни, лиловые громады скал, голубые, извилистые полосы лиманов.

– Моя работа, – улыбается Русланчик, рассматривая свою губную гармошку, так, словно впервые её увидев. – Эта штукавина заряжена энергией острова. Здесь его земля, его камни, его трава. Надеюсь мой подарок поможет обмануть привязку, ведь Корхебель будет всегда с тобой.

Сжимаю шарик в руках, с детской надеждой оглядываю лица друзей, серьёзные, сосредоточенные, решительные. Чувствую, как в обгорелой душе распускается робкий, нежный росток благодарности к этим людям. Людям, готовым помочь мне просто так.

– Я был неправ, когда утверждал, что для перемещения необходимо представлять запахи и звуки, нужного тебе места. Ведь запахи и звуки тоже могут измениться, правда?

Руслан, словно попавший в клетку зверь, мечется по комнате, размахивая руками, прикасаясь то к стенам, то к мебели, то теребя шторы.

– А вот запах, голос и внешний вид человека более константен. И этот человек, как раз сможет послужить точкой прибытия.

– У тебя есть сестра, и ты можешь оказаться рядом с ней, – Олеська хватает меня за плечи, легонько встряхивает. Я же, охваченная восторгом и восхищением, застываю, не в силах поверить, не в силах переварить и принять то, что сейчас,

буквально через несколько минут, окажусь рядом с Полиной.

– Спасибо вам, ребята, – произношу, а голос вновь дрожит от слёз и понимания, что больше никогда не увижу ни колючую, словно ёжик, но такую открытую и смешливую Олесю, ни добродушного и умного Руслана.

– Хорош сырость разводить, – ухмыляется подруга, обнимая меня за шею.

Утыкаюсь ей в плечо, в малиновую ткань ситцевого платья, вдыхая запах земляничного мыла. Такой, слегка растрёпанной, с лихорадочным блеском в глазах, пахнущую земляникой она мне и запомнится.

– Удачи тебе, – Русланчик, как-то неловко, прижимает меня к себе. Затем, резко отпускает и встаёт, напротив.

– Вспомни сестру, подробно, каждую мелочь. Голос, цвет глаз, родинки, запах, важно всё. Я проникну в твою ауру, считая информацию и подберу нужную мелодию. Всё просто.

Закрываю глаза, мысленно рисую образ Полины. Светлые волосы, разбросанные по плечам пшеничным водопадом, тонкие губы, вздёрнутый маленький нос, хитрый прищур глаз, ноготь на мизинце обкусан, на запястьях браслеты из разноцветного бисера. Смех резкий, слегка хриловатый, не затрагивающий взгляда. От Польки пахнет ментоловыми сигаретами и пивом.

В сознание врывается музыка, полная какого-то фальшивого веселья, с истеричными нотками, бьющая по нервам,

вызывающая желание уйти, спрятаться в уединённом, тихом месте.

Образ Полины расплывается, превращается в беспорядочные, разноцветные кляксы, в теле с каждой секундой нарастает тяжесть, кажется, что музыка, каждой своей нотой въедается в мозг. А на краю сознания мелькает мысль:

– Вот и всё. Я скоро буду дома. Прощай, Корхебель!

Эпилог

Тёмная комната, насквозь пропахшая кишечными газами, перегаром и гниющим мусором. Батарея пустых бутылок у стены, на полу шевелящиеся клубки человеческих тел. Кто-то бормочет во сне, кто-то всхлипывает, кто-то храпит. В окно слабо, неуверенно сочится холодный тревожный свет зимнего утра. Вглядываюсь в расслабленное, облитое расцветной синевой лицо, лежащей рядом девушки. Светлые волосы спутаны, из приоткрытого рта вытекает слюна, тушь размазана. Дрожащими пальцами касаюсь плеча, обтянутого колючей тканью свитера. Девушка вздрагивает, распахивает глаза, полные похмельного непонимания и растерянности.

Улыбаюсь, как можно мягче, чтобы не напугать, не спровоцировать вспышку неконтролируемого гнева или иной негативной реакции, чувствуя, как накатывает давно позабытое ощущение внутреннего напряжения, произношу:

– Здравствуй, Полина.

Конец первой части. Продолжение следует.